

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM
31000037355347

ПОМНИТЬ ВСЁ

ОНИД МЛЕЧИН

СПЕЦОПЕРАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ПОХИЩЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ
КГБ, ЦРУ, МОССАД...

Леонид МЛЕЧИН

СПЕЦОПЕРАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

**ПОХИЩЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ
КГБ, ЦРУ, МОССАД...**

АО «Издательский дом
«Аргументы недели»
Москва, 2019

М 72 **Л. Млечин.** СПЕЦОПЕРАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ. Похищения и ликвидации. КГБ, ЦРУ, Моссад... – М.: АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2019. – 304 с. – (Серия «Вспомнить всё»).

ISBN 978-5-6042364-0-6

Громкие истории последнего времени заставили заговорить о том, что специальные службы вновь приводят в исполнение смертные приговоры, вынесенные врагам государства. Боевые операции за границей представляют особую сложность. И за редким исключением их не удастся сохранить в тайне. Спецслужбы всегда обещают устроить заковыристый дельце без шума и пыли, но, как правило, возникают громкие межгосударственные скандалы. Впрочем, некоторые истории и по прошествии времени все еще остаются загадкой...

ISBN 978-5-6042364-0-6

© Млечин Л.М., 2019

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2019

Громкие истории последнего времени заставили заговорить о том, что специальные службы – после длительного перерыва – вновь приводят в исполнение смертные приговоры, вынесенные врагам государства.

Боевые операции за границей, или, как выражались прежде, за кордоном, представляют особую сложность. И за редким исключением их не удается сохранить в тайне. Спецслужбы всегда обещают устроить заковыристое дельце без шума и пыли, но, как правило, возникают громкие межгосударственные скандалы. Впрочем, некоторые истории и по прошествии времени все еще остаются загадкой, и мы можем лишь догадываться и предполагать...

Как все это начиналось?

Из всех руководителей госбезопасности Вячеслав Рудольфович Менжинский кажется самой незаметной фигурой, хотя он руководил Объединенным государственным политическим управлением (так именовалось тогда ведомство госбезопасности) с 1926 по 1934 год, восемь лет, – дольше, чем его наследники Генрих Григорьевич Ягода и Николай Иванович Ежов, вместе взятые.

Наверное, все дело в том, что Менжинский резко выделялся среди своих коллег. Мягкий по характеру, приятный, обходительный, скромный, бескорыстный, интеллигентный человек – таков его образ, утвердившийся в истории.

Высокообразованный, преданный делу большевик Вячеслав Рудольфович Менжинский был тяжело болен, много времени проводил на даче, где разводил цветы и возился в химической лаборатории. Не имея, таким об-

разом, возможности лично вникать во множество дел, он был вынужден довольствоваться информацией, поступавшей к нему от его первого заместителя – Генриха Ягоды, которому вполне доверял.

Однако рассказы о том, что за него все делал Ягода, – миф. Именно Менжинский занимался ликвидацией кулачества как класса, что означало уничтожение русского крестьянства. Именно Менжинский подготовил первые московские судебные процессы над «врагами народа», которые потрясли страну и мир. Именно Менжинский отправлял боевые группы за границу для уничтожения противников советской власти – иногда самым жестоким образом.

Менжинский и разработал те методы, которыми в полной мере воспользуются его преемники. Он был гораздо умнее их и придумал то, на что сами они, лишь следовавшие предначертанным им путем, были бы не способны.

Почему в двадцатые и тридцатые годы советская разведка была самой сильной в мире? Первое поколение разведчиков состояло из людей, родившихся за границей или вынужденно проживших там много лет: они чувствовали себя за рубежом как дома. Двадцатые и тридцатые годы были временем, когда в разведку шли ради острых ощущений, убегая от серых и пустых будней. Было их совсем немного, но они добились невероятных успехов. Это был мир странных, незаурядных, неординарных людей. Романтики, которые запросто убивали недавних коллег, находя успокоение в мыслях о том, что они служат великому делу.

Три критерия определяют качество разведывательной информации – секретность, достоверность и актуальность.

Поток поступающей в Центр разведывательной информации был огромным. Недостатком ее было нежелание резидентур сообщать то, что могло вызвать недовольство

Центра. Поэтому картина происходящего в мире искажалась.

Агенты писали то, что хотели видеть курирующие их офицеры. Офицеры, добывающие информацию, в свою очередь, учитывали пожелания резидента. А тот ориентировался на настроения начальства.

Не разведывательная информация была исходным материалом для анализа политических процессов, а собственные представления вождя о мироустройстве. От разведки же требовалось подтвердить правоту его выводов.

Нелегальная работа потому так нравилась начальству, что ему хотелось, чтобы подчиненные не только собирали и анализировали информацию, но и наносили ощутимые удары по врагу. Тайные операции высоко ценились. Способность вести подрывные операции на чужой территории рождает иллюзию сохранения великой державы и компенсирует упадок экономической мощи страны.

Часть первая

ВРАГИ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ ВНЕ ЗАКОНА

ЗАГАДКА СУДЬБЫ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА

25 января 1930 года проживавшему в Париже русскому эмигранту принесли короткую записку с предложением о встрече. Записка была прочитана и тут же уничтожена. Получивший ее после минутного размышления согласно кивнул, и принеся записку покинул небольшую квартиру на четвертом этаже старого дома № 26 по узкой и мрачноватой улице Русселе, избежав встречи с кем-либо из домочадцев. Для этого не требовалось особого умения. Хозяин дома не посвящал в свои дела даже самых близких людей. Жене полагалось знать только то, что муж считал нужным говорить сам.

В апреле 1924 года они сняли эту меблированную квартиру и прожили здесь шесть лет. Скромная прихожая – из нее дверь в столовую, где хозяин принимал посетителей. Небольшой кабинет. Рядом спальня.

На следующий год после переселения на улицу Русселе, 27 февраля 1925 года, у обитателей квартиры родился сын Павел, украсив их новую жизнь. Неведомо им было, какая драматическая судьба уготована мальчику, носившему громкую и многими ненавидимую фамилию...

Все эти годы вместе с семьей жил денщик. Впрочем, денщиков, конечно же, хозяину дома не полагалось. Более не существовало и армии, где он когда-то дослужился до генеральских эполет. Но сам хозяин, вынужденно сняв форму, продолжал числить себя на военной службе и вел

собственную войну с теми, кого считал своими злейшими врагами и погубителями родины.

Как бы то ни было, денщик Федоров предпочел остаться с генералом и выполнял обязанности уборщицы, кухарки и состоял нянькой при маленьком Павле – словом, был прислугой во всем. Только от роли швейцара он был избавлен. Дверь открывал сам генерал. Не хотел, чтобы кто-нибудь видел его частых посетителей. И, когда к нему кто-то приходил, жене запрещалось вмешиваться в беседу.

Воров и грабителей хозяин, как человек военный, не боялся. Но у него, конечно же, были опасные враги, поэтому его соратники – бывшие русские офицеры, осевшие в Париже, – пытались охранять своего командира, генерала от инфантерии Александра Павловича Кутепова, который возглавлял Русский общевоинский союз (РОВС), объединивший остатки белой армии, покинувшей родину.

Офицеры, работавшие в Париже таксистами, по очереди возили и охраняли своего генерала. Его возили, сменяясь, тридцать три водителя такси – по одному человеку на каждый день месяца, двое-трое в резерве. Но это не была постоянная, круглосуточная охрана. Офицеры сопровождали генерала в тех случаях, когда следовало ожидать неприятностей. Профессиональных телохранителей, которые бы постоянно окружали главу русской военной эмиграции, ему не полагалось.

Записка, полученная генералом 25 января 1930 года, не сулила никаких неприятностей. Намеченная на воскресенье встреча даже не нарушила установленный им распорядок дня. В одиннадцать часов утра он обещался быть на панихиде по умершему генералу от кавалерии Александру Васильевичу Каульбарсу в церкви Галлиполийского собрания на улице Мадемуазель, 81. Генерал Каульбарс, один из создателей русской авиации и одновременно исследователь Китая, ушел из жизни в преклонном возрасте.

Кутепов не мог с ним не попрощаться. К обеду он просил ждать себя к половине первого. А после обеда Александр Павлович собирался поехать с женой и сыном за город, чтобы осмотреть дачу, которую они предполагали снять.

Педантичный, скрупулезно точный, никогда не опаздывавший Кутепов вышел из дома ровно в половине одиннадцатого. Идти ему предстояло не больше двадцати минут. Выйти на улицу Севр, пересечь бульвар Инвалидов и пройти по улице Лекурб.

Короткая встреча, на которую его пригласили накануне, была назначена на трамвайной остановке на улице Севр. Кутепов появился на остановке точно в срок. Но назначивший ему встречу не явился. Больше пятнадцати минут Кутепов не мог позволить себе ждать. По улице Удино пошел в сторону бульвара Инвалидов. Погруженный в свои мысли, ничего не замечал. Ни две странно замершие в неудобном для стоянки месте легковые машины с пассажирами, ни полицейского, который прежде здесь никогда не дежурил.

А ведь Кутепов ходил по этой дороге в церковь каждое воскресенье и мог бы обратить внимание на странно напряженного полицейского, не походившего на вальяжных парижских ажанов. Впрочем, в предшествовавшие этому воскресенью дни полицейский несколько раз появлялся на перекрестке, и местные жители, приятно обрадованные заботой префектуры, уже успели к нему привыкнуть. Когда Кутепов поравнялся с одной из легковых машин, два человека остановили генерала.

Когда на Лубянке в 1989 году сотрудники советской разведки рассказывали мне, как проводилась тогда операция в Париже, то излагали такую версию: сотрудники оперативной группы представились полицейскими и попросили генерала проехать вместе с ними в префектуру.

Кутепову, верно, показалось странным, что полиция приглашает его таким странным образом, тем более в воскресенье. Русский общевойсковой союз старался поддер-

живать наилучшие отношения с префектурой полиции, но для французов, сознавал Кутепов, русские офицеры оставались нежелательными иностранцами. Советские дипломаты не упускали случая выговорить французам за то, что они предоставляют убежище враждебным для СССР организациям. Эмиграция – источник постоянных неприятностей. Да и среди самих эмигрантов то и дело возникали какие-то скандалы. Парижским полицейским приходилось мириться с их присутствием, но симпатии к русским они не испытывали.

Секунду Кутепов колебался. Но фигура полицейского в форме снимала все сомнения. Дверца была предусмотрено распахнута, Кутепов уселся на заднее сиденье, и автомобиль рванул с места. Генерал не оглянулся и потому не увидел, что полицейский столь же стремительно покинул свой пост. Он уселся во вторую машину, которая устремилась вслед за первой.

На самом деле не представляется возможным установить, как именно был похищен Кутепов. То ли его и в самом деле обманном образом уговорили сесть в машину, то ли запихнули в кабину силой... Так или иначе, операция прошла успешно. Глава русской военной эмиграции был похищен в самом центре Парижа, и никто этому не помешал.

Много десятилетий спустя на этой самой улице я снимал документальный фильм, посвященный похищению генерала Кутепова и другим драматическим событиям, о которых пойдет речь в этой книге.

Не успела наша группа закончить съемки, как примчался полицейский микроавтобус, вызванный, надо полагать, кем-то из подозрительных соседей. Из машины вышел не один полицейский и не два, а пять человек с автоматами в руках. Все было очень серьезно. Они окружили нас и потребовали отчета, кто мы и что здесь делаем. После долгих объяснений они осмотрели снятые нами кадры, успокоились и уехали. А я подумал, что, если бы в

тот январский день 1930 года местные жители проявили такую же бдительность, судьба героев этой книги сложилась бы иначе...

В церкви Александра Павловича напрасно ожидал председатель главного правления Общества галлиполийцев генерал-лейтенант Михаил Иванович Репьев. Первую мировую он закончил командующим армейским корпусом, в Добровольческой армии – инспектор артиллерии у Кутепова. Образованное 22 ноября 1921 года Общество галлиполийцев входило в состав РОВС. Репьев крайне удивился тому, что Кутепов так и не появился.

В три часа дня семья подняла тревогу. Выяснилось, что Александра Павловича нет ни в Галлиполийском собрании, ни у знакомых. Лидия Давыдовна Кутепова была в отчаянии: что случилось с мужем? Пришли знакомые. Среди них были знаменитая певица Надежда Васильевна Плевицкая, прославившаяся исполнением русских народных песен, и ее муж – бывший командир Корниловской дивизии генерал Николай Владимирович Скоблин. Все первые дни после похищения Надежда Васильевна старалась быть рядом, чтобы поддержать Лидию Давыдовну. Просто не оставляла ее одну.

Пройдут годы, и, когда станет известно, что Плевицкая помогала советской разведке, придут к выводу, что в те январские дни 1930 года она лицемерила. Но это глубоко несправедливо. В январские дни 1930 года Плевицкая искренне сочувствовала горю Лидии Давыдовны. На советскую разведку они со Скоблиным еще не работали...

Лидия Давыдовна Кутепова обратилась в полицию. Появился полицейский инспектор. Поздно вечером начались поиски. Арсений Александрович Зайцов, в прошлом полковник лейб-гвардии Семеновского полка, а тогда помощник Кутепова, вместе с полицейским объездил парижские госпитали и морги, проверяя, не стал ли генерал жертвой несчастного случая.

Полиция также пожелала убедиться в том, что Александр Павлович не вознамерился куда-то внезапно уехать. Его фотографии разослали во все полицейские управления и пункты пограничного контроля.

Не решил ли генерал сам тайно отправиться в Советскую Россию? Полицейским объясняли: если бы Кутепов уехал, об этом обязательно знали бы его жена и ближайшие помощники. 28 января жена Кутепова подала жалобу прокурору республики: она категорически отвергала возможность бегства мужа или его самоубийства. Только после этого началось полноценное расследование.

Александр Павлович был одним из самых заметных русских в Париже. К поискам присоединилось множество добровольцев. Среди эмигрантов царил переполох. Никто не мог понять, куда исчез генерал Кутепов. Он словно испарился...

1 февраля 1930 года поэтесса Марина Ивановна Цветаева написала своей подруге из Парижа: «А у нас украли Кутепова. По мне – убили». Не зря поэтов называют провидцами. Она оказалась права...

Парижские газеты возмущались преступлением, совершенным на французской земле. Требовали тщательного расследования. Напоминали, что Кутепов – друг Франции, председатель союза бывших русских фронтовиков, в Первую мировую воевал вместе с французской армией против общего врага. Об исчезновении Кутепова доложили главе правительства Андре Тардьё, находившемуся в тот момент в Лондоне. Сам участник Первой мировой, он распорядился искать русского генерала.

Во Франции было достаточно спецслужб и правоохранительных органов, которые должны были заняться расследованием. Прямая обязанность раскрыть похищение лежала на префектуре полиции. Мобилизовали четыреста агентов сыскальной полиции под руководством комиссара по

особым делам со смешной для русского человека фамилией Фо-Па-Биде.

В Первую мировую в составе французской миссии капитан Шарль Фо-Па-Биде был командирован в Россию, где 8 сентября 1918 года его арестовали по обвинению в шпионаже. Его допрашивал сам председатель Реввоенсовета Республики Лев Давидович Троцкий. И вот почему. Выяснилось, что в 1916 году именно комиссар Фо-Па-Биде принял решение выставить русского эмигранта Троцкого из Парижа за антивоенную агитацию.

«Биде-Фопа был душой слезки и высылки, – писал Троцкий. – От своих коллег Биде отличался необыкновенной грубостью и злобностью. Он пытался разговаривать со мною тоном, какого никогда не позволяли себе царские жандармские офицеры. Наши беседы всегда заканчивались взрывом. Уходя от него, я чувствовал за спиной ненавидящий взгляд...

Меньше чем через два года судьбе угодно было доставить мне за счет г. Биде совершенно неожиданное удовлетворение. Летом 1918 г. мне сообщили по телефону, что Биде, громовержец Биде, заключен в одну из советских тюрем. Я не хотел верить своим ушам. Оказалось, что правительство Франции отправило его в составе военной миссии для розыскных и заговорщических дел в Советской России. А он имел неосторожность попасться».

Когда Шарля Фо-Па-Биде привели в Наркомат по военным и морским делам, Троцкий сразу и не признал его. Громовержец превратился в простого смертного, причем опустившегося. Всесильный нарком смотрел на него с недоумением.

– Да, господин, – сказал французский полицейский, склоняя голову, – это я.

– Господин Биде, вы не были со мной очень вежливы в Париже, – напомнил ему Троцкий.

– Увы, я должен это с грустью признать, господин народный комиссар. Я часто об этом думал в моей камере. Человеку иногда полезно, – прибавил Биде многозначительно, – познакомиться с тюрьмой изнутри. Но я надеюсь, что мое парижское поведение не будет иметь для меня печальных последствий.

Троцкий успокоил его.

– Вернувшись в Париж, – заверил Биде советского наркома, – я не буду заниматься тем, чем я занимался.

– Неужели, господин Биде?..

В январе 1919 года комиссара Фо-Па-Биде и других французов обменяли на русских солдат, остававшихся во Франции. Он вернулся на родину. Служил в префектуре полиции. Среди прочего занимался русскими эмигрантами. Однако же расследование оказалось ему не под силу. Кутепова украли не обычные уголовные преступники, над которыми полиция рано или поздно берет верх. Это была операция, проведенная самой мощной в ту пору спецслужбой.

На пятый день появился первый свидетель. Уборщик клиники Святого Иоанна, принадлежавшей католическим монахам, в то утро вытряхивал ковер из окна и видел сцену похищения:

«На улицу Русселе свернул с улицы Удино, идя со стороны бульвара Инвалидов, господин средних лет в черном пальто и черной мягкой шляпе. Он был среднего роста, и я ясно видел его черные усы и небольшую черную бородку. Когда господин поравнялся с серо-зеленым автомобилем, стоявшим у тротуара рядом с клиникой, два здоровенных человека в желтых пальто, стоявшие рядом с машиной, подошли к нему и повели с ним какой-то спор. Один из них схватил его за левую руку, другой за правую. Борьба была короткой. Нападавшие силой втолкнули бородатого господина в автомобиль.

Неподалеку, на самой улице Удино стояло красное такси. А рядом – полицейский в форме. Полицейский подошел к автомобилю, и, когда господина втолкнули в

машину и поместились в ней оба нападавшие, он, оглянувшись по сторонам, также вскочил в автомобиль и сел рядом с шофером. В ту же секунду автомобиль двинулся с места, завернув за угол, на улицу Удино. Следом за ним умчалось и красное такси».

Еще один свидетель вроде бы обратил внимание на борьбу внутри серо-зеленого автомобиля. Поскольку там присутствовал полицейский, то подумал, что задерживают опасного преступника, и успокоился...

На мосту Альма обе машины похитителей попали в затор. Одна женщина уверяла, что видела, как в серо-зеленом автомобиле пассажир закрывает другому лицо платком. Когда полицейский выскочил из машины, чтобы расчистить дорогу, женщина поинтересовалась, что приключилось с пассажиром. Полицейский объяснил: в кабине человек, попавший в аварию, ему дают эфир, чтобы облегчить страдания.

Следователи нашли магазин, где был взят напрокат костюм полицейского, а квитанция оформлена на имя несуществующего человека. Не оставалось сомнений в том, что генерала похитили. И, возможно, убили.

Тем временем советская печать дала отповедь империалистическим клеветникам, утверждавшим, будто Кутепова похитили и убили агенты Москвы.

3 февраля 1930 года «Известия» посвятили половину первой полосы истории с генералом. Статья появилась без подписи, это означало, что она писалась и редактировалась на самом верху:

«Эта нелепая история в излюбленном, бульварном, детективном жанре, специально инсценирована с провокационной целью. «Таинственное исчезновение» Кутепова послужило сигналом для неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. «Исчезновение» Кутепова изображается как дело рук «Чена», агенты которой якобы «похитили» Кутепова среди бела дня на улицах Парижа».

Иначе говоря, похищение инсценировали с одной целью – оклеветать Советскую Россию. «Известия» пригрозили французскому правительству.

«Продолжение французским правительством его тактики пассивности и потворства и косвенного поощрения хулиганской кампании науськивания на дипломатическое представительство Советского Союза, – говорилось в статье, – невольно создает впечатление, что правительство поддается на провокацию русской белогвардейщины и следует ее указке...

Мы вынуждены со всей серьезностью поставить перед правительством вопрос: предпочитает ли французское правительство сохранению дипломатических отношений с правительством Советского Союза сотрудничество с белогвардейской эмиграцией? Совершенно очевидно, что нормальные дипломатические отношения несовместимы с такими фактами».

Одобренная идеологическим начальством на Старой площади основная версия не исключала инициативы снизу, поэтому уже мертвый генерал Кутепов изображался советской прессой в самом неприглядном свете. Собственный корреспондент «Известий» в Амстердаме со ссылкой на «достоверные сведения» сообщал: «Виновниками «исчезновения» Кутепова являются сами белогвардейцы. Есть прямые данные, указывающие на то, что Кутепов выехал незаметно в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму».

Расследование обстоятельств загадочного исчезновения Кутепова ничем не окончилось. Французская полиция вела расследование без особого рвения. Эмиграция была уверена, что это дело рук советских чекистов. Но эмиграция была бессильна.

Генералу Евгению Карловичу Миллеру, который стал преемником Кутепова на посту председателя Русского общевойскового союза, оставалось только объяснять парижским журналистам:

– Гипотеза о бегстве Александра Павловича безусловно исключается. Недавно женившийся и имеющий горячо им любимого сына, генерал Кутепов всегда был образцовым мужем и отцом. С другой стороны, вообще не существовало каких-либо причин, которые могли бы подвигнуть Кутепова на бегство. Остается гипотеза о похищении генерала...

Четверть века спустя генерал Павел Николаевич Шатилов, бывший начальник штаба врангелевской армии, осевший в Париже, писал:

«Во время оккупации Парижа германской армией и занятия здания советского посольства в подвале посольства была обнаружена печь, напоминающая крематорий, в которой можно было, по мнению некоторых лиц, сжигать человеческие трупы. Это вызвало предположение, что Александр Павлович после усыпления хлороформом в автомобиле был доставлен на улицу Гренель, 79, и сожжен в этой печи. Но доказательств этого предположения не было никаких».

В эту версию мало кто поверил. В ходу была и другая: председателя РОВС сразу же убили или он умер сам. Профессор Иван Алексинский, у которого генерал лечился, рассказал, что «вследствие ранений в грудь во время войны Кутепов не мог выдержать действие наркотиков». Если ему в момент похищения дали эфир или хлороформ, оба препарата могли оказаться для него смертельными.

Так как же закончил свой земной путь председатель РОВС?

В 1989 году я писал о Скоблине и Плевицкой. Представители КГБ СССР – с санкции председателя комитета Владимира Александровича Крючкова – дали мне возможность прочитать их личные дела.

Я спросил тогда и о судьбе генерала Кутепова.

Сотрудники КГБ передали мне справку, которую я могу процитировать полностью:

«Не вызывая никаких подозрений, обе машины после дополнительной проверки на предмет выявления возможного «хвоста» через некоторое время выехали на шоссе, ведущее в Марсель.

В Марселе Кутепов был передан группе чекистов из числа советских моряков, которые обеспечили его «посадку» на советский пароход под видом хорошо загулявшего на берегу старшего механика машинного отделения. Когда на пароходе Кутепов пришел в себя и до него дошло, где он находится, он впал в состояние глубокой депрессии, отказывался от еды, не отвечал на задаваемые вопросы.

Только после выхода парохода из греческого порта Пирей и особенно по мере приближения к проливу Дарданеллы и Галлиполийскому полуострову в Турции, где в начале 20-х годов был размещен в лагерях 1-й армейский корпус под его командованием, он стал проявлять признаки беспокойства. Кутепов понял, что от расплаты за преступления против народа, за жестокость, потоки пролитой им крови, виселицы, акты вандализма ему не уйти. Состояние его здоровья резко ухудшилось.

Скончался генерал Кутепов примерно в ста милях от Новороссийска от сердечного приступа, избежав таким образом ответственности за совершенные им преступления».

Документов, относящихся к смерти Кутепова, я не видел. Теоретически в архиве должно храниться дело о похищении председателя РОВС. Содержит ли оно ответ на вопрос о том, как именно генерал ушел из жизни, – это другой вопрос.

Отчеты о «специальных мероприятиях» руководители внешней разведки писали от руки. В одном экземпляре – для самого высшего начальника. Копии в секретариате ведомства госбезопасности не оставлялись. Даже собственным коллегам знать, что и как сделано, не полагалось. Но в любом случае ни один документ, имеющий отношение к этой истории, не рассекречен. Так что неизвестно, узнаем ли мы когда-нибудь о последних днях генерала.

К делам, которые я читал на Лубянке, были приложены справки, относящиеся к сыну генерала Павлу Александровичу Кутепову. Он остался без отца, когда ему было всего пять лет. И всегда верил, что отец жив и живет где-то в СССР! Мечтал его найти. Из Франции они с матерью переехали в Югославию. Жили на деньги, собранные эмиграцией. Павел Кутепов учился в русском кадетском корпусе. В 1944 году, когда пришла Красная армия, отдал себя в распоряжение советских властей. Молодого человека посадили на десять лет. Когда он освободился, наступили новые времена. Ему позволили работать переводчиком в издательском отделе Московской патриархии.

Лидия Давыдовна Кутепова ничего не знала не только о судьбе мужа, но и сына. Оставшись одна, без горячо любимого мужа и единственного сына, она вернулась в Париж, где умерла в 1954 году.

Ныне считается, что похищение Кутепова провела Особая оперативная группа ведомства госбезопасности Якова Серебрянского.

Председатель ОГПУ Менжинский, имевший пристрастие к боевым операциям за границей, создал Особую группу как самостоятельное и независимое от Иностранного отдела (внешней разведки) подразделение. Подчинил ее самому себе. Возглавил группу Серебрянский, человек авантюрного склада.

Яков Исаакович Серебрянский родился 9 декабря 1892 года в Минске. Юношей присоединился к эсерам-максималистам. В 1909 году его арестовали за участие в убийстве начальника минской тюрьмы. Серебрянскому было шестнадцать лет. Отделался высылкой, в 1912 году был призван в царскую армию. В Первую мировую служил в 105-м Оренбургском полку, сражавшемся в Восточной Пруссии.

Революцию он встретил в Баку. Женился на сестре товарища по партии. После падения Бакинской коммуны уехал

в соседнюю Персию – вместе с женой и ее родителями. Семья искала спасения от хаоса Гражданской войны. Там он познакомился с молодым чекистом Яковом Григорьевичем Блюмкиным, который через несколько лет рекомендует его на работу в ведомство госбезопасности.

Серебрянского взяли особоуполномоченным закордонной части Иностранного отдела и командировали на нелегальную работу в Палестину. Яков Серебрянский пробыл в Палестине два года. Революция в Палестине, которая казалась сонным и неразвитым местечком, была отложена до лучших времен, вернее, до появления там достаточного количества «революционного материала».

Начальство осталось им довольно. В 1925 году его перевели в Бельгию. В начале 1927 года вернули в Москву. В апреле 1929 года он возглавил 1-е отделение (нелегальная разведка) Иностранного отдела. И одновременно – Особую группу. Главная задача – ликвидация врагов за границей.

Менжинский доложил политбюро, что операция увенчалась успехом, похищение и уничтожение генерала Кутепова серьезно ослабило военную эмиграцию. Менжинский просил политбюро отметить участников операции в Париже орденами и именным оружием. Серебрянского в марте 1930 года наградили орденом Красного Знамени.

13 июня 1934 года – после создания Наркомата внутренних дел – его группу подчинили непосредственно наркомату. Теперь она называлась Специальной группой особого назначения. 29 ноября 1935 года Серебрянскому присвоили высокое звание старшего майора госбезопасности. 31 декабря 1936 года он получил редкий тогда орден Ленина – «за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией».

Группа Серебрянского состояла в общей сложности из двадцати оперативников и шестидесяти нелегалов. Вместе с Серебрянским в операции «Заморские» – так в

служебной переписке именовалось похищение Кутепова в Париже – участвовал Сергей Васильевич Пузицкий из контрразведывательного отдела, тоже заметная фигура на Лубянке.

Пузицкий учился на юридическом факультете Московского университета и после революции начинал следователем Ревтрибунала. С 1921 года – в госбезопасности. Помог заманить в ловушку эмигрировавшего из России злейшего врага советской власти Бориса Викторовича Савинкова. Удостоился ордена Красного Знамени. Из кабинета Пузицкого на пятом этаже здания на Лубянке Савинков выпрыгнул, когда решил, что на свободу ему никогда не выйти. Или был выброшен, когда решили от него избавиться. В 1935 году Пузицкому присвоили генеральское звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, а через два года арестовали и расстреляли.

Помогали Серебрянскому и Пузицкому в Париже сотрудники Особой группы Руперт Людвигович Эске (он же Иван Иванович Рачковский) и Андрей Николаевич Турыжников. Оба эмигранты, оба согласились работать на советскую власть. Обоих в годы большого террора расстреляют.

Техническую сторону операции – автомобили, оружие, полицейскую форму, хлороформ – обеспечили сотрудники парижской резидентуры внешней разведки. Они же организовали слежку за генералом Кутеповым, чтобы выяснить его привычки, а также тщательно изучили распорядок дня обитателей дома 26 по улице Русселе.

В каждой стране, где открывалось дипломатическое или торговое представительство Советской России, создавалась и резидентура разведки. Причем разведчики занимали официальные должности в представительстве, но только главу миссии ставили в известность, кто из его подчиненных на самом деле резидент, то есть главный разведчик.

Резидент – важнейший пост в разведке. Это самостоятельная должность. Конечно, он держит связь с

центром, получает указания, отчитывается за каждый шаг. Тем не менее многие решения резидент принимает на собственный страх и риск. Есть проблемы, которые ни с кем не обсудишь. Как правильно строить отношения с полпредом? Как поступить с оперативным работником, совершившим ошибку? Или с сотрудником, который потихоньку прикарманывал деньги, выделявшиеся на агента?

Резидентом в Париже был Захар Ильич Волович. Он служил в разведке с 1924 года. После похищения Кутепова его вернули в Москву начальником 1-го отделения Иностранного отдела. Захар Волович сделал карьеру, стал заместителем начальника оперативного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД, получил высокое специальное звание – старший майор госбезопасности. При очередной чистке ведомства на Лубянке был арестован и в 1939 году расстрелян.

СЕДЬМОЙ ПУНКТ

Скоро у Особой группы появилась задача – ликвидация невозвращенцев. Когда советские люди бежали из страны или оставались за границей, это воспринималось в Москве крайне болезненно, потому что подрывало веру в то, что нигде человеку не живется так счастливо, как в Советском Союзе.

Осенью 1929 года советник полпредства в Париже Григорий Беседовский попросил политического убежища у французов. Скандал!

Григорий Зиновьевич Беседовский – анархо-коммунист до революции, левый эсер в 1917-м, член украинской партии левых социалистов-революционеров (боротьбистов) в 1919-м, большевик с августа 1920 года. Выпускник сельскохозяйственного института в Харькове, он руководил губернским советом народного хозяйства в Полтаве.

В январе 1922 года его отправили на дипломатическую работу – консулом Советской Украины в Вену, в ноябре перевели в Варшаву. Хотели командировать в США, но американцы не дали визы. Послали советником в Токио, где он исполнял обязанности полпреда и торгпреда. В Наркомате иностранных дел отмечали: «Очень способный и хороший работник с большим кругозором, инициативой и знаниями». И в кадровом аппарате ЦК его очень ценили. Осенью 1927 года командировали в Париж первым советником.

Но он не поладил с полпредом Валерианом Савельевичем Довгалевским и вторым советником полпредства Жаном Львовичем Аренсом. Коллеги писали на него доносы в Москву. Осенью 1929 года после отъезда полпреда Беседовский остался за хозяина. Именно в этот момент доносы возымели действие. 28 сентября 1929 года политбюро постановило: «Отозвать т. Беседовского согласно его просьбе из Франции и предложить ему в день получения шифровки выехать в Москву со всеми вещами и все дела немедленно сдать т. Аренсу».

Но Беседовский отказался передавать дела до возвращения полпреда Довгалевского. Неподчинение приказу считалось невиданным и недопустимым делом. На следующий день ему отправили грозную шифротелеграмму:

«На предложение ЦК сдать дела и немедленно выехать в Москву от Вас до сих пор нет ответа. Сегодня получено сообщение, будто бы Вы угрожали скандалом полпредству, чему мы не можем поверить. Ваши недоразумения с работниками полпредства разберем в Москве. Довгалевского ждать не следует. Сдайте дела Аренсу и немедленно выезжайте в Москву».

В Париж отправили разбираться старого большевика Бориса Анисимовича Ройзенмана, члена президиума Центральной контрольной комиссии и члена коллегии Наркомата рабоче-крестьянского контроля. Он занимался заграничными кадрами. Его напутствовали:

«Дело в парижском полпредстве грозит большим скандалом. Необходимо добиться во что бы то ни стало немедленного выезда Беседовского в Москву для окончательного разрешения возникшего конфликта. Не следует запугивать Беседовского и [надлежит] проявить максимальный такт».

Ройзенман устроил Беседовскому разнос, обвинил в уклонении от партийной линии и потребовал, чтобы тот немедленно выехал в Москву. После в высшей степени неприятной беседы Григорий Зиновьевич обнаружил, что он уже взят под стражу. Фактический глава полпредства хотел выйти на улицу, но его не выпустили!

– Товарищ Беседовский, есть приказ не выпускать вас из посольства, – сообщил ему охранник. – Будьте добры возвратиться в свою комнату.

Тот взорвался:

– Как вы смеете говорить со мной таким тоном? Забыли, что я поверенный в делах!

Он сделал шаг к двери. Охранник выхватил из кармана револьвер:

– У меня есть приказ товарища Ройзенмана не выпускать вас из посольства. Я отвечаю головой. Предупреждаю, что, если вы сделаете еще одно движение, я вас застрелю.

Григорий Беседовский не стал рисковать. Он вышел в сад, перебросил пальто через стену полпредства, не очень высокую, подтянулся и перелез. Отправился прямо в полицию и попросил политического убежища. И помощи, чтобы забрать жену и сына. В восемь вечера вернулся с французскими полицейскими на улицу Гренель и забрал жену и десятилетнего сына Артура. Советским дипломатам ничего не осталось, кроме как их отпустить.

8 октября 1929 года московские «Известия» опубликовали заявление ТАСС с запоздалыми обвинениями в уголовщине:

«Бывший советник полпредства Беседовский, который в прошлом вел образ жизни далеко не по средствам, растратил значительную сумму денег, доверенную ему, и оказался не в состоянии отчитаться за нее.

Беседовский сделал попытку представить инцидент как политический, коим он в действительности не является, поскольку носит чисто уголовный характер. Надеясь, что это отвлечет внимание от его действий, он стал распространять ложную версию, будто бы он и его семья подверглись в здании полпредства домашнему аресту и их жизнь находится в опасности. Полпредство заранее отвергает любые домыслы».

Газета «Известия» назвала Беседовского «пошлым развратником и вором», получившим во Франции трибуну для антисоветских измышлений. 8 января 1930 года на родине его заочно приговорили к десяти годам тюрьмы.

В эмиграции он стал заметной фигурой, со знанием дела рассказывая о том, что происходит в Советском Союзе. Поэтому Москва велела парижской резидентуре поручить одному из агентов следить за Григорием Беседовским:

«Иванову» не трудно будет не только ориентировать о работе группы Беседовского, но и быть полезным в смысле персональных подходов к кому-либо из лиц парижской эмиграции, прямо соприкасающихся с Беседовским и его группой. «Иванов» мог бы ориентировать вас о техническом персонале, работающем при Беседовском, «Иванова» следует использовать в качестве наводчика к работникам и связям Беседовского».

Но добраться до него не удалось.

5 февраля 1930 года политбюро приняло первое развернутое постановление о работе внешней разведки – Иностранного отдела ОГПУ. В особо секретном документе под названием «Задачи, стоящие перед ИНО ОГПУ» седьмым пунктом значилось: «Организация уничтожения пре-

дателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций».

Тут в Швеции разгорелся громкий скандал – политического убежища попросил советник полпредства Сергей Васильевич Дмитриевский, тоже заслуженный и доверенный работник.

С 1923 года он работал в Наркоминделе, сначала в торговом представительстве в Германии, потом его перевели первым секретарем полномочного представительства в Грецию. Отозвав в Москву, утвердили управляющим делами Наркомата иностранных дел. В 1927 году Сергей Дмитриевский прибыл в Стокгольм и стал вторым человеком в полпредстве.

Полпред в соседней Норвегии Александра Михайловна Коллонтай записала в дневнике:

«Обстановка в советских полпредствах всего мира и в нашей колонии в Осло тяжелая, полная возмущения, гнева и ненависти к предателям-невозвращенцам. Тяжело ударило по нашим советским учреждениям предательство Беседовского в Париже, но еще возмутительнее измена Дмитриевского в Стокгольме.

Советник нашего полпредства на виду у всех, о нем имелись лестные отзывы, у него «большие связи» среди шведской общественности, и этот негодяй не просто ушел, а умышленно шумно, со скандалом, с использованием шведской прессы. Может ли быть что-нибудь более позорное и преступное? Я вся дрожу, когда читаю газеты...»

Дрожала не она одна, поэтому в советской колонии в Норвегии тоже начинается охота за ведьмами. Все заграничники спешили продемонстрировать свою верность партии.

Коллонтай вспоминала:

«Рьянее всех взялся за разоблачения торгпред. Всех подозревает у себя же в торгпредстве, но и допекает меня доносами-подозрениями на моих же сотрудников:

– Вы ему верите? Вы это отрицаете? Вот увидите, что я прав, вы же поплатитесь за свое доверие.

Только что ушел торгпред, когда за ним является его заместитель вместе с экспортником, и оба полны догадок-подозрений насчет самого торгпреда:

– Это следующий кандидат в невозвращенцы.

В своем рвении и, кстати, сведениях личных счетов с торгпредом его зам и экспортник дошли до того, что ночью взломали стол торгпреда и сделали обыск его кабинета (без приказа). Ничего не нашли и теперь дрожат».

Вслед за советником полпредства Дмитриевским политического убежища попросил и военный атташе в Швеции Александр Александрович Соболев. Бывший царский офицер, он добровольно вступил в Красную армию, дослужился до должности начальника штаба Морских сил Каспийского моря. После Гражданской войны был назначен военно-морским атташе в Турцию, затем в Швецию... Когда Соболева отозвали в Москву, он предпочел не возвращаться.

Коллонтай:

«Срочная телеграмма из Москвы: политбюро назначило меня временным поверенным в делах в Швеции с оставлением меня на посту в Норвегии, выезжать немедленно...

Полпред в Швеции Виктор Леонтьевич Копп безнадежно болен и находится в больнице. Советника нет (Дмитриевский), остался только секретарь полпредства, но с ним МИД не считается как с не имеющим официальных полномочий».

Виктор Копп когда-то играл важную роль в налаживании отношений с Германией, он установил широчайшие связи с ведущими германскими политиками, военными и даже разведчиками. Но поссорился с влиятельными фигурами в Москве, в Наркомате внешней торговли, и после долгой склоки покинул Берлин. Потом два года проработал послом в Японии, а в 1927-м получил назначение в Стокгольм. Он

заболел раком. Из Швеции его увезли на носилках. Ему было всего пятьдесят лет, когда он ушел из жизни.

Александра Михайловна перебралась в Швецию. Состояние местной советской колонии Коллонтай решительно не понравилось:

«Картина безотрадная: работники потеряли голову. Фактически полпредство бездействует... О землячестве (парторганизация) писать не хочу. Нехорошее, нездоровое впечатление. Это уже не склона личного свойства, какая бывала и в Осло, нет, это нечто худшее: растерянность и страх. Страх, как бы в Москве не поплатиться, что недоглядели невозвращенцев. Истерические настроения, женщины плачут и клянутся в верности советской власти».

Чекисты были расстроены: измена за изменой. В Стокгольм командировали оперативного работника с заданием ликвидировать если не ущерб, то по крайней мере самого перебежчика. Александра Михайловна была в ужасе, представляя себе, чем такая попытка может увенчаться.

25 апреля Коллонтай записала в дневнике:

«У нас совещание по делу Соболева с секретарем полпредства, тов. Ш., присланным из Гельсингфорса «со специальной миссией», и с секретарем Соболева, тов. Д.

Тов. Ш. живо заявляет:

– Я сумею извлечь Соболева из засады, доставлю в Союз живым или трупом.

Такая постановка вопроса мне совсем не нравится. Она противоречит директиве моего шефа, несерьезно это и чревато новыми осложнениями. Удалось установить, что Соболев вернулся на свою квартиру вместе с женой, но никого к себе не пускает.

– А я проникну к нему, – задорно заявляет тов. Д. – Если этот мерзавец нас не впустит, мы с вами, тов. Ш., подстережем его на улице, и, если уговоры не подействуют, у нас есть доводы и посерьезнее. Акт самообороны, так сказать. Нечего время терять, идем.

Я решительно воспрещаю обсуждать такие дикие выходы. Это значит лить воду на мельницу наших врагов.

– А если Соболев выдаст военные тайны? – говорит Ш.

Но я его пристыдила. Он же знает, что военному атташе недоступны серьезные военные тайны».

Возникал очевидный вопрос: почему бегут советские дипломаты? В разных странах, бывало, дипломаты не соглашались с политикой собственного правительства, но они просто уходили в отставку. Советские же люди бежали с родины.

В ночь с 1 на 2 мая Коллонтай записала в дневнике:

«Меня заботят случаи бесшумного невозвращенчества более мелких, менее ответственных работников наших советских учреждений. А такие измены имели место и в Берлине, и в Лондоне, и в Париже.

Почему безупречный Соболев (так его аттестует начальство) стал невозвращенцем? Почему Ш. в Берлине отказался ехать на родину? Почему жена Г. (служащего в «Нафта») говорила мне дрожащим голосом, что «она боится, не отзовут ли ее мужа». «Бояться» вместо того, чтобы радоваться возможности возвращения на родину. Это ненормально. Тут надо поискать причину, чтобы ее пресечь, чтобы центр принял меры...

Первой и главной причиной невозвращенчества я считаю существование оппозиции».

Но бежали вовсе не оппозиционеры, а прошедшие проверку надежные большевики! Только за один год, с осени 1928 по осень 1929 года, семьдесят два сотрудника заграничного аппарата отказались вернуться в Советский Союз.

В 1929 году неприятная для власти ситуация обсуждалась на заседании политбюро. «О беспорядках, выявленных в советских заграничных представительствах» доложил Борис Анисимович Ройзенман, которому президиум Центральной контрольной комиссии и коллегия Наркомата рабоче-крестьянского контроля поручили проверить ра-

боту заграничных учреждений. У него был собственный неудачный опыт – с Беседовским.

Отбор стал еще более жестким – за границу не пускали тех, у кого обнаруживались родственники за границей, «непролетарское происхождение» или отклонения от партийной линии. Еще в конце 1923 года секретная экзаменационно-проверочная комиссия ЦК провела массовую чистку Наркомата иностранных дел, убирая всех «неблагонадежных». Комиссия рекомендовала ЦК ввести в штат заграничных учреждений сотрудников госбезопасности для «внутреннего наблюдения» за дипломатами и их семьями. Такая практика существует и по сей день.

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин тяжело переносил кампании, которые периодически проводились партийным аппаратом: сокращения и чистки, которые лишали его ценных работников:

«Я писал т. Сталину, что прошу на моей могиле написать: «Здесь лежит Чичерин, жертва сокращений и чисток». Чистка означает удаление хороших работников и замену их никому не годными».

Сотрудники полпредств старались публично хаять страну пребывания и вообще заграничную жизнь. Знали, что среди слушателей обязательно окажется секретный сотрудник госбезопасности, который бдительно следит за моральным состоянием аппарата полпредства. Если советскому дипломату нравилась буржуазная действительность и он не умел это скрыть, его быстренько возвращали на родину. А очень многим хотелось поработать за рубежом – дома было голодно, скучно и опасно.

Когда-то молодая революционерка Коллонтай, направлявшаяся на пароходе в Америку, чтобы агитировать американцев за социализм, гневно писала:

«Ненавижу этих сытых, праздных, самовлюбленных пассажиров первого класса! Таких чужих по духу! Ненавижу эту бестолковую, праздную жизнь, убивание

времени на еду, пустую болтовню, какие-то маскарады, концерты».

Прошли годы, и Александра Михайловна – после скудной советской жизни – откровенно наслаждалась комфортом на шведском пароходе «Биргер Ярл»:

«Завтрак был чудесный. Длинный, во всю столовую каюту стол, уставленный закусками. Целые пирамиды аппетитного финского масла с соленой слезой, рядом пирамиды разных сортов шведского хлеба, селедки во всякими приправами, блюда горячего отварного картофеля, покрытого салфеткой, чтобы не остыл, копченая оленина, соленая ярко-красная лососина, окорок копченый и окорок отварной с горошком, тонкие ломтики холодного ростбифа, а рядом сковорода с горячими круглыми биточками, креветки, таких крупных нет и в Нормандии, блюда с холодными рябчиками, паштеты из дичи, целая шеренга сыров на всякие вкусы, к ним галеты и на стеклянной подставке шарики замороженного сливочного масла.

И за все эти яства единая цена за завтрак, ешь, сколько хочешь. Если блюда на столе опустеют, их пополняют. Таков обычай в Швеции. Я набрала себе тарелку по вкусу и, сев за отдельный столик, заказала полбутылки легкого финского пива».

Норвежский пограничник, увидев ее, спросил:

– Вы мадам Коллонтай? Добро пожаловать к нам.

Малоприятные новости из Советского Союза, конечно, доходят и до полпредства, но дурные вести Коллонтай гонит от себя, списывает на уныние и малодушие своих старых подруг:

«Дома трудная полоса, недород сказывается – еще не овладели новыми формами хозяйства. Партия работает, шлет по деревням хороших работников, но есть перегибы. В Ленинграде и Москве (даже в столицах!) голодно. Мои приятельницы из Ленинграда, друзья моей юности, до сих пор не вжились в новые условия. Письма от них, от сестры

моей Адели полны жалоб и просьб выслать шведские кроны на Торгсин».

Торгсин – это Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, где принимали как валюту, так и золотые кольца, коронки, крестики, браслеты. Советская финансовая система разрушилась. Продовольствие выдавали по карточкам. Магазины опустели. Продукты остались только в закрытых распределителях или в магазинах Торгсина, как и описано в знаменитом романе Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита». Отныне особо заманчивой стала работа не там, где интересно, и даже не там, где хорошо платят, а там, где есть хороший распределитель – для других закрытый.

Приехавший из Москвы гость рассказал о том, как в процессе коллективизации выселяли в Сибирь кулаков: «Подлое вышло дело, просто смертоубийство. Везли в товарных вагонах, навалили в них народ, как баранов, – детей, стариков, больных и калек. Мороз такой, что младенцы у груди матери замерзали. Сколько за дорогу трупиков ребят из вагонов прямо в снежные сугробы выкидывали». Коллонтай записала в дневнике: «Гость уехал, а я после его рассказов не сплю по ночам, все мне мерещатся матери с замерзающими младенцами и другие ужасы».

Понимала, конечно, как ее жизнь отличается от жизни ее друзей, оставшихся дома. «У меня обедал Прютц (норвежский дипломат. – *Авт.*), – писала Александра Михайловна. – Приехал он не один, а с очень молоденькой женой. Приехал он неожиданно к самому обеду. Обед был тонкий и легкий: крем д'орже, рябчики, хороший французский сыр, вино «шабли-мутон». Икры не было в доме. Но обед оказался во вкусе Прютца».

7 мая 1930 года Коллонтай пометила в дневнике:

«Были и такие шведы, которые, услышав мое имя, тревожно спрашивали:

– А что вы сделали с Дмитриевским и Соболевым? Живы ли они еще?

Это в связи с постановлением советского правительства о двадцати четырех часах срока для возвращения в Союз, иначе невозвращенцы объявляются «вне закона»...

Самое главное, что я тут сделала для нашего престижа, – это удержала необузданные планы «горячих голов». Они выдумывали новые планы, как бы выкрасть Соболева, и уже начали действовать за моей спиной. Шаг – и мы в руках провокаторов. Но после приказа Литвинова подчиняться целиком полпреду Ш. быстро уехал».

Ликвидация невозвращенцев началась несколько позже, и эти операции не были достаточно успешны.

А в Стокгольм прислали комиссию из Москвы. К Коллонтай, поскольку она была новенькой, у проверяльщиков претензий не было. Она перенесла присутствие гостей хладнокровно.

18 июня записала в дневнике:

«Комиссия по чистке полпредских и других советских аппаратов за границей уехала. Здесь прошло очень просто и быстро. Две недели заседали, но зато результаты справедливые и нужные. Я осталась удовлетворена, отстояла тех, на кого клеветали зря, и добилась снятия действительно морально вредной публики. Многие уже уехали...»

Сама перед собой поставила задачу:

«Учтя опыты пережитого нами в связи с невозвращенцами, полпред, естественно, должен с особой бдительностью следить за личным составом служащих и за их семьями. Надо поднять политико-просветительскую работу, надо изучить людей».

И не знаешь – всерьез она это написала или на тот случай, если дневник окажется в чужих руках? Александра Михайловна Коллонтай никогда не упускала из виду такой возможности. Предосторожности оказались нелишними – так в конце концов и произойдет много позже...

«ШУМУ НАДЕЛАЛИ, А МОСТ НЕ ВЗОРВАЛИ»

7 июля 1932 года советник японского посольства в Москве передал в Наркомат иностранных дел СССР ноту, в которой говорилось, что арестованный японскими властями кореец Ли признался: он и еще трое корейцев были завербованы Владивостокским ГПУ, их снабдили взрывчаткой и отправили в Японию с заданием взорвать ряд мостов.

В Москве устроили проверку. Запросили Владивосток. Находившийся там руководитель полномочного представительства по Дальневосточному краю Объединенного государственного политического управления известный чекист Терентий Дмитриевич Дерibas самокритично признал, что организованная им операция не удалась: «шуму наделали, а мост не взорвали». Агентов-взрывников поймали, и они во всем признались.

Отношения Советского Союза и Японии были плохими еще со времен Гражданской войны, когда солдаты императорской армии высадились во Владивостоке и оккупировали немалую часть российской территории. В 1922 году японцы ушли, но оставили за собой Южный Сахалин.

Императорская армия оккупировала соседние Корею и Маньчжурию, и это было предвестием будущего военного столкновения СССР и Японии. Корейцы, которые не желали жить под властью Японии, уходили в партизаны. С пойманными партизанами японцы расправлялись необыкновенно жестоко: им отрубали головы, которые потом выставлялись напоказ. Спасаясь от японской жандармерии, корейские партизаны переходили границу и искали убежища в Советском Союзе. Советские спецслужбы принимали партизан на тот случай, если придется воевать с Японией, использовали их для разведывательно-диверсионной работы. Точно так же перейдет потом советскую границу молодой Ким Ир Сен, будущий великий вождь Северной Кореи.

Сталин, возмущенный скандальным провалом, сделал вид, будто чекисты проявили непозволительную самостоятельность, и распорядился найти виновных. Он писал из Сочи секретарю ЦК Лазарю Моисеевичу Кагановичу, оставшемуся в Москве за главного:

«Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии.

Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти?

Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразие!

Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников».

Разумеется, на официальном уровне отрицалась любая причастность советских органов госбезопасности к террористическим акциям. 26 июля 1932 года заместитель наркома иностранных дел Лев Михайлович Карахан пригласил к себе японского посла в Москве и сделал ему заявление от имени советского правительства:

«Все сообщение корейца Ли с начала до конца является злостным и провокационным вымыслом...

Ни Владивостокское ГПУ, ни какое-либо другое советское учреждение во Владивостоке не могло давать и не давало тех поручений, о которых показывает Ли-Хак-Ун, ни каких-либо других аналогичного характера ни корейцу Ли, ни каким-либо другим лицам...

Советское правительство надеется, что японские власти отнесутся должным образом как к автору провокации-

онного заявления, так и примут все необходимые и энергичные меры к выяснению вдохновителей и организаторов этого преступного дела, имеющего несомненной целью ухудшение отношений между СССР и Японией».

Тем временем в Москве после короткого расследования обнаружили виновных.

16 июля политбюро приняло решение:

«а) Обратить внимание ОГПУ на то, что дело было организовано очень плохо; подобранные люди не были должным образом проверены.

б) Указать т. Дерибасу, что он лично не уделил должного внимания этому важнейшему делу, в особенности подбору и проверке людей.

в) Объявить строгий выговор т. Загвоздину как непосредственно отвечающему за плохую организацию дела.

Предрешить отзыв т. Загвоздина из Владивостока.

г) Поручить ОГПУ укрепить кадрами военно-оперативный сектор».

Для Терентия Дмитриевича Дерибаса в ту пору все закончилось благополучно. В конце года он получил второй орден Красного Знамени. Комиссар госбезопасности 1-го ранга Дерибас так и работал на Дальнем Востоке до ареста в августе 1937 года. Расстреляли его через год, в июле 1938-го.

Николай Андреевич Загвоздин, который так подвел Дерибаса, служил в госбезопасности с 1920 года. В апреле 1931 года его перевели из Нижегородской губернии на Дальний Восток начальником Владивостокского оперативного сектора.

После провала организованной им диверсионной операции Загвоздина перебросили в Среднюю Азию начальником Особого отдела полномочного представительства ОГПУ и Среднеазиатского военного округа. Он несколько лет руководил военной контрразведкой округа. В декабре 1934 года стал по совместительству заместителем

наркома внутренних дел Узбекистана, а через две недели наркомом.

Николая Загвоздина избрали депутатом Верховного Совета СССР, присвоили ему спецзвание майора госбезопасности. Из Узбекистана в сентябре 1937 года перевели наркомом в Таджикистан. Загвоздин счастливо проскочил период массового уничтожения чекистских кадров и все-таки был арестован в феврале 1939 года, когда назначенный наркомом внутренних дел Лаврентий Павлович Берия убирал остатки старых кадров. 19 января 1940 года Загвоздина приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли...

Тайные операции на территории Китая со временем приобретут большой масштаб. Первоочередная задача состояла в том, чтобы помешать японцам полностью захватить страну. Но были и другие направления. Например, в течение многих лет помогали уйгурам, живущим в Синьцзяне, обрести независимость в надежде, что они вообще отделятся от Китая и, может быть, присоединятся к Советскому Союзу

КОРОБКА КОНФЕТ ДЛЯ ЕВГЕНА КОНОВАЛЬЦА

Когда нарком внутренних дел СССР генеральный комиссар госбезопасности Николай Иванович Ежов распорядился уничтожить признанного главу украинских националистов полковника Евгена Коновальца, никто не мог предположить, к каким последствиям приведет это решение.

Полковник – заметная в истории Украины фигура.

Евген Михайлович Коновалец, сын директора сельской школы, в 1909 году поступил на юридический факультет Львовского университета. Тогда Львов был частью Австро-Венгрии. Коновалец активно работал в Украинском студенческом совете, отстаивая самостоятельность Львов-

ского университета и право преподавания на украинском языке.

28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Началась мобилизация. Коновалец записался добровольцем. Весной 1915 года Коновалец вместе с маршевым батальоном прибыл на фронт. В одном из первых боев в Карпатах попал в русский плен. Сидел в лагере для военнопленных в Царицыне, пока не грянула революция. Его выпустили, и он отправился в Киев.

В нем проснулся политический темперамент. В бурлящей киевской жизни он почувствовал себя на месте. В январе восемнадцатого сформировал из западных украинцев Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов. Звание полковника Коновалец присвоил себе сам.

После Гражданской войны жил в Чехословакии. И в июле 1920 года в Праге создал из эмигрантов Украинскую военную организацию («Українська військова організація»). Он готовил теракт против главы Польши Юзефа Пилсудского в сентябре 1921 года, но стрелявший промахнулся.

В 1927 году в Берлине объединились Группа украинской национальной молодежи («Групи української національної молоді»), Легион украинской националистической молодежи («Легія української націоналістичної молоді») и Союз украинской националистической молодежи («Союз української націоналістичної молоді»). К ним присоединились и люди Коновальца. Так родилась ОУН, Организация украинских националистов*.

Полковника Коновальца попросили составить ее программу. Цель – создание Украинского суверенного соборного (то есть объединенного, единого) государства. Причем имелось в виду чисто национальное государство, «Украина для украинцев».

Движение страдало от недостатка средств – небогатая украинская эмиграция много пожертвовать не могла. Искали союзников. Пытались найти поддержку у европейских

политиков. Коновалец ездил в Женеву, где находилась Лига Наций (прообраз будущей ООН), рассказывал о тяжком положении украинцев как под польским, так и под советским правлением. Но его речи мало кого интересовали.

Организация украинских националистов* взяла на вооружение методы террора. Идеологи движения объяснили свою позицию: если легальные политические методы ничего не дают, подневольный народ имеет право на революционное сопротивление государственному террору.

Главный враг – поляки, поскольку Западная Украина входила в состав Польши. Первоочередная задача – противостояние антиукраинской политике польских властей и месть большевикам за подавление национального движения в Советской Украине.

В 1928 году в подпольную ячейку Украинской военной организации полковника Коновальца вступил студент агрономического факультета Львовского политехнического института Степан Андреевич Бандера. На следующий год Бандера присоединился к Организации украинских националистов* и быстро оказался на первых ролях. Он возглавил отдел пропаганды.

– Организация украинских националистов*, – убежденно говорил Бандера, – это освободительная политическая организация, которая своими целями, идеями и практической деятельностью разительно отличается от всех других партий. ОУН* сражается во имя всего украинского народа, а не какой-то его части.

Летом 1934 года Степан Бандера подготовил в Варшаве самый громкий теракт предвоенного времени – ликвидацию министра внутренних дел Польши генерала Бронислава Перацкого. Это был ответ на «злодеяния против украинского народа»: министр принимал жесткие меры против украинских националистов. Решение убить министра приняли на тайном совещании в Берлине, в котором участвовали основные вожди ОУН* от Коновальца до Бандеры.

Совершить теракт изъявили желание трое добровольцев-оуновцев. Бандера выбрал работавшего в цинкографии двадцатилетнего Грица Мацейко. И не промахнулся.

15 июня министр Перацкий приехал в варшавский «Товарищеский клуб», где обыкновенно обедал. Он вылез из машины и пошел к входу. Грица Мацейко снабдили бомбой и пистолетом. Бомба – самодельная, изготовленная в краковской химической лаборатории ОУН* – не сработала. Тогда боевик вытащил пистолет, подбежал к министру и несколько раз выстрелил в Перацкого. Все это произошло на глазах дворника, открывавшего министру дверь.

– Министра Перацкого застрелили! – закричал он и бросился за убийцей вдогонку.

Гриц Мацейко, фантастически хладнокровный человек, как ни в чем не бывало, шел по улице, посвистывая.

– Это он! – кричал дворник на всю улицу.

И только тогда Мацейко побежал. Его пытался задержать охранник, дежуривший у здания японского консульства. Мацейко выстрелил, и тот испуганно отскочил. За убийцей бросился полицейский – его Мацейко ранил. И сумел убежать. Его вывезли в Чехословакию, оттуда в Аргентину.

В ходе массовой облавы польская полиция арестовала и Бандеру. Нашли студента-химика, который готовил бомбу. А со студентом работал Бандера... На скамью подсудимых в ноябре 1935 года посадили двенадцать человек, причастных к теракту.

На процессе в Варшавском окружном суде Степан Бандера держался очень стойко и завоевал славу человека, преданного украинскому национальному движению:

– Вины за собой не признаю. Свою революционную деятельность я считаю исполнением своих обязанностей.

На процессе клеймил не только польскую власть, но и советскую:

– ОУН* выступает против большевизма потому, что большевизм – это система, с помощью которой Москва поработила украинскую нацию, уничтожив украинскую государственность. Большевизм методами физического уничтожения борется на восточнoукраинских землях с украинским народом, а именно – массовыми расстрелами в подземельях ГПУ, уничтожением голодом миллионов людей и ссылками в Сибирь, на Соловки. Большевики применяют физические методы, поэтому и мы применяем в борьбе с ними физические методы...

Бандера отказался говорить по-польски. Демонстрaтивно отвечал только на украинском, пока судья не приказал вывести его из зала. 13 января 1936 года его приговорили к смертной казни, которую заменили пожизненным заключением, поскольку именно в тот момент польский сейм объявил амнистию. Бандера сидел в трех разных тюрьмах. Трижды объявлял голодовку – одну держал девять дней, другую тринадцать, третью – шестнадцать.

Пока Степан Бандера отбывал свой срок, советские чекисты позаботились о его карьере. Нарком внутренних дел Ежов приказал ликвидировать Коновальца.

23 мая 1938 года начинавший свою карьеру в разведке будущий генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов в самом центре Роттердама преподнес Коновальцу коробку конфет.

Судоплатов, родившийся в Мелитополе, рано остался без родителей. Совсем юным его взяли в органы госбезопасности на Украине, потом перевели в Москву, в отдел кадров ОГПУ. В 1932 году он приступил к службе в Иностранном отделе.

В июле 1935 года агент НКВД в Финляндии представил молодого человека, прибывшего с Советской Украины, членам главного провода (руководства) ОУН* Емельяну Сенику-Грибовскому и Дмитро Андреевскому. Павел Судоплатов выдавал себя за искреннего сторонника независи-

мости Украины. Его снабдили документами на имя Павла Грищенко. Не так много людей приходило с той стороны. Поэтому Судоплатова привели к Коновальцу. Молодой человек понравился полковнику. Они встречались потом в Париже и Берлине. Судоплатова чекисты устроили радиостом на торговое судно «Шипка», и это прикрытие позволяло ему свободно появляться в европейских столицах.

В тот день они встретились с Коновальцем в центре Роттердама в ресторане гостиницы «Атланта». Коновалец путешествовал по Европе с литовским паспортом на имя Юзефа Новака. Было без десяти двенадцать. Судоплатов страшно торопился, объяснил: нужно возвращаться на судно.

Коновалец тоже вышел из кафе. Через несколько минут, когда он проходил мимо кинотеатра, раздался взрыв. Главу Организации украинских националистов* буквально разнесло на куски. Ранения получили и двое прохожих...

Полковник Коновалец обожал шоколадные конфеты. Коробку чекисты начинили взрывчаткой. Судоплатов нес ее в вертикальном положении. Вручая полковнику, повернул, как положено, в горизонтальное. И тем самым привел в действие взрыватель.

Во всяком случае, так рассказал сам Павел Судоплатов – в воспоминаниях, появившихся в середине девяностых. Никакими документами на сей счет мы не располагаем. Если они и существуют в архиве госбезопасности, их не рассекречивали.

Насколько надежны воспоминания Павла Судоплатова, изданные, когда автору было уже под девяносто? Его сын Анатолий Павлович показывал мне видеозапись интервью с отцом: Судоплатов-старший говорил с трудом и не все мог вспомнить. Возможность рассказать о себе представилась в тот момент, когда память была уже не так хороша.

Анатолий Судоплатов в юности хотел служить в том же ведомстве, но его не взяли, поскольку Судоплатов-стар-

ший был осужден в 1958 году «за производство опытов над людьми, похищения и многочисленные убийства», за что и отсидел десять лет. Влюбленный в своего отца, безмерно восхищавшийся его делами, Анатолий Павлович, как я понимаю, и был главным автором воспоминаний генерала Судоплатова, вложив в них все, что в разное время слышал от отца.

А смерть Евгена Коновальца открыла дорогу Степану Бандере, который оказался куда более опасным врагом советской власти.

ПОД СОЛНЦЕМ ИСПАНИИ

В июле 1934 года Объединенное государственное политическое управление Сталин преобразовал в Наркомат внутренних дел.

Офицеры госбезопасности ходили в гимнастерках защитного цвета и синих брюках. Петлицы были крапового цвета. На гимнастерку нашивался красный нарукавный знак, на котором было вышито изображение серпа и молота, на них вертикально накладывался меч.

Все оперативные отделы объединили в Главное управление государственной безопасности НКВД. Ради конспирации отделы стали номерными. С 25 декабря 1936 года Иностраннный отдел именовался 7-м отделом ГУГБ НКВД. Начальником 7-го отдела утвердили Абрама Ароновича Слуцкого, служившего в госбезопасности с 1920 года.

7 октября 1935 года было принято постановление ЦИК и Совнаркома СССР об установлении специальных званий начальствующего состава Главного управления государственной безопасности НКВД. Слуцкий был включен в список руководящих работников НКВД, которым постановлением политбюро от 26 ноября 1935 года присвоили новые специальные звания. Слуцкий получил высокое звание комиссара госбезопасности 2-го ранга. В армей-

ской иерархии оно приравнялось к званию генерал-полковника.

Слуцкий сам работал в Берлине, поэтому хорошо понимал проблемы резидентов. Умный и вежливый, он был способен выслушать и понять подчиненного. При нем штаты разведки составили уже двести десять человек. Слуцкий руководил и работой сотрудников НКВД, которые были отправлены в республиканскую Испанию, где разгорелась гражданская война.

После парламентских выборов 1936 года у власти в Мадриде впервые оказались радикально настроенные социалисты. Главной силой стали коммунисты – благодаря своей организованности. Компартией руководил Хосе Диас, недавний анархист. Он страдал от рака желудка. В декабре 1938 года он уедет в Советский Союз. Не выдержав боли, в сорок втором в Тбилиси выбросится из окна.

На посту генерального секретаря его сменила Долорес Ибаррури по прозвищу Пассионария (то есть «Страстная»). 18 июля 1936 года на митинге она произнесла слова, которые станут знаменитыми: «Но пасаран!» («Они не пройдут!»). И вошла в историю. Ее имя облетело весь мир. Сколько миллионов людей гордо повторяли эти слова!

Испания была очень религиозной. Набожных офицеров пугали антицерковные настроения левых. Консервативно настроенные военные считали, что левые служат мировому коммунизму. И в офицерской среде созрел заговор. Офицеры решили, что придется силой подавить безбожников и анархистов. В ночь на 18 июля 1936 года военные подняли мятеж.

Восстание должен был возглавить генерал Хосе Санхурхо, но он погиб в авиационной катастрофе. Его везли в небольшом самолете, а он прихватил с собой слишком много вещей. Тяжелый чемодан с парадным мундиром его и погубил.

На пост вождя претендовал другой генерал – Эмилио Мола. Именно ему принадлежат исторические слова о «пятой колонне». Он имел в виду своих тайных сторонников, которые изнутри поддерживают армию националистов, наступающую на Мадрид четырьмя колоннами. Но он тоже погиб в авиакатастрофе – его самолет врезался в гору. Испанским путчистам не везло в небе.

1 октября 1936 года руководители мятежа поставили во главе своего правительства Франциско Франко, который стал генералом в тридцать три года. Самый молодой генерал в Европе после Наполеона Бонапарта! В его личном деле было записано: «Является национальным достоянием». Теперь ему присвоили высшее воинское звание генералиссимуса и почтительно именовали каудильо – вождем.

Мятежников поддержали фашистские вожди. Адольф Гитлер и Бенито Муссолини признали режим Франко и оказали ему военную помощь. А республиканцев поддержал Советский Союз. Приход к власти крайне левых в Испании, среди которых коммунисты играли главную скрипку, обрадовал Москву, где все еще ожидали мировой революции. Республиканцы получили оружие и боевую технику. Советские офицеры служили в испанской армии советниками или даже занимали высшие командные должности. В Мадрид командировали и чекистов.

19 августа 1937 года нарком внутренних дел Ежов отправил совершенно секретную записку Сталину:

«Наш диверсионный отряд численностью в двенадцать человек под руководством т. Орловского и его помощника т. Ярошеня Степана Павловича, находясь в глубоком тылу противника, 13 июня сего года в пятнадцати километрах северо-восточнее города Эль-Реаль (провинция Севилья), после ряда удачных операций наткнулся на засаду силой в тридцать человек. Во время перестрелки героически погиб наш работник т. Ярошеня Степан Павлович.

Тов. Ярошеня был одним из руководителей организации взрывов поездов на железнодорожных линиях Севилья – Бадахос и Севилья – Касадыя.

Семья т. Ярошеня состоит из жены Надежды Ивановны и двух детей – одиннадцати и шести лет, проживающих в деревне Красная Слобода – БССР.

Ходатайствую о награждении т. Ярошеня Степана Павловича орденом Красного Знамени, о выдаче семье т. Ярошеня, согласно существующим положениям, единовременного пособия в размере двадцати пяти тысяч рублей и о назначении семье т. Ярошеня, как семье командира, погибшего в Испании, персональной пожизненной пенсии в размере пятисот рублей в месяц».

Сталин согласился, и 20 августа 1937 года предложение наркома было утверждено решением политбюро. А упомянутый в записке Ежова командир диверсионного отряда Кирилл Прокофьевич Орловский – человек невероятной судьбы.

В 1910 году он окончил Поповщинскую церковно-приходскую школу. В 1915-м его призвали в царскую армию. Демобилизовали в январе 1918 года. В мае 1918-го начал служить в ЧК Оршанского уезда. В августе 1920 года его командировали на нелегальную работу в соседнюю Литву – готовить восстание. Но неудача в войне с Польшей поставила крест на всех планах. Его отослали назад.

В конце 1921 года Центральное бюро Коммунистической партии Белоруссии отправило Орловского на нелегальную работу в Западную Белоруссию, входившую в состав Польши. Под его руководством подпольщики убили сотню польских жандармов и помещиков. В тридцатых годах он занимался подготовкой партизанских кадров на случай большой войны. В 1937-м его командировали в Испанию. Вернулся с орденом Ленина. После специальных курсов НКВД в Москве – Китай. Вернулся в мае 1942 года.

В октябре 1942 года майор госбезопасности Орловский был отправлен на территорию оккупированной немцами Белоруссии. Его боевая группа высадилась в районе Выгоновского озера. Свою группу он развернул в отряд специального назначения «Соколы», действовавший на территории Беловежской Пуши.

Утром 17 февраля 1943 года в Машуковских лесах партизаны ждали на охоту генерального комиссара Белоруссии гауляйтера Вильгельма Кубе и его заместителя Фридриха Фенца. Со своим отрядом Орловский подстерег немцев на обратном пути. Они перестреляли немцев и полицейских. Но гауляйтера Кубе среди них не оказалось.

У Орловского в руках разорвалась связка тола. Началась гангрена. Ему ампутировали правую руку без наркоза – пилой. 20 сентября 1943 года он получил Золотую Звезду Героя Советского Союза.

В декабре 1944 года полковник Орловский ушел в отставку и стал председателем колхоза «Рассвет» в родном селе Мышковичи. В 1965 году он получил вторую Золотую Звезду – Героя Социалистического Труда.

Командированные в Испанию чекисты боролись не только против франкистов.

На стороне республиканцев сражались европейцы и американцы разных взглядов – антифашисты, идеалисты, романтики, а также искатели приключений и прирожденные авантюристы. Сюда приехали выдающиеся писатели – Эрнест Хемингуэй, Антуан де Сент-Экзюпери, Джон Дос Пассос.

Иностранных добровольцев зачисляли в интернациональные бригады. Семь интербригад насчитывали несколько десятков тысяч человек. Больше всего было французов, итальянцев, американцев. Через интербригады прошли видные деятели компартий, будущие руководители социалистических стран.

История Испании полна кровавых страниц. В XIX веке уже были две гражданские войны, где пленных не брали...

И не было привычки договариваться. Как и привычки мириться с инакомыслием. Испанцы считали, что правда только одна. Иная точка зрения невозможна. Всеобщая нетерпимость и привела к гражданской войне, в которой обе стороны проявили невероятную жестокость.

Нещадно бомбили и обстреливали города противника, не жалея мирных жителей и памятников архитектуры. После чего обе стороны приглашали журналистов, показывали, что творит враг! Искренне возмущались варварством врага. А сами делали то же самое.

Многие левые и либерально мыслящие люди были сильно разочарованы увиденным в республиканской Испании.

Комиссар госбезопасности Слуцкий сам побывал в Испании. Объяснил своему коллеге из военной разведки Вальтеру Германовичу Кривицкому, позднее оставшемуся на Западе:

– Мы не позволим превратить Испанию в площадку для сбора всяких антисоветских элементов, слетающих туда со всего света. Теперь это наша Испания, часть советского фронта. Кто знает, сколько шпионов среди этих добровольцев? Анархисты и троцкисты, даже если они борцы-антифашисты, они наши враги. Мы должны их выкорчевывать.

Дальняя цель Сталина в воюющей Испании состояла в том, чтобы с помощью интернациональных бригад взять страну под контроль. Но его планам мешала Рабочая партия марксистского единства, известная по своей аббревиатуре ПОУМ (Partido Obrero de Unificacion Marxista). Это была марксистская партия, но не просоветская.

В партии состояло сорок тысяч человек – большая сила. Партия внесла большой вклад в борьбу против Франко. Сформировала из своих сторонников дивизию и отправила ее на фронт. Лидер партии Андрес Перес Нин был очень популярен в Испании. Но члены Рабочей партии – в отличие от испанских коммунистов – не желали

подчиняться советскому генсеку и, напротив, симпатизировали Льву Троцкому. Лидеры Рабочей партии обвинили Сталина в создании «бюрократического режима» и пригласили Троцкого в Барселону.

Присланные из Советского Союза чекисты получили приказ бороться с троцкистами, анархистами, анархо-синдикалистами. Указание было недвусмысленным: «Исключить троцкистов из всех антифашистских органов; троцкистов следует рассматривать не как антифашистов, а как авангард фашизма и агентуру гестапо».

В результате испанские коммунисты открыли второй фронт против собственных союзников в борьбе против Франко. Батальоны Рабочей партии расформировали. Сама Рабочая партия марксистского единства была объявлена вне закона и уничтожена. В июне 1937 года сорок руководителей партии арестовали по сфабрикованным резидентурой НКВД обвинениям в сотрудничестве с фалангистами Франко.

Арестовали и лидера партии Андреса Нина. Но этого было недостаточно для Сталина. Нина вывезли из тюрьмы на машине и убили. В Испании полагают, что это сделали сотрудники советской разведки. В архивах нашлись телеграммы резидента политической разведки в Испании майора госбезопасности Александра Михайловича Орлова относительно судьбы некоего «Николая», который был похищен и ликвидирован. День его ликвидации совпадает с днем исчезновения Андреса Нина.

Так разрушалось единство республиканских сил. Террор, устроенный левыми, которых инструктировали советские чекисты, сыграл на руку Франко. Испанцы испугались коммунистической диктатуры. Расправы вызвали разочарование интеллигенции, которая ехала в Испанию воевать против фашизма. В рядах Рабочей партии марксистского единства воевал британский писатель Джордж Оруэлл. Когда на его глазах партию уничтожили, он осознал опас-

ность создаваемой коммунистическими вождями тоталитарной системы. И описал ее в книгах, которые станут знаменитыми, – «Скотный двор» и «1984».

Ликвидация на языке разведки именовалась тогда «литерным делом». В августе 1937 года майор Орлов получил из Москвы указание уничтожить приехавшего в Испанию воевать за республику австрийского социалиста Курта Ландау, который поддерживал Рабочую партию и был сторонником Троцкого.

Александр Орлов докладывал в Москву:

«Литерное дело Курта Ландау оказалось наиболее трудным из всех предыдущих. Он находится в глубоком подполье... Но я надеюсь, что мы и этот литер проведем так, как вы этого от нас требуете».

Курта Ландау нашли и убили.

Лидеры эмиграции, перебежчики и Троцкий – вот главные объекты интереса советской разведки того времени. Причем задача состояла не только в том, чтобы следить за каждым их шагом, но и при первой же возможности уничтожить.

«Я ВОЗВРАЩАЮ СЕБЕ СВОБОДУ!»

Еще в июне 1930 года во Франции попросил политического убежища Георгий Сергеевич Агабеков, недавний начальник восточного сектора Иностранного отдела ОГПУ и резидент разведки в Турции и на Ближнем Востоке. Бывший прапорщик, он служил в Красной армии, пока его не взяли в ЧК. С 1924 года работал в Иностранном отделе.

Агабеков открыто заявил, что порвал с советским режимом. 1 июля 1930 года парижская газета «Последние новости» опубликовала его заявление:

«Я имею сотни честных друзей-коммунистов, сотрудников ГПУ, которые так же мыслят, как и я, но, боясь мести за рубежом СССР, не рискуют совершить то, что делаю я.

Я – первый из них, и пусть я послужу примером всем остальным честным моим товарищам, мысль которых еще окончательно не заедена официальной демагогией нынешнего ЦК. Я зову вас на борьбу за подлинную, настоящую, реальную свободу».

Он стал первым советским разведчиком, бежавшим на Запад. Написал воспоминания в 1930 году. Они вышли под названием «Секретный террор: записки разведчика». Георгий Агабеков описал, как служба в разведке постепенно стала завидной, и чекисты из внутренних подразделений мечтали перевестись в Иностраннный отдел:

«Посторонний зритель, если он попадет в Иностраннный отдел, заметит две категории различно одетых людей. Одни ходят в защитного цвета казенных гимнастерках и кепках. Другие – в прекрасно сшитых из английского или немецкого сукна костюмах, в дорогих шляпах и франтоватых галстуках.

Первые – это сотрудники, еще не побывавшие за границей, а вторые – это вернувшиеся из-за границы, где они по приезде в первую очередь понашили себе достаточный запас костюмов. Вот почему первые, еще не побывавшие за границей, мечтают, «рискуя жизнью», поехать в капиталистические страны».

Летом 1937 года Агабеков, судя по всему, был ликвидирован недавними сослуживцами из летучей группы, уничтожавшей перебежчиков. Труп его не был найден. Ныне считается, что это дело рук Александра Михайловича Короткова, будущего генерала и начальника нелегальной разведки.

Чекисты действовали по советскому закону. 21 ноября 1927 года ЦИК СССР (высший орган государственной власти) постановил: «Лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявляются вне закона. Объявление вне закона влечет за собой: а) конфискацию всего имущества осужденного, б) расстрел осужденного через 24 часа после

удостоверения его личности. Настоящий закон имеет обратную силу».

Иначе говоря, бежавший от советской власти автоматически подлежал уничтожению. Бегство из Советского Союза и было самым страшным преступлением. Причем наказанию подлежали и те, кто совершил это «преступление» до принятия закона!

11 марта 1934 года старший техник 209-й авиационной бригады Вахромеев вместе с техником Дмитриевым перелетели в Маньчжурию. Сталин был вне себя – в декабре 1931 года точно так же улетел летчик Тренин. Иностранная печать писала, что люди бегут из Советского Союза.

9 июня 1934 года «Правда» поместила принятое накануне Центральным исполнительным комитетом Союза ССР постановление «О дополнении Положения о контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления статьями об измене Родине».

В нем говорилось, что «переход на сторону врага, бегство или перелет за границу караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества». Постановление вводило принцип коллективной ответственности и предусматривало беспредельно жестокое наказание для родственников бежавших:

«В случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, – караются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, – подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет».

Игнатий Станиславович Порецкий, он же Натан Маркович Порецкий, он же Игнатий Рейсс, кличка Людвиг, с 1920 года служил в советской военной разведке. Летом 1937 года Порецкий заявил, что уходит на Запад. Он встретился с сотрудницей советского постпредства в Париже и вручил ей пакет, в который вложил орден Красного Знамени (странно, что орден оказался у Порецкого с собой – разведчикам не полагалось брать с собой за границу подлинные документы и награды) и открытое письмо Сталину.

В письме говорилось:

«Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу... Только победа освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма. Вперед к новым боям за социализм и пролетарскую революцию! За организацию Четвертого интернационала!»

Полтора десятка лет на службе в разведке странным образом не избавили Порецкого от революционного романтизма. Порецкий всю жизнь был солдатом мировой революции и от Сталина ушел к Троцкому, считая именно его подлинным наследником ленинского дела.

Вождь воспринял письмо Игнатия Порецкого как личное оскорбление – высланный из России и утративший всякое влияние в родной стране Лев Троцкий оставался в параноидальном мозгу Сталина врагом номер один. Вождь распорядился убить перебежчика.

Все организовал Сергей Михайлович Шпигельглас.

Он родился в Варшаве в 1897 году, окончил реальное училище, поступил на юридический факультет Московского университета. Прямо со студенческой скамьи его призвали в царскую армию, он служил прапорщиком в запасном полку. После революции – в Московском военном комиссариате.

В 1918 году Сергея Шпигельгласа взяли в Особый отдел (военная контрразведка) ВЧК. Работал в контрразве-

дывательном и оперативном отделах. Потом попал в Иностраный отдел, поскольку свободно говорил по-немецки, по-французски и по-польски. Жена одного из разведчиков вспоминала: «Шпигельглас – толстый, светловолосый маленький человек с выпуклыми глазами».

Шпигельглас выбрал себе оперативный псевдоним, который сегодня кажется, мягко говоря, странным, – Дуче. Так именовали вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини. Но в начале тридцатых слово «дуче» не звучало так одиозно. Советский Союз поддерживал с фашистской Италией полноценные отношения.

Он был умелым и эффективным разведчиком и дорос в октябре 1936 года до должности заместителя начальника Иностранного отдела. Шпигельглас обладал правом напрямую отправлять Сталину разведывательные сводки ИНО ГУГБ.

В середине тридцатых годов он подолгу нелегально жил в Западной Европе, в том числе и в Париже, чтобы непосредственно руководить наиболее важной агентурой. Ему и поручили ликвидировать Порецкого.

В ночь на 4 сентября 1937 года неподалеку от швейцарской границы на шоссе, ведущем из местечка Шамбланд на Женевском озере в Лозанну, обнаружили тело убитого советского разведчика Игнатия Порецкого, более известного под фамилией Рейсс.

Из головы мертвого разведчика при вскрытии извлекли пять пуль, из тела – еще семь. Его пальцы сжимали прядь русых волос – это помогло швейцарской полиции. Полиция обнаружила брошенный автомобиль со следами крови в кабине и арестовала женщину, которая взяла машину напрокат. Ее звали Рената Штайнер, и она не могла понять, куда делись ее друзья, которым она передала этот автомобиль. Полиция идентифицировала ее «друзей» и восстановила предполагаемую картину убийства. Но никого, кроме самой Ренаты Штайнер, найти не удалось.

Полагают, что московской опергруппе помогла Гертруда Шильдбах, член Компартии Германии, бежавшая из страны после прихода нацистов к власти. Советские разведчики регулярно просили ее оказывать «небольшие услуги» – обычно следить за какими-то людьми.

Полиция пришла к выводу, что Гертруда Шильдбах уговорила Порецкого встретиться. Они отправились в загородный ресторан. Пообедав, пошли гулять, и тут, на заброшенной дороге, появился автомобиль, из которого выскочило несколько человек. Они захихнули Порецкого в машину, где его застрелили. Труп выбросили на дорогу.

Соучастниками ликвидации советского разведчика называют разных людей – как правило, непрофессионалов. Версии убийства Игнатия Порецкого, которыми оперируют историки, вызывают серьезные сомнения. К сожалению, до сих пор соответствующее досье так и не извлечено из архивов внешней разведки. Поскольку времена, когда архивы открывались, позади, то, возможно, мы уже никогда не узнаем правду. А строить предположения, не имея достаточной информации, опасно. Легко ошибиться.

Это было не первое и не последнее политическое убийство, совершенное НКВД за рубежом. Неограниченность в силах и средствах давала возможность тщательно организовывать эти убийства. Акции, требующие подготовки, выполнялись кадровыми работниками госбезопасности. Оперативные группы перебрасывались из России за рубеж (в НКВД могли изготовить фальшивые документы всех стран). Генерала Кутепова в 1930 году похитили в Париже сотрудники резидентуры внешней разведки и прибывшие к ним на помощь оперативные работники НКВД.

Первоначально убрать Порецкого поручили майору госбезопасности Теодору Малли (в Иностранном отделе его называли Теодором Степановичем, оперативный псевдоним Манн). Малли был венгром, католическим священником. В Первую мировую служил в австро-вен-

герской армии и попал в русский плен. После Октябрьской революции вступил добровольцем в Красную армию, потом его взяли в ВЧК. Он успешно работал нелегальным резидентом в Лондоне, руководил работой Кима Филби и его друзей, изъявивших желание помогать советской разведке.

«Высокий, красивый мужчина с голубыми доверчивыми глазами и очаровательной улыбкой, которая отличает людей от природы застенчивых, – вспоминала вдова Порецкого Элизабет. – Он проявил себя преданным другом, на которого можно было положиться».

Сергей Шпигельглас, приехав в Париж, вызвал к себе Теодора Малли. Сергей Михайлович подчинил себе парижскую резидентуру. Вообще-то в советской колонии резидент вел себя как царь, бог и воинский начальник. Он мог даже не присутствовать на партийных собраниях. И полпред не смел сделать ему замечание, знал, что с резидентом не ссорятся. Но в присутствии Шпигельгласа резидент чувствовал себя неуверенно и вел себя скромно.

После назначения наркомом внутренних дел Николая Ивановича Ежова заграничный аппарат менялся буквально на глазах. Резидентов и их помощников отзывали в Москву одного за другим. В лучшем случае отстраняли от работы, в худшем арестовывали. Вот поэтому парижский резидент боялся московского начальства. Понимал: операция пройдет неудачно – придется возвращаться домой.

К тому времени Сергей Шпигельглас получил специальное звание майора госбезопасности. Майор госбезопасности был выше по званию, чем обычный армейский майор. Майор госбезопасности носил в петлицах один ромб – то есть приравнивался к генералу. За границей чекисты формы не носили, но все знали, насколько влиятелен Шпигельглас.

Он предложил Теодору Малли два варианта на выбор. Ударить Порецкого утюгом по голове в его гостиничном

номере и инсценировать ограбление. Или отравить во время совместной трапезы в кафе и распрощаться раньше, чем тот уйдет в мир иной.

Малли дружил с Порецким и отказался от поручения. Его отозвали в Москву. Арестовали его 7 марта 1938 года, когда брали нашедших приют в Советском Союзе венгерских коммунистов. Он жил на Малой Лубянке, так что везти было недалеко. 20 сентября его приговорили к смертной казни, расстрелян в тот же день.

Вместо Малли из Москвы вызвали специалистов по «мокрым делам». Павел Судоплатов, который, занимаясь в НКВД такими делами, дослужился до генеральского звания, в своих воспоминаниях назвал имена убийц Порецкого – двух сотрудников Иностранного отдела, их позднее отметили орденами Красного Знамени.

Один из них, Ролан Аббиат, родился в Англии, его отец был профессором консерватории. С начала тридцатых работал на советскую разведку. После убийства Рейсса переехал в СССР, получил орден и гражданство. Трудился в ТАСС под именем Владимира Сергеевича Правдина. В Великую Отечественную его как англоговорящего журналиста командировали в Соединенные Штаты. Когда после войны вскрылся масштаб советской разведывательной сети в Северной Америке, вернули в Москву. В 1953 году о нем вспомнил Судоплатов, вновь зачислил Ролана Аббиата в кадры госбезопасности, но ненадолго. Аббиат умер в 1970 году.

Второй, Борис Мануилович Афанасьев (настоящая фамилия Атанасов), родился в Болгарии, член компартии. После попытки убить болгарского министра бежал в Советский Союз. С 1932 года служил в Иностранном отделе. Участвовал в краже архива Льва Троцкого. В 1947-м его убрали из органов. В 1953 году, после смерти Сталина, тоже вернули в кадры, а после ареста Берии опять уволили. Нашли ему другую работу – заместителя главного

редактора журнала «Советская литература» на иностранных языках. Он умер в 1981 году.

После убийства Порецкого его друг Вальтер Кривицкий попросил политического убежища во Франции. Его несколько раз пытались убить. В декабре 1938 года переехал в США. Написал книгу «Я был агентом Сталина». В феврале 1941 года он ушел из жизни при до конца не выясненных обстоятельствах.

В ходе кровопролитной чистки советская военная разведка была фактически уничтожена. Генерал-майор Виталий Александрович Никольский, который начинал службу в Разведывательном управлении Красной армии еще накануне войны, рассказывал мне:

– Репрессии, которые развернулись после «дела Тухачевского», нанесли армии такой удар, от которого она не успела оправиться к началу войны. К 1940 году в центральном аппарате военной разведки не осталось ни одного опытного сотрудника. Все были уничтожены. Нашими начальниками становились наскоро мобилизованные выдвиженцы, в свою очередь менявшиеся, как в калейдоскопе...

Когда в Москве арестовывали офицера центрального аппарата, то разведчики, которые на нем замыкались, – легальные и нелегальные, автоматически попадали под подозрение. Сначала их информации переставали доверять. Потом отзывали в Москву и уничтожали. Бывало, нашего разведчика отзывали так стремительно, что он не успевал передать свою агентуру сменщику.

ПОХИЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА МИЛЛЕРА

22 сентября 1937 года генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер появился на парижской улице Колизе в половине одиннадцатого утра. В жилом доме № 29 много лет арендовала несколько комнат канцелярия Русского общевойскового союза.

Миллера по-прежнему именовали генералом, и сам он считал себя находившимся на службе, хотя давно переделся в штатское. Как и его сотрудники в Русском общевоеинском союзе. Все они были эмигрантами, все они вынуждены были покинуть родину, проиграв Гражданскую войну и не желая покориться победителям – большевикам.

Миллер занимался делами бумажного свойства у себя в кабинете. А в начале первого ушел, объяснив своему подчиненному – начальнику канцелярии РОВС генералу Павлу Алексеевичу Кусонскому, что у него назначено свидание в половине первого, после чего он намерен возвратиться на службу. Стоял теплый сентябрьский день, и Евгений Карлович не взял с собой пальто, о чем впоследствии сильно пожалел.

В канцелярию РОВС Миллер больше не вернулся. План похищения, разработанный оперативной группой советской разведки, сработал.

Но сохранить все в тайне не удалось.

Уходя на встречу с неизвестными ему людьми, Миллер оставил в рабочем кабинете пакет, который следовало вскрыть в случае его неоправданно долгого отсутствия. В пакет Миллер положил записку с точным указанием, где, когда и с кем он намерен встретиться. Так он поступил 22 сентября 1937 года.

Но никто об этом не знал!

Первой забеспокоилась жена генерала Миллера. Вечером Наталья Николаевна поинтересовалась у подчиненных мужа, что им известно о местонахождении Евгения Карловича, который даже не приехал обедать. А в канцелярии РОВС собрались его давние соратники по Гражданской войне на Севере России. На восемь вечера назначена встреча, а Миллера, известного своей пунктуальностью, все нет! Не дождавшись Евгения Карловича, ввиду позднего времени разошлись.

В девять вечера Наталья Николаевна позвонила в канцелярию и попросила постоянно дежурившего там Василия Владимировича Асмолова обратиться в полицию. Бывший редактор ростовской газеты «Утро Юга» Асмолов в эмиграции остался без заработка и жил в помещении РОВС, исполняя, кроме прочих, обязанности ночного сторожа. Асмолов оповестил начальника канцелярии генерала Кусонского и адмирала Михаила Александровича Кедрова, заместителя Миллера по РОВС.

Кусонский, встревоженный непонятым исчезновением председателя, появился в одиннадцатом часу вечера. Кусонский был прирожденным штабистом. В Первую мировую служил в Ставке Верховного главнокомандующего. Но в тот сентябрьский день 1937 года он проявил поразительную нерасторопность. Не сразу вспомнил об оставленном Миллером конверте. Если бы генерал Кусонский прочитал записку раньше, возможно, Евгения Карловича удалось бы спасти. Но он вскрыл оставленный генералом конверт лишь в половине одиннадцатого вечера.

Что же говорилось в этой записке, изменившей судьбу стольких людей?

Покидая канцелярию, председатель РОВС написал:

«У меня сегодня в 12:30 свидание с ген. Скоблиным на углу улиц Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штротманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а потому на всякий случай оставляю эту записку».

Миллер явно ни в чем не подозревал самого генерала Скоблина, с которым много лет дружил. Иначе бы просто отказался от встречи. Но свиданий с незнакомцами благоразумно остерегался – после почти мистической истории с бесследным исчезновением здесь же, в Париже, его пред-

шественника на посту председателя РОВС генерала Кутепова в 1930 году.

Прочитав записку, генерал Кусонский пребывал в растерянности. Адмирал Кедров, по характеру более решительный, сразу начал действовать. Прежде всего попросил послать Асмолова домой к Скоблину.

– Надо узнать, во-первых, не пропал ли и Николай Владимирович, – озабоченно напутствовал его адмирал Кедров. – Ежели он на месте, то пусть вспомнит, где и когда они расстались с Евгением Карловичем.

Асмолов среди ночи отправился в Озуар-ла-Феррьер, пригородное местечко, где жили Скоблины. Путь неблизкий. Но двухэтажный дом оказался пуст. Асмолов ни с чем вернулся на улицу Колизе. Руководители РОВС предполагали худшее – Миллер последовал за Кутеповым в мир иной. Так еще и Скоблин исчез?..

– Неужели и Николай Владимирович пропал? Но Надежда Васильевна должна была бы остаться дома, почему ее нет? С ней-то что могло приключиться?

Полковник Сергей Александрович Мацылев, начальник канцелярии 1-го отдела РОВС, вспомнил, что Скоблин и Плевицкая, оставшись в Париже, обыкновенно ночуют в гостинице «Панс». Мацылева и послали наведаться в гостиницу. Причем полковник ничего не знал об уже прочитанной записке Миллера. Поэтому когда он будил Скоблина и просил немедленно приехать, то никак не мог вспугнуть генерала.

Николай Владимирович без шляпы, в легком летнем пальто на такси поехал на улицу Колизе. После исчезновения Миллера он занял бы более важный пост в руководстве РОВС.

Однако события развивались вовсе не так, как планировали Скоблин, Плевицкая и их кураторы из 5-го (Иностранного) отдела Главного управления государственной безопасности Наркомата внутренних дел Союза ССР.

Скоблина сразу же спросили:

– Где Миллер?

– Я не знаю, – ответил генерал, хотя он, единственный из всех присутствующих, как раз точно знал, что именно произошло с Евгением Карловичем.

Он вел себя непринужденно и сохранял совершеннейшее спокойствие.

– Когда вы его видели в последний раз?

– В воскресенье, – не моргнув глазом, ответил Николай Владимирович.

Тогда ему показали записку, оставленную Миллером.

Скоблин смутился. Немногие на его месте сумели бы вовсе не выдать своих чувств. Но хладнокровие тут же вернулось к нему. Все-таки он был не институткой, а боевым генералом, прошедшим две войны – Первую мировую и Гражданскую, и все годы – на передовой. Николай Владимирович твердо сказал, что это ошибка. Именно в то время, когда Миллер с кем-то встречался, они с Надеждой Васильевной преспокойно сидели в ресторане, и тому найдутся свидетели.

Адмирал Кедров и генерал Кусонский ни в чем Скоблина не подозревали. Им в голову не могло прийти, что боевой соратник, с которым они вместе прошли через такие испытания, давно служит советской власти. Но они поняли, что придется обращаться в комиссариат полиции – сделать официальное заявление об исчезновении Миллера. Предложили Скоблину поехать вместе с ними.

И вот теперь Николай Владимирович внезапно осознал, что все рухнуло. Испугался, что в полиции его просто арестуют. Надо спастись! Он улучил минуту, когда внимание растерявшихся руководителей РОВС было отвлечено от него, вышел из комнаты... и исчез. Соратники по Белому делу его больше никогда не увидят.

А Кедров и Кусонский ничего не понимали. Недоумевали: куда вдруг делся Николай Владимирович? Ведь

все вместе собрались ехать в полицию... Они же не могли знать, что Николай Скоблин и его жена Надежда Плевацкая в 1930 году согласились тайно работать на советскую разведку.

Записка, оставленная Миллером, – главная и единственная улика. Поэтому под утро к Плевацкой в гостиницу приехали двое полицейских. Они допросили Надежду Васильевну. После первого допроса отпустили. И она, захватив с собой деньги, по всему городу искала мужа, чтобы спасти его и себя. Но поиски были безуспешными. Она не знала, где он может скрываться. Подобный вариант развития событий не предусматривался. Связаться с сотрудниками парижской резидентуры советской разведки она не сумела. Не знала, как это сделать, – отношения с ними поддерживал Николай Владимирович.

Прежняя жизнь рухнула так стремительно, так неожиданно, что она не успела подготовиться. Она внезапно ощутила себя несказанно одинокой. Она чуть с ума не сошла. Она не знала, что делать, куда бежать, где искать исчезнувшего мужа. Она привыкла жить в полной безопасности и потому оказалась особенно чувствительной. Страх потерять мужа поверг ее в панику и ужас. Для него она была самая красивая, самая желанная и интересная женщина в мире. Он делал ее моложе, наполнял смыслом ее жизнь. А следствие шло своим ходом. И Плевацкая, не понимая этого, оказалась в центре расследования. Приехала полицейская машина – за ней.

Оставленную генералом записку следствие сочло доказательством причастности Скоблина к преступлению. Поскольку они с женой в тот день были вместе, то Плевацкую арестовали как очевидную соучастницу. При аресте у нее нашли семь с половиной тысяч франков, полсотни долларов и полсотни фунтов стерлингов – деньги для нищей эмиграции завидные. Эти деньги на суде станут доказательством ее вины.

Для начала комиссар Андре Рош задавал ей самые простые вопросы:

– Как вы провели четверг? Что делали? С кем встречались? Видели ли мужа?

– Если бы я его увидела, – истерически восклицала Плевицкая, слезы навертывались у нее на глаза, – я бы вцепилась в него, не отпустила бы от себя, на эшафот вместе с ним пошла, что бы он ни сделал!.. Но я не нашла его. Не нашла моего Николая... Я знаю, генерал Миллер исчез, это несчастье... Но поймите, муж – мой муж! – бросил меня. Покинул!

– Где же вы были весь день? – настаивал следователь. – Где именно его искали?

– Я сама не знаю. Я как безумная была... Ходила, брала такси, ездила в Булонский лес, в Сен-Клу, сама не знаю куда. Я Парижа не знаю, улиц не помню. Всегда муж возил меня в автомобиле... В каждой машине мерещилось мне – не он ли? Галлюцинации какие-то были. Я даже думала, не у Миллера ли он...

Следователь пригласил и жену генерала Миллера. Увидев ее, Надежда Васильевна Плевицкая смутилась. Попросила следователя оставить их одних. Следователь согласился, надеясь, что беседа с давней подругой заставит Плевицкую дать правдивые показания.

Жена Миллера Наталья Николаевна, дочь генерала и дальняя родственница Пушкина, впоследствии описала разговор с Плевицкой следующим образом.

Плевицкая зарыдала:

– Вы же знаете, как я вас любила... и Евгения Карловича... Разве я могла это сделать?.. Разве мог Николай Владимирович?.. Да я бы первая донесла... Вы верите мне?

Наталья Николаевна молчала.

– Сделайте так, чтобы меня выпустили, – попросила Плевицкая.

Она еще не понимала, что ее ждут суд и очень суровый приговор.

Скоблина не нашли. Комиссар Рош предъявил Надежде Васильевне Плевицкой официальное обвинение в «соучастии в похищении генерала Миллера и насилии над ним». Из здания судебной полиции на набережной Орфевр ее под стражей отвезли в женскую тюрьму.

Так что же произошло с генералом Миллером?

Миллер и Скоблин встретились на углу улиц Раффе и Жасмен. Здесь их поджидал еще один человек. Его имя неизвестно. Скоблин оставил свой автомобиль, и они втроем, разговаривая, пошли по улице Раффе к калитке дома на бульваре Монморанси.

Его за тридцать тысяч франков в год арендовал советский полпред Владимир Петрович Потемкин, будущий академик. В доме находилась школа для детей советских сотрудников, работавших в Париже. Но в сентябре каникулы еще не закончились, и школа пустовала. Позднее следствие обратит внимание на то, что место для похищения Миллера выбрали очень удачно. Советский дом находился на окраине Парижа, возле Булонского леса, в пустынном (в те годы) месте, где редко можно было встретить прохожего – особенно в обеденные часы.

Следствие даже найдет свидетеля последних минут свободной жизни генерала Миллера. Бывший офицер Добровольческой армии 22 сентября 1937 года находился на террасе дома всего в нескольких десятках метров от советской виллы на бульваре Монморанси. Оттуда ему было прекрасно видно, как у самого входа в советский дом стояли хорошо ему известные Миллер и Скоблин, а между ними – спиной к нему – находился какой-то человек плотного сложения. Скоблин в чем-то убеждал Миллера и показывал на калитку советского дома. По-видимому, предлагал генералу войти в дом. Евгений Карлович, похоже, колебался.

Что произошло потом, свидетель не видел, так как в это время его позвали с террасы внутрь дома. Он не придавал никакого значения увиденной им сцене. Только на другой день, прочитав в газетах о похищении Миллера и исчезновении Скоблина, понял, чему был свидетелем.

Надо понимать, генерала Миллера втолкнули в дом, где находились оперативники Главного управления государственной безопасности, и все было кончено. Его одурманили хлороформом, уже в бессознательном состоянии заткнули рот и связали руки и ноги. Через несколько минут к дому подкатил новенький восьмицилиндровый грузовичок компании «Форд», приобретенный советским полпредством. В грузовик погрузили большой и тяжелый ящик, его вынесли вчетвером.

Передав Миллера оперативной группе НКВД, Скоблин освободился. Поехал с женой на вокзал провожать дочь генерала Корнилова. Потом в Галлиполийское собрание – пить чай. Затем Скоблин завез жену в гостиницу «Пакс» и оставил немного отдохнуть. А сам вместе с полковником Трошиным и капитаном Григулем поехал благодарить генералов Деникина и Миллера за участие в прошедшем накануне банкете корниловцев.

Не застав – по причине ему одному прекрасно известной – генерала Миллера, Скоблин как ни в чем не бывало, попросил его жену передать генералу искреннюю благодарность преданных Белому делу офицеров-корниловцев.

Впоследствии его невероятное хладнокровие станет предметом взволнованного обсуждения в эмигрантской среде. Он же только что отдал своего старого и доброго друга в руки злейших врагов! Многие задавались вопросом: как Плевицкая и Скоблин могли так поступить, зная, что ждет Миллера в Москве?.. Тюрьма, а то и смерть. Хотя они и предпочли бежать из России, но кое-что уже понимали в советской жизни.

Скорее всего, они просто не думали об этом. И не испытывали ни малейшего сожаления. Не интересовали их ни судьба Миллера, ни страдания его жены и детей. Чувство вины – естественная часть нормальной человеческой личности, но это чувство возникает не у всех. Они целиком и полностью сосредоточились на себе. Важнее всего – собственное благополучие и положение в жизни. Детей у них не было. Заботиться о других они не привыкли. А благотворительность, в которой Плевацкая всегда участвовала, – это нечто иное, это часть образа жизни.

Ближе к вечеру они вернулись к себе в Озуар-ла-Феррьер, чтобы накормить кота и собак. Но вечер еще не был закончен. Им не хотелось сидеть дома, и они вновь поехали в Париж. Плевацкая осталась в гостинице «Пакс», а Скоблин еще раз наведался в Галлиполийское собрание и потом только присоединился к жене. Скорее всего, он был доволен тем, как удачно провернул такое дельце.

А Миллера уже искали. Но Скоблин лег спать, не подозревая, что его вскоре разбудят и попросят приехать в канцелярию РОВС. И он никогда больше не увидит свою жену.

А что же происходило с председателем Русского общевойскового союза?

Когда генерала хватились, машина, увозившая Евгения Карловича Миллера, была уже далеко от Парижа. Связанного генерала, находившегося без сознания, на максимальной скорости везли в портовый город Гавр.

Здесь разгружали советское судно «Мария Ульянова», доставившее 5522 тюка с бараньими кожами на общую сумму в девять миллионов франков. Груз предназначался для отправки в Бордо.

Товаро-пассажирское судно «Мария Ульянова» сошло со стапелей Северной судостроительной верфи в Ленинграде 1 мая 1925 года. Скорость – двенадцать с половиной узлов. Команда – сорок два человека. Еще недавно судно носило иное имя – «Ян Рудзутак». Его называли в честь

члена политбюро ЦК партии Яна Эрнестовича Рудзутака. Но в мае 1937 года заместитель председателя правительства Рудзутак был арестован (его расстреляют через год). Пароход переименовали – в честь младшей сестры Ленина Марии Ильиничны Ульяновой, умершей в июне 1937 года.

Портовой команде оставалось выгрузить еще шестьсот тюков, когда «Мария Ульянова» внезапно стала готовиться к отходу. Капитан получил по радио малопонятный ему приказ принять важный дипломатический груз и немедленно покинуть порт. Оставшиеся шестьсот тюков с бараными кожами вернутся в Россию, где их перегрузят на другой пароход и вновь повезут – на сей раз непосредственно в Бордо.

Фордовский грузовичок, покрытый пылью, подкатил к самому причалу, окутанному туманом. Из машины выскочил человек и с неожиданной прытью поднялся по трапу. Вахтенный провел его прямо к капитану. На несколько минут они остались один на один в каюте. Потом капитан стремительно прошел в рубку готовиться к отплытию, а гость вернулся к трапу, чтобы помочь втащить на борт тяжелый груз. По приказу капитана в этот момент с палубы исчезли все матросы.

Таможенникам предъявили документы, из которых следовало, что в ящике – дипломатическая переписка советского полномочного представительства во Французской Республике. Дипломатическая переписка таможенному досмотру не подлежит. Судно немедленно отошло от причала и взяло курс на Ленинград.

Полицейское расследование быстро привело французских сыщиков в Гавр. Они справедливо заподозрили, что Миллера увезли на советском судне. Министр обороны Эдуард Даладьё вызвал к себе советского полпреда и потребовал, чтобы пароход немедленно вернулся во Францию. Но разговором дело и ограничилось. Французское правительство не захотело ссориться с Советской Россией.

29 сентября «Мария Ульянова» дошла до Ленинграда, на следующий день Миллера доставили в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму Главного управления государственной безопасности НКВД под именем Петра Васильевича Иванова. Его продержат в камере полтора года и под чужим именем расстреляют в мае 1939 года.

А кто же похитил генерала в Париже?

Руководил операцией Сергей Михайлович Шпигельглас. Он приехал в Париж заранее, в начале июля 1937 года. В кафе «Клозери-де-Лила» на бульваре Монпарнас встретился с коллегой из соседнего ведомства – Вальтером Кривицким, который руководил нелегальной резидентурой военной разведки в Западной Европе. Разговор состоялся вполне дружеский. Никому не ведомо его будущее...

Первоначально нелегальные резидентуры создавались на случай войны. Считалось, что всех разведчиков, работающих под дипломатической «крышей», вышлют, а разведчики, находящиеся на нелегальном положении, смогут остаться и продолжать работу. Потом пришли к сочетанию легальных и нелегальных резидентур, вторые брали на себя работу, опасную для официального советского представителя.

Операция с генералом Миллером была сложной, так что в помощь Шпигельгласу из Мадрида прибыл руководитель представительства НКВД в республиканской Испании Александр Михайлович Орлов. Из Москвы прислали Вениамина Семеновича Гражуля, который после Гражданской войны начинал в Особом отделе, а в тридцатые использовался на нелегальной работе. Репрессии обошли Гражуля стороной, в войну его перевели на преподавательскую работу. А из «парижан» привлекли заместителя нелегального резидента во Франции капитана госбезопасности Михаила Васильевича Григорьева, оперативный псевдоним Александр.

Резидент в Париже Станислав Мартынович Глинский, который принимал участие в захвате Бориса Савинкова

и получил орден Красного Знамени, ровно за месяц до операции был внезапно отозван в Москву. Уезжал Глинский в отличном настроении, но дома был арестован как «польский шпион» и в декабре расстрелян. Его жене дали десять лет лагерей. Она отсидела свой срок полностью, вернулась в 1947 году в Москву. Ее вновь арестовали и отправили в Воркуту, она умерла по дороге.

А Николай Владимирович Скоблин все еще находился в Париже, о чем никто не подозревал. Думали, он в Москве. Его скрывала советская разведка. Надо понимать, в здании полпредства. Он томился от скуки. Переживал за жену. Думал, как ей помочь. Вникал в советскую жизнь. Читал московские газеты и журналы. Ему эта литература была в диковинку. Но он быстро осваивал ритуальные фразы и обороты.

Рассекречен извлеченный из архива документ, подписанный Скоблиным. Надо понимать, последний в его жизни. Это его письмо, адресованное в Москву, датировано оно 11 ноября 1937 года:

«Дорогой товарищ Стах!

Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза.

Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана. Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине – Советском Союзе...

Не успел оглянуться, как снова прошло две недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло.

От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем «Васеньке» не дает мне целиком отдалиться этому делу.

Как вы полагаете, не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно «Васеньки»?

Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти двухмесячное пребывание в заключении и необходимость ободрить, а главное, успокоить».

Он рассчитывал, что разведка как-то сумеет вытащить Надежду Васильевну (которую для конспирации именует «Васенькой»), спасти от тюрьмы...

И все. Больше ни единой весточки. Генерал исчезает бесследно.

Официальная версия такова: Скоблина укрыли на конспиративной квартире советской разведки в Париже, где готовили к поездке в Испанию, поэтому он и учил испанский язык.

Рассекречена шифротелеграмма, отправленная Центром в Париж 28 сентября 1937 года:

«Швед» и «Яше».

Ваш план принимается. Хозяин просит сделать все возможное, чтобы прошло чисто. Операция не должна иметь следов. У жены должна сохраниться уверенность, что тринадцатый жив и находится дома.

Алексей».

Швед – псевдоним Александра Орлова.

Яша – псевдоним Якова Серебрянского.

Алексей – псевдоним начальника 7-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД комиссара госбезопасности 2-го ранга Абрама Слуцкого.

Хозяин – это Сталин.

Глава представительства НКВД в республиканской Испании Орлов зафрахтовал самолет, на котором Скоблина переправили в Барселону. Это подтверждает письмо Орлова Шпигельгласу (также рассекреченное) более позднего времени, в котором он вспоминает то дело: «За

15 000 долларов мы могли бы купить самолет типа того, на котором мы с вами вывозили «Фермера».

Фермер – агентурная кличка Скоблина, данная ему при вербовке осенью 1930 года.

А что же приключилось с генералом за Пиренеями? В Испании полыхала гражданская война. Говорили, Скоблин погиб при бомбардировке. Профессионалы уверены, что от Николая Владимировича просто избавились. Историки полагают, что осуществили ликвидацию Орлов и Судоплатов.

Почему ему не сохранили жизнь?

Новое руководство НКВД и разведки в Скоблине больше не нуждалось. Что с ним делать в Москве? Он же всерьез рассчитывал занять обещанную ему высокую должность в Генштабе Красной армии. Но ему не доверяли. Разведчиков, которые работали со Скоблиным, после похищения Миллера расстреляли как иностранных шпионов... Впрочем, те, кто решил его судьбу, вскоре последовали за ним в мир иной. Люди в советской разведке менялись с головокружительной быстротой.

Несмотря на свои заслуги, начальником Иностранного отдела Сергей Шпигельглас так и не стал. Он был арестован 2 ноября 1938 года. Пять месяцев отказывался подписывать то, что от него требовали. Но его пытали, и он не выдержал. Его расстреляли 29 января 1941 года.

ЛЕДОРУБ РАМОНА МЕРКАДЕРА

Достать врага на другом конце света оказалось трудно. Но Сталин считал, что ненавидимый им недавний член политбюро, председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам Лев Давидович Троцкий должен быть уничтожен. А приказы вождя исполнялись неукоснительно.

Троцкий был выслан из СССР в 1929 году. Он перебирался из одной страны в другую, но нигде ему не были

рады. Одни не хотели давать приют профессиональному революционеру, другие не желали раздражать Москву, принимая злейшего врага Сталина. Приют Троцкий нашел только в Мексике, куда он добрался в январе 1937 года. Его поселил в своем доме выдающийся мексиканский художник и коммунист Диего Ривера.

Задача была поставлена перед внешней разведкой в 1938 году. В истории отечественных спецслужб эта операция именуется делом «Утка». Окончательный план убийства Троцкого, представленный начальником 5-го (разведывательного) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД старшим майором Павлом Михайловичем Фитиным, Сталин одобрил в августе 1939 года.

В разработанном 9 июля 1939 года плане записано:

«Цель: ликвидация.

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар – удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы...»

Предполагал ли Троцкий, что чекисты охотятся за ним? Во всяком случае, его предупреждали.

В 1926 году, записывая Троцкий в дневнике, «когда Зиновьев и Каменев, после трех с лишним лет совместного со Сталиным заговора против меня, присоединились к оппозиции, они сделали мне ряд излишних предостережений».

– Вы думаете, Сталин размышляет сейчас над тем, как возразить вам? – говорил недавний член политбюро и заместитель Ленина в правительстве Лев Борисович Каменев. – Вы ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить. Морально, а если возможно, то и физически. Оклеветать, подкинуть военный заговор, а затем, когда почва будет подготовлена, подстроить террористический акт. Сталин ведет войну в другой плоскости, чем вы...

Каменев еще рассказал, как когда-то они втроем – Сталин, Каменев и Дзержинский – сидели вечером на балконе дачи в Зубалове. И Сталин вдруг признался:

– Лучшее наслаждение – наметить врага, подготовиться, отомстить как следует, а потом пойти спать.

Каменеву вторил еще один бывший член политбюро и друг Ленина Григорий Евсеевич Зиновьев, который много времени провел с генсеком, пока они держались вместе:

– Вы думаете, что Сталин не обсуждал вопроса о вашем физическом устранении? Обдумывал и обсуждал. Его останавливала одна и та же мысль: молодежь возложит ответственность лично на него и ответит террористическими актами. Он считал поэтому необходимым рассеять кадры оппозиционной молодежи.

Каменева и Зиновьева Сталин вскоре прикажет расстрелять.

И сам Лев Давидович нисколько не сомневался в готовности своего бывшего коллеги по политбюро и правительству отдать приказ о его убийстве. В Алма-Ате к ссыльному Троцкому однажды пришел какой-то инженер. Интересовался его жизнью, между делом спросил:

– Возможны ли какие-либо шаги для примирения?

Лев Давидович ответил, что Сталин мириться не станет.

– Чем это может закончиться? – спросил инженер.

– Мокрым делом, – хладнокровно ответил Троцкий. – Ничем иным Сталин кончить не может.

В Мексике Троцкого охраняли преданные ему люди. Но это были любители, а добраться до бывшего председателя Реввоенсовета старались профессионалы. На выполнение личного задания вождя были мобилизованы все чекистские возможности.

В конце мая 1940 года было совершено первое покушение на Троцкого. Убить изгнанника убедили группу мексиканских коммунистов, среди них был известный художник

Давид Альваро Синейрос, которого с тех пор особенно полюбили советские руководители.

Два десятка человек в полицейской форме разоружили охрану дома Троцкого в Койоакане (неподалеку от Мехико), забросали дом гранатами и обстреляли из пулеметов.

«Нападение произошло на рассвете, около четырех часов, – рассказывал Троцкий. – Я спал крепко, так как после напряженной работы принял снотворное. Проснулся от грохота выстрелов с тяжелой головой, я вообразил сперва, что за оградой происходит народный праздник с ракетами. Но стреляли слишком близко, тут же, в комнате, возле меня... Ясно: случилось то, чего мы всегда ждали: на нас напали. Где полиция? Где стража? Связаны, захвачены или перебиты?.. Жена подтолкнула меня на пол, в пространство между кроватью и стеной... Стреляли тут же, в комнате, но мы никого не видели... Осколки оконных рам и стен падали в разных направлениях...

Когда выстрелы притихли, раздался голос внука, который спал в соседней комнате: дедушка! Этот детский голос во тьме под выстрелами остался как самое трагическое воспоминание этой ночи. Мальчик после первого выстрела бросился под кровать. Один из нападавших выстрелил в кровать: пуля пробила матрац, ранила внука... С криком «дедушка!» он выскочил во двор, оставляя кровавый след и под выстрелами перебежал в помещение одного из членов охраны.

Моя жена бросилась на крик внука в его комнату, которая оказалась уже пуста. В комнате горели пол, дверь и небольшой шкаф.

– Они захватили Севу, – сказал я жене.

Это была наиболее жуткая минута. Выстрелы еще продолжались, но уже дальше от нашей спальни, где-то во дворе или непосредственно за оградой... Исчез ночной дежурный – Роберт Шелдон. Почему молчали полицей-

ские внешней охраны? Они оказались связаны нападавшими...

Всадив через двери и окна несколько десятков пуль в направлении кровати и не слыша ни криков, ни стонов, нападавшие имели все основания думать, что они с успехом выполнили свою работу... Каким образом мы уцелели? Очевидно, благодаря счастливому случаю. Кровати были взяты под перекрестный огонь. Возможно, что нападавшие боялись перестрелять друг друга и инстинктивно стреляли либо выше, либо ниже, чем нужно было. Но это только догадка. Возможно также, что мы с женой помогли счастливому случаю тем, что не потеряли головы, не метались по комнате, не кричали, не звали на помощь, когда это было безнадежно...»

В день покушения дом Троцкого охраняли пятеро полицейских. Трое из них спали. Телохранитель Шелдон был убит нападавшими, потому что он знал одного из замаскированных чекистов – Иосифа Ромуальдовича Григулевича.

Убить бывшего председателя Реввоенсовета нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия поручил Павлу Судоплатову, который ввиду важности поставленной перед ним задачи получил пост заместителя начальника внешней разведки.

Непосредственно операцией руководил будущий генерал Леонид (Наум Исаакович) Эйтингон. В 1917 году юный Эйтингон вступил в партию эсеров, осенью 1919-го присоединился к большевикам. 10 мая 1920 года его взяли в Гомельскую губернскую чрезвычайную комиссию, назначили помощником начальника секретно-оперативного отдела (см. работу А.Д. Карасева в «Сборнике памяти академика И. Минца»).

Осенью 1921 года Эйтингону поручили расследовать деятельность командира отряда местной ЧК Черноморца, обвиненного в бандитизме. Он не нашел в методах этого

бандита и авантюриста ничего дурного. Но комиссия не закончила работы, как говорится в документе, потому что «на третий день Эйтингон был ранен случайно в избе Черноморцем в ногу и не мог дальше работать». Позднее это называлось ранением, полученным в борьбе против бандитизма.

Судоплатова и Эйтингона ныне вспоминают как героев. Возможно, потому что не все знают, чем именно они занимались. Известный историк Никита Васильевич Петров обнародовал материалы из архивов госбезопасности о работе токсикологической спецлаборатории.

В конце 1938 года руководитель спецлаборатории Григорий Майрановский обратился к своему высшему начальнику наркому Берии с просьбой – он хотел проводить опыты на живых людях. Иначе как гарантировать эффективность создаваемого ими оружия? Лаврентий Павлович разрешил передавать пытливым ученым приговоренных к расстрелу. Лаборатория, как расскажет в 1953 году сам Берия, была создана с личного разрешения Сталина.

Сотрудникам лаборатории объяснили, что создание смертельных препаратов необходимо для операций за кордоном. Но яды были востребованы и дома. Разрешение на применение яда давали нарком внутренних дел или его заместитель.

Задача состояла в том, чтобы не только убить, но и скрыть реальную причину смерти. Яд подмешивали в пищу. Делали инъекции. Кололи зонтиком и тростью (этот метод впоследствии возьмут на вооружение). Иногда в людей, превращенных в подопытных кроликов, стреляли отравленными пулями. Или вводили яд в подушку, чтобы человек умер во сне. В некоторых случаях люди погибали долго и мучительно. Иногда агония продолжалась двое суток.

Происходило это на первом этаже здания НКВД в Варсонофьевском переулке. Допуск в лабораторию из оперативного состава ведомства госбезопасности имели только

заместитель начальника внешней разведки Павел Судоплатов и его верный помощник Леонид Эйтингон. Иногда они сами просили испытать тот или иной яд.

В 1953 году, после ареста Берии, на допросе полковник медицинской службы Майрановский рассказал на допросе, что по заданию Судоплатова участвовал в убийстве людей на конспиративных квартирах в Москве. Яд подмешивался к пище или выпивке.

Убить Троцкого Судоплатов и Эйтингон решили чем-то более надежным, чем яды из спецлаборатории НКВД. После первой неудачной попытки, 30 мая 1940 года, Эйтингон докладывал в Москву:

«О нашем несчастье вы знаете из газет подробно. Отчет вам будет дан позже. Пока все люди целы, и часть уехала из страны. Если не будет особых осложнений, через две-три недели приступим к исправлению ошибки, так как не все резервы исчерпаны. Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания».

Но, как говорил товарищ Сталин, нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики-ленинцы...

Лев Давидович чудом остался жив. Каждое утро он говорил жене:

– Видишь, они не убили нас этой ночью, а ты еще чем-то недовольна.

Троцкий сильно изменился в последние годы. Стал мягче, чувствительнее, больше ценил близких, которыми прежде пренебрегал в пользу революции.

«Сегодня гуляли, – записывал он в дневнике, – поднимались в гору... Н. устала и неожиданно села, побледневшая, на сухие листья (земля еще сыровата). Она прекрасно ходит и сейчас еще – не уставая, и походка у нее совсем молодая, как и вся фигура. Но за последние месяцы сердце иногда дает себя знать, она слишком много работает, со

страстью (как все, что она делает)... Н. села, видно, что дальше не могла, и улыбнулась виноватой улыбкой. Как мне стало жаль молодости, ее молодости...»

Наталья Ивановна Седова была ему надежной спутницей. Однажды ее пригласили сыграть в любительском спектакле. Но у нее не получилось. Лев Давидович был удивлен и огорчен:

«Только позже я понял, что Н. не может ни в одной области «играть». Она всегда и при всех условиях – всю жизнь – во всех обстановках (а мы их пережили немало) оставалась сама собою, не позволяя обстановке влиять на свою внутреннюю жизнь».

В своем завещании он написал:

«Судьба дала мне счастье быть ее мужем. В течение почти сорока лет нашей совместной жизни она оставалась неистощимым источником любви, великодушия и нежности. Она прошла через большие страдания, особенно в последний период нашей жизни. Но я нахожу утешение в том, что она знала также и дни счастья».

Троцкий был одним из отцов-основателей Советского государства. Ему судьба щедро отпустила славы и восторгов, несчастий и горя, писал его биограф Исаак Дейчер. Троцкий видел, как осуществились его самые смелые мечты, как мгновенно реализовывались его идеи, он был триумфатором. И он видел крушение всех своих надежд и собственное падение.

В конце жизни Лев Давидович по-иному взглянул на Ленина. Жалел, что так много спорил с ним. Незадолго до того, как его убили по приказу Сталина, записал в дневнике:

«Этой ночью, вернее уж утром, снился мне разговор с Лениным. Если судить по обстановке, – на пароходе, на палубе 3-го класса. Ленин лежал на нарах, а я не то стоял, не то сидел возле него. Он озабоченно расспрашивал о болезни:

– У вас, видимо, нервная усталость накопленная, надо отдохнуть...

Я ответил, что от усталости я всегда быстро поправлялся, благодаря свойственной мне энергии, но что на этот раз дело идет о более глубоких процессах...

– Тогда надо серьезно (*он подчеркнул*) посоветоваться с врачами...

Я ответил, что уже много советовался, и начал рассказывать о поездке в Берлин на лечение в 1926 году и хотел добавить: это случилось после вашей смерти, но сдержался и заметил: это было после вашей болезни».

Как странно... В конце жизни в своих снах и грезах Лев Троцкий, демон революции, как его любили называть, видел себя под защитой заботы и любви Ленина. Он уже не был похож на того железного председателя Реввоенсовета, каким он предстал в Москве перед многочисленными посетителями, искавшими его помощи и расположения.

Историки говорят, что Ленин несколько настороженно относился к Троцкому, потому что недолюбливал идеалистов, предпочитал практиков, которым ничто не мешает делать повороты на крутой дороге истории. А Лев Давидович в определенной степени остался романтиком. Во всяком случае, из всей плеяды победителей в революции и Гражданской войне он единственный сохранил искреннюю веру в марксизм.

Весной 1940 года в своем завещании Троцкий писал: «Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом... При каких бы обстоятельствах я ни умер, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее».

Он считал, что тяжело болен:

«Характер моей болезни (высокое и повышающееся давление крови) таков, что – насколько я понимаю – конец должен наступить сразу, вернее всего – опять-таки по

моей личной гипотезе – путем кровоизлияния в мозг. Это лучший конец, какого я могу желать».

Никому не дано предугадать свое будущее. Инсульт хватил не Льва Троцкого, а Иосифа Сталина. И это была мучительная смерть. В марте 1953 года вождь потерял речь. Правая половина тела была парализована. Умирание затянулось на несколько суток.

Впрочем, Лев Троцкий вовсе не был уверен, что судьба подарит ему легкую и скорую кончину:

«Читать на эту тему специальные книги у меня нет желания, а врачи, естественно, не скажут правды. Если склероз сосудов примет затяжной характер и мне будет грозить длительная инвалидность, то я сохраняю за собой право самому определить срок своей смерти. «Самоубийство» (если здесь это выражение уместно) не будет ни в коем случае выражением отчаяния или безнадежности. Мы не раз говорили с Наташей, что может наступить такое физическое состояние, когда лучше самому сократить свою жизнь, вернее свое слишком медленное умирание...»

Сталин избавил его от необходимости принимать трудное решение.

На роль убийцы Троцкого нашли испанца Рамона Меркадера. Он работал официантом в отеле «Ритц» в Барселоне.

Рамон Меркадер родился 7 февраля 1914 года в Барселоне. Его отец Пабло Меркадер занимался бизнесом и был одним из самых богатых людей в Барселоне. Мать – Карридад дель Рио Эрнандес – родила пятерых детей, потом оставила мужа и увлеклась анархистскими идеями. Она стала агентом НКВД и предложила чекистам обратить внимание на сына. Советские разведчики завербовали его в 1938 году. К тому времени он успел и послужить в армии, и посидеть в тюрьме.

Рамон свободно владел французским и английским. Высокий и сильный, внешне привлекательный, хладно-

кровный, он годился для той роли, которую ему придумали: соблазнить одну из преданных Троцкому женщин, чтобы она привела его к будущей жертве. Уже через пять дней после первого покушения будущий убийца проник в дом Льва Давидовича. Он называл себя Жаком Морнармом, сыном бельгийского дипломата, а пользовался фальшивым канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона.

20 августа 1940 года Меркадер пришел к Троцкому, несмотря на жару, в плаще и шляпе и попросил прочитать его статью. Когда Лев Давидович взялся за чтение, стоявший у него за спиной Меркадер вынул ледоруб с укороченной ручкой (пистолет ему тоже дали) и, закрыв глаза, со всей силой обрушил его на голову Троцкого.

Он предпочел ледоруб, а не пистолет, чтобы не шуметь. Меркадер был на редкость бесчувственным и безжалостным человеком: не всякий профессиональный убийца способен на такое. Он надеялся убить Троцкого одним ударом и убежать.

Но смертельно раненный Троцкий вступил в борьбу. От растерянности Меркадер даже не сумел воспользоваться пистолетом. Услышав шум, вбежали охранники и схватили убийцу. Полиция устроила Меркадеру очную ставку с женщиной, которую он использовал, чтобы проникнуть в дом Троцкого. Она сказала:

– Ты – предатель! В любви, в дружбе, во всем. Не лги, предатель!

Рамон Меркадер просил полицейских, чтобы его увели.

На следующий день Троцкий умер в больнице. Проститься с ним пришли триста тысяч человек – в далекой от России стране, где он прожил всего несколько лет.

22 августа 1940 года газета «Правда» поместила короткое сообщение корреспондента ТАСС из Нью-Йорка: «По сообщению американских газет, 20 августа было совершено покушение на Троцкого, проживающего в Мексике.

Покушавшийся принадлежит в числу последователей и ближайших людей Троцкого». Через день – такая же короткая информация, на сей раз из Англии: «Лондонское радио сегодня сообщило. В Мексике в больнице умер Троцкий от пролома черепа, полученного во время покушения на него одним из лиц его ближайшего окружения».

Через неделю, 28 августа, в «Правде» появилась статья без подписи под названием «Смерть международного шпиона», которую Сталин правил собственноручно:

«По сообщению американских газет, на Троцкого, проживавшего последние годы в Мексике, было совершено покушение. Покушавшийся – один из ближайших людей и последователей Троцкого.

В могилу сошел человек, чье имя с презрением и проклятием произносят трудящиеся во всем мире, человек, который на протяжении многих лет боролся против дела рабочего класса и его авангарда – большевистской партии... Иностранцы разведки лишились долголетнего матерого агента, организатора убийц, не брезговавшего никакими средствами для достижения своих контрреволюционных целей. Троцкий прошел длинный путь предательства и измены, политического двурушничества и лицемерия...»

Троцкого обвиняли в том, что он вступил в партию большевиков, чтобы «взорвать ее изнутри», что в 1918 году вместе с левыми эсерами организовал злодейский заговор, стремясь «уничтожить вождей пролетариата Ленина, Сталина и Свердлова», что в годы Гражданской войны «предательскими действиями и вредительскими приказами всячески ослаблял» Красную армию... «Троцкого убили его соратники, – так заканчивалась статья. – С ним покончили те самые террористы, которых он учил убийству из-за угла, предательству и злодеяниям против рабочего класса, против Страны Советов... Так бесславно кончил свою жизнь этот презренный человек, сойдя в могилу с печатью международного шпиона и убийцы на челе».

6 июня 1941 года нарком внутренних дел Берия подписал записку за № 1894:

«ЦК ВКП(б) и СНК СССР товарищу СТАЛИНУ И.В.

Группой работников НКВД в 1940 году было успешно выполнено специальное задание.

НКВД СССР просит наградить орденами Союза шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания.

Прилагаю проект Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР. Прошу Вашего решения».

На записке резолюция вождя: «За (без публикации). И. Ст.», вслед за ним расписались члены политбюро Молотов, Калинин и Ворошилов. Каганович и Микоян дали согласие опросом.

14 июня 1941 года в постановлении политбюро за № 25 записали:

«О награждении Меркадер К.Р., Эйтингона Н.И., Василевского Л.П. и др. (без публикации)

Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении тт. Меркадер К.Р., Эйтингона Н.И., Василевского Л.П. и др. (см. приложение).

УКАЗ

Президиума Верховного Совета Союза ССР
о награждении тт. Меркадер К.Р., Эйтингона Н.И.,
Василевского Л.П. и др.

За успешное выполнение специального задания наградить:

Орденом ЛЕНИНА

1. Меркадер Каридад Рамоновну

2. Эйтингона Наума Исааковича

Орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. Василевского Льва Петровича

2. Судоплатова Павла Анатольевича

Орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. Григулевича Иосифа Ромуальдовича

2. Пастельняка Павла Пантелеймоновича».

За пять дней до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, 17 июня 1941 года, соучастники убийства создателя Красной армии Льва Давидовича Троцкого получили в Кремле ордена из рук его недавнего товарища по политбюро, председателя президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина.

Одной фамилии не хватает в этом списке – непосредственного исполнителя. Его мать Каридад Меркадер получила орден, а убийца Троцкого – ее сын Рамон остался без награды. Он не получил тогда ордена, потому что не знали, как он поведет себя на суде и в тюрьме.

Каридад Меркадер, оперативный псевдоним Мать, впоследствии покинула Советский Союз. Она предпочла жить во Франции.

Жена советского разведчика Бориса Никодимовича Батраева, работавшего в Париже, передавала Каридад деньги.

«Обычно мы встречались с Каридад в кафе, – вспоминала Зинаида Николаевна Батраева. – Иногда я ей приносила письма от Рамона, которые пересылались из Мексики через Центр. Периодически передавала деньги: Берия назначил ей пожизненную пенсию... Я передавала и бесконечные обещания Центра относительно скорейшего освобождения ее сына».

За то, что Каридад Меркадер пожертвовала своим сыном, ей была установлена пожизненная пенсия. Тогдашний посол Кубы в Париже говорил, что Каридад – «большая сталинистка, чем сам Сталин». Она умерла в 1975 году.

Рамон Меркадер на суде не признался, что работает на Советский Союз. Он твердил, что убил Троцкого по личным мотивам. Это понравилось в Москве. Советская разведка пыталась выволить его из тюрьмы, но не удалось. В тюрьме он чинил радиоаппаратуру. Режим был относительно мягким.

Убийце Троцкого дали двадцать лет. Он отсидел девятнадцать лет восемь месяцев и четырнадцать дней. Вышел на свободу в 1960 году. Покинул Мексику с чехословацким паспортом. От всего мира скрывали, куда он направляется. Его привезли в Советский Союз.

Уже прошел XX съезд, где Хрущев впервые рассказал о сталинских преступлениях, уже были реабилитированы многие жертвы террора и наказаны палачи. К уголовной ответственности привлекли тех, кто руководил Рамоном Меркадером. Но убийцу Троцкого встретили как героя. Правда, все хранили в тайне. Закрытый указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза «за выполнение особого задания и проявленные при этом героизм и мужество» был подписан 31 мая 1960 года.

Убийце Троцкого выдали советский паспорт на имя Рамона Ивановича Лопеса. Поселили в четырехкомнатной квартире в районе метро «Сокол», чекисты обставили ее мебелью и даже расставили книги. Устроили по специальности – в мастерскую по ремонту радиоаппаратуры, но это занятие ему быстро надоело. Он попросил устроить ему встречу с испанскими коммунистами.

Вождь испанской компартии Долорес Ибаррури позаботилась о том, чтобы Меркадера взяли в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где испанские эмигранты писали историю своей компартии и гражданской войны. Ему предоставили дачу в поселке Кратово. Он жил не один – женился на мексиканке Рокелии Мендоса, которая носила ему передачи в тюрьму.

К тому времени, когда он появился в столице Советского Союза, его друзья и наставники – генералы госбезопасности Эйтингон и Судоплатов – сидели в тюрьме: их посадили как людей Берии. Потом выпустили, они часто встречались.

Я спрашивал сына Судоплатова – Анатолия Павловича, который в шестидесятые годы хорошо знал Меркадера

и часто бывал у него дома: сожалел ли тот о своем прошлом? О том, что убил человека?

– Нет, – ответил профессор Судоплатов, – он сожалел о том, что жизнь его так сложилась, что ему пришлось столько лет провести в тюрьме.

С Рамоном Меркадером тесно общался и профессор, доктор юридических наук Давид Львович Златопольский (в годы войны он служил в органах военной контрразведки Смерш). Златопольский женился на испанке Кончите Бруфау – из тех испанских детей, которых республиканское правительство отправило в Советский Союз. Она работала в испанской редакции радиовещания на зарубежные страны, дружила с младшим братом Рамона – Луисом Меркадером и сестрами первой жены Рамона. Луис Меркадер приехал в СССР в 1939 году и жил в нашей стране до возвращения в Испанию в 1978 году.

Златопольский говорил мне, что Рамон лишь однажды вспомнил, что он сделал, и сказал:

– До гробовой доски не забуду, как он закричал после моего удара...

Рамона Меркадера опекали сотрудники Комитета государственной безопасности. Относились к нему вежливо холодно. В Москве он не прижился. Его брат Луис вспоминал, что Рамон был мрачным, подавленным своей личной драмой и тяготами советской действительности. В октябре 1974 года уехал на Кубу, где не было снега и тоскливых аппаратчиков, где говорили по-испански и где ему дали звание генерала и предоставили работу в Министерстве внутренних дел. В Москву он в последний раз приезжал в 1977 году на празднование 60-летия Октября.

На Кубе Рамон Меркадер умер от саркомы 18 октября 1978 года. Один из самых знаменитых боевиков двадцатого столетия прожил всего пятьдесят девять лет, из них двадцать лет – треть жизни – он провел в тюрьме. С Кубы урну с прахом доставили в Москву. Хоронили убийцу Троц-

кого на Кунцевском кладбище – с военным оркестром и почетным караулом из солдат-пограничников. Большую часть своей жизни Меркадер выдавал себя за другого человека. И похоронили его тоже под чужим именем.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КУЗНЕЦОВ

Перед войной Сталин разделил НКВД на два ведомства – собственно Наркомат внутренних дел и Наркомат госбезопасности. Вскоре после начала войны, 20 июля 1941 года, объединил НКВД и НКГБ.

Разведка стала первым управлением НКВД. Но ее численность серьезно сократилась. А «специальную работу в тылу противника на временно оккупированной территории» и организацию террористических актов и диверсий поручили 2-му отделу НКВД, который в январе 1942 года преобразовали в Четвертое управление. Им руководил Павел Судоплатов.

Первый отдел Четвертого управления ведал операциями за рубежом. Второй и третий – диверсиями на временно оккупированных советских территориях. Четвертый занимался подготовкой взрывников. Пятый – разработкой средств террора и диверсий.

Один из легендарных оперативников Четвертого управления – Николай Иванович Кузнецов. Он служил в оперативно-разведывательном отряде специального назначения «Победители», который с июня сорок второго действовал в районе города Ровно.

Немецкое оккупационное командование выбрало этот город в качестве столицы имперского комиссариата Украины. Его возглавил гауляйтер Эрих Кох, старый член нацистской партии, бывший руководитель Восточной Пруссии. В Ровно разместились штабы и основные немецкие учреждения, представлявшие оперативный интерес для советских разведчиков и диверсантов.

Командовал спецотрядом из заброшенных в немецкий тыл чекистов капитан госбезопасности Дмитрий Николаевич Медведев. После войны ветераны отряда рассорились. Поразительным образом одни подозревали других в предательстве.

Напарник Кузнецова полковник Николай Владимирович Струтинский, служивший после войны в управлении КГБ по Львовской области, даже обвинял руководителей ровенского подполья – Терентия Федоровича Новака и Василия Андреевича Бегму – в прямом предательстве. Называл их немецкими агентами. Эта история подробно изложена в статье бывшего следователя следственного отдела управления КГБ по Львовской области Олега Владимировича Ракитянского «Загадки Ровенского подполья», опубликованной в журнале «Военно-исторический архив» № 6/2003. Ракитянский во время службы в областном управлении госбезопасности расследовал это дело.

Василий Бегма – известный на Украине партийный работник. Он был секретарем Ровенского подпольного обкома партии и начальником областного штаба партизанского движения. В сорок третьем получил генеральское звание. Ему подчинялся Терентий Новак, он приехал в Ровно, когда там уже хозяйничали немцы, стал директором единственной крупной фабрики и одновременно возглавил подпольный горком партии. И это в Ровно, где свирепствовала немецкая служба безопасности!

Некоторые ветераны медведевского отряда вспоминали, что Бегма и Новак должны были переправлять в партизанские отряды оказавшихся в окружении бойцов Красной армии. Но почему-то немцы их перехватывали. А через два года все подполье в городе было уничтожено. Сохранилась только группа Новака. И это тоже стало поводом для подозрений: не находилась ли она под контролем немецкой службы безопасности?..

Впрочем, вполне возможно, что все эти обвинения продиктованы лишь завистью к чужой славе. Терентий Новак через много лет после войны стал Героем Советского Союза, а на всех Золотых Звезд не хватило.

Николай Иванович Кузнецов родился 27 июля 1911 года в Свердловской области. Начинал до войны секретным сотрудником внутренней контрразведки. На Уралмаше общался с приглашенными на завод немецкими специалистами, совершенствуя свой немецкий. Общительный красивый мужчина, он знакомился с иностранцами и их женами, выявляя тех, к кому можно было сделать вербовочный подход. После начала войны его передали в распоряжение Четвертого (разведывательно-диверсионного) управления НКВД. Готовил Кузнецова полковник Саул Львович Окунь, который после отставки работал в ресторане «Прага».

Документы офицера вермахта Кузнецову изготовил будущий полковник Павел Георгиевич Громушкин, друг знаменитого разведчика Кима Филби и художник по призыванию. Полковник Громушкин всю жизнь работал в разведке, в сорок первом начинал в резидентуре в Болгарии. А вернувшись на родину, оказался в отделе, который обеспечивал нелегалов поддельными документами.

Кузнецову долго подбирали легенду, которая бы не требовала регистрации в военных комендатурах, чтобы избежать проверки. Идеально подошли документы оберлейтенанта 230-го полка 76-й пехотной дивизии Пауля Вильгельма Зиберта (видимо, взятого в плен), который после ранения временно был прикомандирован к управлению по использованию материальных ресурсов оккупированных территорий. Родственников у реального Зиберта не было, так что неприятных встреч Кузнецов мог не опасаться. Военный билет оставили подлинный, только вклеили в него фотографию Кузнецова в форме вермахта. Наградное удостоверение и водительские права изготовили на Лубянке.

Безукоризненное знание языка, смелость и авантюризм позволили ему довольно долго продержаться в немецком тылу. Он специализировался на похищении и уничтожении чиновников оккупационной администрации.

Считается, что информацию о том, что происходило у немцев, Кузнецову поставляла Лидия Ивановна Лисовская, молодая и красивая женщина, балерина, жена убитого офицера польской армии. Она с тридцать девятого года была осведомителем НКВД. Во время оккупации работала официанткой в столовой для немцев и в Ровно пользовалась большим успехом у офицеров вермахта (см. журнал «Военно-исторический архив», № 6/2003). Она привлекла к подпольной работе и свою двоюродную сестру Марию Макарьевну Микоту. Лисовская устроилась экономкой к генералу вермахта Максу Ильгену, командовавшему так называемыми восточными батальонами (в основном это были попавшие в плен красноармейцы, согласившиеся служить Гитлеру), которого Кузнецов похитил и ликвидировал.

Потом стали вспоминать, что когда Ровно освободила Красная армия, Лидия Лисовская вроде бы неосмотрительно сказала, что она знает о подполье такое, что полетят большие головы... Возможно, она вовсе этого и не говорила, а версия такая возникла уже после ее гибели, когда пытались понять, что с ней произошло, и все казалось странным и подозрительным.

Всех подпольщиков отправили в столицу Украины получать ордена поездом, а ее с сестрой почему-то повезли на машине. До Киева они не доехали. В пути обеих женщин застрелили. Нарком госбезопасности Всеволод Николаевич Меркулов распорядился провести расследование, но ничего выяснить не удалось. Война есть война...

Лисовская погибла уже после того, как в марте сорок четвертого года Николай Кузнецов попал к украинским националистам. Его бывший напарник полковник Стру-

тинский уверял, что Кузнецов в ночь на 9 марта 1944 года приехал в деревню (где его убьют) ради встречи с партизанами. А там его ждали оуновцы. Случайность? Или заманили в засаду?.. Историки полагают, что за давностью лет уже не удастся восстановить все обстоятельства смерти Николая Кузнецова.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРИВЕЛ ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ

Павел Судоплатов получил возможность набрать тех людей, которых считал способными к диверсионной работе. Он вытащил из-за решетки бывшего руководителя спецгруппы особого назначения при наркоме внутренних дел Якова Серебрянского. Заместителем взял Леонида Эйтингона, которому, как впоследствии рассказал в своей книге сам Судоплатов, поручил особую миссию в Турции.

24 февраля 1942 года немецкий посол в Анкаре вместе с женой направлялся по бульвару Ататюрка к зданию своего посольства. Пунктуальный до крайности, он всегда следовал этой дорогой в одно и то же время, что облегчало задачу боевой группы.

Неизвестный попытался бросить в него взрывное устройство. Но, видимо, из-за неопытности привел его в действие слишком рано, и бомба взорвалась у него в руках. Боевик погиб на месте. Германский посол и его жена практически не пострадали.

Послом был Франц фон Папен. И если бы его тогда убили, многие были бы счастливы. Именно Папен в значительной степени привел Адольфа Гитлера к власти.

Франц фон Папен, католик-аристократ из Вестфалии, служил в рейхсвере. А перед Первой мировой его отправили военным атташе в Соединенные Штаты. Когда началась война, капитан Франц Папен получил приказ из Берлина: помешать американцам вступить в войну на стороне Антанты. Он пытался создать антивоенную пропагандист-

скую машину. Немцы тайно получили контроль над крупнейшей нью-йоркской газетой «Ивнинг мейл». Пытались купить «Вашингтон пост» и нью-йоркскую «Сан». Щедро платили продажным журналистам и политиканам.

Но все усилия пошли насмарку после того, как немецкая подлодка пустила на дно пассажирский лайнер «Луизитания». Погибли 1119 человек, среди них было 274 американца. Немецкий посол в США телеграфировал в Берлин: «Мы должны честно признать, что наша пропаганда здесь больше не действует». В 1915 году американцы выслали Папена из страны. Он пошел на фронт. После войны стал депутатом рейхстага.

«Молодой, стройный, с волосами, подстриженными бобриком, со светло-голубыми глазами, выступающими вперед зубами и искусственной улыбкой на устах, фон Папен представляет собой человека хитрого и весьма склонного к интригам» – таким его увидела французская журналистка Женестьева Табуи.

Так и было! Он был охвачен страстью к интригам. Папен служил в том же полку, что и сын президента Оскар фон Гинденбург. Оскар служил у отца военным адъютантом и рекомендовал ему сослуживца. Аристократические манеры и происхождение Папена импонировали самому президенту. 1 июня 1932 года президент Пауль фон Гинденбург назначил рейхсканцлером Франца фон Папена.

Новый глава правительства распустил рейхстаг в надежде, что немцы проголосуют за него. Но 31 июля 1932 года на выборах в рейхстаг Национал-социалистическая немецкая рабочая партия одержала победу и стала сильнейшей политической силой в Германии. Нацисты получили вдвое больше мест в рейхстаге, чем два года назад. А фон Папен лишился поддержки в рейхстаге и утратил пост канцлера.

Но он хотел во что бы то ни стало вернуться к власти! Убедил президента, что разумно поручить Гитлеру сфор-

мировать правительство и в этом нет ничего страшного – бывшим ефрейтором можно манипулировать. Папен доказывал Гинденбургу, что в правительстве, где нацисты получают всего несколько постов, Гитлер будет связан по рукам и ногам.

9 января 1933 года Франц фон Папен пришел к президенту с готовым решением. Он сказал, что способен привлечь нацистов в коалиционное правительство на разумных условиях. Такое правительство будет пользоваться необходимой поддержкой в рейхстаге и сможет нормально работать. Гитлер получит пост канцлера, но сам Папен станет вторым человеком в правительстве и будет сдерживать фюрера.

Казалось, ловкая интрига Папена увенчалась успехом. Нацистов заставили служить государству и при этом отказаться от своих радикальных планов.

Папен самодовольно говорил своим друзьям о фюрере:

– Вы будете удивлены. Мы его наняли.

Кто-то пренебрежительно назвал Гитлера «рейхсканцлером в наручниках». Мало кто понимал, с кем имеют дело... Но депутат рейхстага Вильгельм Хёгнер, социал-демократ из Баварии, вспоминал, как он смотрел на Франца фон Папена, человека, который породил все это бедствие: «Если бы взгляды могли убивать, мой взгляд пронзил бы его насквозь. Я не умею ненавидеть, но не ненавидеть этого человека я не мог».

Франц фон Папен получил пост вице-канцлера. Президент высокомерно предупредил Гитлера, что будет принимать его только в присутствии Папена.

– Как-то раз Папен был в отъезде, – рассказывал позже Гитлер. – Я отправился к Гинденбургу один: «Почему господин Папен всегда присутствует здесь? Я хочу говорить только с вами!» Папен по возвращении очень сожалел, что уехал так не вовремя...

Уже через год фон Папен потерял свой высокий пост, его отправили посланником в Австрию, а потом – в Турцию.

Боевик, который пытался убить посла, фигурировал под именем Омера Токата, беженца из Македонии и студента Стамбульского университета. Но выяснилось, что он воспользовался чужим именем. Кто именно взялся ликвидировать Папена, так и остается неизвестным. Его имя скрывают. Считается, что это был молодой болгарин, один из тех, кто не просто сочувствовал СССР, но и готов был за него сражаться.

Турецкая полиция арестовала двух советских дипломатов, которых сочла организаторами неудачного покушения: резидента советской внешней разведки вице-консула Георгия Мордвинова и сотрудника резидентуры, который работал в торгпредстве под псевдонимом Леонид Корнилов.

Георгий Иванович Мордвинов еще до войны служил в разведке, пять лет провел в Монголии и в Китае. В Великую Отечественную – в Четвертом управлении НКВД у Судоплатова. В октябре 1941 года Мордвинова откомандировали в Турцию.

Как сказано на официальном сайте Службы внешней разведки России, «в 1942 году он был арестован турецкими властями и осужден на шестнадцать лет тюремного заключения. На следствии и суде держался достойно. После освобождения из тюрьмы в 1944 году возвратился на родину и работал в центральном аппарате разведки».

Суд начался 1 апреля 1942 года. Всех обвиняемых признали виновными в попытке убить немецкого посла. Отсидели они два с лишним года. В 1944 году Турция разорвала отношения с нацистской Германией и в знак доброй воли освободила советских разведчиков.

О том, что операцию в Анкаре подготовила советская разведка, рассказал в своих воспоминаниях Павел Судоплатов. Руководил операцией его заместитель Эйтингон,

который действовал под псевдонимом Леонид Наумов. Взрывное устройство изготовил Александр Эрастович Тимашков, начальник отделения оперативной техники Иностранного отдела. Считается, что он же заложил взрывчатку в коробку конфет, которую молодой Судоплатов преподнес вождю Организации украинских националистов* полковнику Евгению Коновальцу.

Воспоминания – не самый надежный источник информации. Но другими мы не располагаем.

Официальная позиция Службы внешней разведки России такова: германские спецслужбы вместе с турецкими союзниками сами инсценировали покушение на фон Папена, чтобы заставить правительство Турции вступить в войну против СССР.

Конечно, нацисты были способны на что угодно. Но весь массив документов спецслужб Третьего рейха в распоряжении исследователей с сорок пятого года. Там не найдено даже упоминания о такой операции, которая, несомненно, потребовала бы немалых организационных усилий и средств.

После ареста Мордвинова резидентом внешней разведки стал капитан госбезопасности Михаил Матвеевич Батурич, отец будущего помощника президента России и летчика-космонавта Юрия Батурина. Батурич-старший работал в Турции под прикрытием – в должности заместителя торгового представителя СССР.

В историю разведки вошла организованная им операция по спасению Кима Филби, самого ценного советского агента в Англии. Филби сделал изрядную карьеру в британской разведке и имел доступ к важной информации. Сразу после войны над ним нависла опасность. Разведчики, как правило, проваливаются из-за того, что их сдают. Сам Филби, работавший в МИ-6, британской разведке, сообщал Москве о том, кого вербуют англичане. Теперь настал его черед...

Сотрудник советской разведки изъявил желание перейти на сторону англичан и рассказать все, что он знает. Это был заместитель резидента в Турции полковник Константин Дмитриевич Волков, который работал под крышей вице-консула. 4 сентября 1945 года в Стамбуле он пришел в британское генконсульство и предложил англичанам назвать имена советских агентов в Великобритании в обмен на политическое убежище для себя и жены.

Холодная война еще не началась. Перебежчики были редкостью, спецслужбы еще не осознали их ценности. Английские разведчики в Турции вообще не знали, как им поступить, и запросили Лондон, отправив письмо дипломатической почтой.

Через две недели сообщение из Стамбула попало в руки советского агента Кима Филби, который, понимая, что разоблачение грозит прежде всего ему самому, сразу же связался со своим куратором из советского посольства в Лондоне.

И тогда полковник Батурин получил указание из Москвы срочно эвакуировать полковника Волкова в Советский Союз. Доставить Волкова на родину было поручено начальнику 5-го отдела (страны Ближнего и Среднего Востока) полковнику Андрею Макаровичу Отрощенко. Он с юности служил в госбезопасности в Средней Азии, разведывательную работу начал в Иране в генеральном консульстве в Мешхеде, потом был резидентом в Тегеране. В 1938 году, во время массового террора, его арестовали. Но ему повезло. Ежова на посту наркома внутренних дел сменил Берия. Кое-кого выпустили, среди них Отрощенко. Его даже взяли в кадры, отправили начальником отдела областного управления НКВД в Одессу. С началом войны вернули в разведку и вновь командировали в Тегеран.

21 сентября Отрощенко и его помощник получили турецкие визы. Волков в тот момент лежал во французской

больнице. Заботливые советские коллеги убедили полковника немедленно показаться советскому доктору – его здоровье в опасности. Считается, что его с женой накачали наркотиками и 24 сентября погрузили в самолет.

Дома полковника Волкова посадили. Особое совещание при МГБ приговорило его к двадцати пяти годам заключения...

А сам Ким Филби уговорил своего начальника отправить его в Стамбул, чтобы он сам встретился с Волковым. Филби не спешил. Когда он 26 сентября приехал, Волкова уже вывезли.

Филби потом рассказывал, как британский дипломат, который часто встречался с Волковым по консульским делам, позвонил в советское консульство и спросил Волкова. После короткого разговора британский дипломат повесил трубку, его лицо выражало сильнейшее недоумение.

– Он не может прийти? – поинтересовался Филби.

– Я спросил Волкова, и мужской голос ответил, что Волков слушает. Но это был не Волков. Я отлично знаю голос Волкова, я говорил с ним десятки раз.

Дипломат снова позвонил в советское консульство, на этот раз дальше телефонистки не попал:

– Она сказала, что Волкова нет. Но ведь минуту назад она соединяла меня с ним!

«На обратном пути в Лондон, – писал Ким Филби, – я набросал доклад шефу, в котором описал подробности провала моей миссии. В нем, разумеется, содержалась моя версия исчезновения Волкова. По этой версии провал произошел по вине самого Волкова, поскольку он сам настоял на том, чтобы переписка велась только почтой... Русские имели возможность разоблачить его. Его кабинет и квартира наверняка находились на прослушивании. Возможно, заметили, что он и его жена очень нервничают. Наверняка он выдал себя своим поведением или же много пил и болтал лишнее».

ЛИКВИДАЦИЯ ГАУЛЯЙТЕРА ВИЛЬГЕЛЬМА КУБЕ

Это была самая громкая и успешная операция, проведенная советскими спецслужбами в годы войны. Это была показательная казнь. Главу оккупационной администрации уничтожили в тот момент, когда он ощущал себя в полной безопасности, – в своем доме, в собственной спальне. Это было грозное предупреждение остальным нацистским чиновникам – вас ждет то же самое...

Целая библиотека посвящена деталям этой операции. Но почему же и по сей день ликвидация генерального комиссара Белоруссии гауляйтера Вильгельма Кубе окружена множеством слухов и мифов? Почему остались вопросы, на которые нет ответа? Участников боевой операции щедро наградили. Но они не только оспаривали чужие заслуги, но и крепко подозревали друг друга.

Выходившая на немецком языке газета *Minsker Zeitung* в сентябре 1943 года опубликовала некролог:

«В лице гауляйтера Вильгельма Кубе мы потеряли боевого друга и заботливого начальника. Мы, национал-социалисты, скорбим о верном последователе фюрера и честном, всегда готовом прийти на помощь боевом товарище. Мужество, преданность и верность солдатскому долгу составляли смысл его жизни».

«Сердце сжимает скорбь, – писала издававшаяся оккупационной администрацией «Беларуская газета». – Его нет больше среди нас. Генеральный комиссар Вильгельм Кубе был одним из наилучших, наисердечнейших друзей... который думал и говорил так, как каждый белорусский националист».

Труп генерального комиссара Кубе отправили в морг первой клинической больницы, затем выставили для прощания в бывшем окружном Доме офицеров. Оттуда – на аэродром, самолетом в Берлин, и там ему устроили торжественные похороны.

А историков не покидают сомнения. Каким образом немцы так быстро выяснили, кто именно убил Вильгельма Кубе и кто помогал подпольщикам? Выходит, у немцев были осведомители? Так кто же они?..

За столько десятилетий можно было ответить на любые вопросы. Снять сомнения и развеять подозрения. Но удивительным образом до сих пор наши исследователи не заглянули в немецкие документы того времени, хотя эти архивы доступны с сорок пятого года! Сколько лет потрачено на высокопарные труды о роли партии в партизанском движении, а необходимую работу так и не сделали!

Из всех немецких документов в обороте только заключение специальной комиссии, созданной оккупационной администрацией для расследования убийства генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе. Но подлинность документа не установлена:

«В ночь на 22 сентября 1943 года в 0 часов 40 минут в спальне генерального комиссара и гауляйтера Вильгельма Кубе взорвалась мина, в результате чего у него разорвало левую сторону груди и оторвало левую руку. Ранения были смертельные. Его труп в полуобгоревшем состоянии был вынесен из охваченной пожаром спальни поднятой по тревоге дежурной командой.

Рядом с ним лежала жена Анита Кубе, она была на восьмом месяце беременности. Анита осталась невредимой – отделалась нервным шоком. Трое маленьких детей, которые находились в другой комнате, отделенной от спальни ванной, также не пострадали.

Так как дом гауляйтера день и ночь охранялся, под подозрением оказался только тесный круг обслуживающего персонала. Утром было установлено, что единственная живущая из-за недостатка места вне дома служанка Елена Мазаник отсутствует. Ее квартира по ул. Театральной, дом 48, кв. 10, была вскрыта. Оказалось, что квартира пуста.

Накануне, 21 сентября, Мазаник, как обычно, в семь часов утра пришла на работу в дом гауляйтера. Она пожаловалась на сильную зубную боль и в 10:30 оставила дом. По особому распоряжению гауляйтера она лечила зубы у немецкого врача, несмотря на то что она – белоруска. Однако в тот день она у врача не была».

Итак, уже утром немцы знали, кто заложил бомбу. Но вот вопрос, много лет волнующий историков: отчего раньше Елена Мазаник не вызвала у оккупационной администрации подозрения? Почему немцы, известные своей системой проверок, взяли ее в особняк генерального комиссара, хотя до войны она работала в ЦК Компартии Белоруссии, а ее муж служил в Наркомате внутренних дел Белоруссии. Может быть, существовал заговор самих немцев против Вильгельма Кубе?

В Минске ходили разговоры о том, что Вильгельма Кубе убили свои же, немцы. Дескать, он проводил слишком мягкую политику в отношении белорусов и тем самым мешал эсэсовской службе безопасности (СД) и другим нацистским ведомствам.

Вильгельму Кубе было пятьдесят три года, когда он приехал в Минск. Он учился в Берлинском университете. В Первую мировую был призван в армию, но освобожден от военной службы из-за порока сердца. Рано присоединился к нацистам – в декабре 1927 года. Успешная карьера в партии рухнула, когда он обвинил председателя высшего партийного суда Вальтера Буха в том, что тот женился на еврейке. А Вальтер Бух был тестем Мартина Бормана, ближайшего помощника Гитлера!

В результате Вильгельм Кубе лишился всех должностей и пять лет сидел без работы. Баловался стихами, пробоval силы в драматургии. Написал историческую пьесу «Тотила». Когда ее поставили в одном из театров, главную роль сыграла молодая актриса Анита Линденколь, в которую он влюбился. Кубе развелся, хотя у него было двое

сыновей, и в 1938 году женился на Аните, она была на двадцать четыре года его моложе.

20 апреля 1941 года Вильгельм Кубе осмелился напомнить о себе Адольфу Гитлеру, поздравив фюрера с днем рождения. Гитлер распорядился подобрать старому члену партии приличную работу. После нападения на Советский Союз возникли вакансии – в новом министерстве по делам оккупированных восточных территорий.

1 сентября генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе прибыл в Минск. Он подписал воззвание:

«Белорусы! Первый раз в вашей истории победа Германии дает возможность обеспечить вашему народу свободное развитие и светлое будущее без российско-азиатского угнетения и чуждого национального господства... Если белорусы хотят плодотворного созидания, то такое может быть только под защитой немецкого меча».

Кубе высокопарно говорил о «нордической крови» белорусов и призывал их во всем помогать Германии. Проверкой на лояльность немцам стало участие в уничтожении евреев. Нашлись люди, которые охотно помогали айнзацгруппам СС – сбрасывали детей в ров, бросали туда гранаты, младенцам разбивали головы о камни. Но нацисты намеревались очистить оккупированную территорию не только от евреев, но и вообще от местного населения...

Профессор Конрад Майер из аппарата имперского комиссара по расселению немецкого народа представил первый вариант плана устройства оккупированных территорий рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру 15 июля 1941 года. Но работа над планом и согласование с различными ведомствами затянулись. Гиммлер утвердил его только в июле сорок второго. Из Белоруссии предлагалось «изъять» три четверти населения.

Эти планы держались в тайне. Пока что Вильгельм Кубе поощрял белорусские националистические организации, считая их полезными для рейха. 22 октября 1941 года

он объявил о создании «Белорусской народной самопомощи». Возглавил ее Иван Ермаченко, бывший полковник белой армии и видная фигура белорусской эмиграции. Он вернулся в Минск вместе с немцами. Рассказывают, что подпольщики подсыпали ему в кофе мышьяк, но его спасли врачи, которые обслуживали немцев.

Иван Ермаченко начал с распределения продуктов, помощи беженцам, благотворительности, культуры, просвещения. Но уже скоро Ермаченко и его соратники попросили оккупационные власти создать белорусское государство и армию: молодой нации нужно свое место в Европе. Обещали, что самостоятельная Белоруссия объявит войну России и станет верным союзником Германии. Но представителям СС не нужны были белорусы-союзники. Им нужна была только рабочая сила. И они были недовольны Кубе, который разрешил это вольнодумство.

У генерального комиссара оккупированной Белоруссии гауляйтера Вильгельма Кубе появились в Минске опасные враги – руководители эсэсовской службы безопасности. Они ненавидели Кубе и требовали его убрать.

Начальник полиции безопасности и СД в Минске оберштурмбаннфюрер СС Эдуард Штраух обиженно докладывал своему начальству, что Кубе не желает сотрудничать с СД, что он возмущен арестом евреев, которые ремонтировали его кабинет:

«Моих людей обвиняют в варварстве и садизме, в то время как я всего лишь исполняю свой долг. Даже тот факт, что врачи-специалисты удаляют у евреев согласно указанию золотые коронки и пломбы перед отправкой на экзекуцию, явился предметом разговора. Гауляйтер заявил, что такого рода действия недостойны немецкого народа и Германии».

Это был чисто ведомственный спор. СД и полиция безопасности получили указание Гимmlера карать и уничтожать местное население. Но по распределению обя-

занностей общее руководство оккупированными территориями осуществляли имперские комиссары. У них были свои задачи: выкачивать продовольствие, отправлять в Германию рабочую силу, обеспечивать всем необходимым части вермахта.

Вильгельм Кубе считал неправильными показательные карательные акции по той причине, что они затрудняли работу его ведомства. Кубе был таким же нацистским преступником, но он руководил не айнзацгруппой, а другим ведомством, которое в первую очередь отвечало за хозяйственные дела. И как хозяйственнику ему нужно было, чтобы евреи, полезные евреи, продолжали трудиться на важных для Германии производствах. А убить их можно и потом, после войны.

Эсэсовцы хотели не убить Кубе, а всего лишь сместить его с должности. Товарищи по партии знали, что генеральный комиссар Белоруссии – фанатичный нацист, как и другие руководители оккупационной администрации.

Немцы вешали людей рядом с драматическим театром – буквально в двух шагах от особняка Вильгельма Кубе. Так что из окон кабинета он мог наблюдать почти постоянно тела повешенных по его приказу и с его санкции.

Жалобы эсэсовцев на Вильгельма Кубе породили еще одну версию: советское командование распорядилось уничтожить именно его, потому что он проводил мягкую политику, поддерживал национальные устремления белорусов и завоевывал их сердца.

23 июня 1943 года Вильгельм Кубе подписал указ о создании Союза белорусской молодежи, чтобы способствовать «отрыву белорусской молодежи от Востока и приобщению к арийскому Западу».

Кубе внушал своим подчиненным:

– Представитель комиссии по использованию рабочей силы распорядился расстреливать в случае отказа населения ехать в Германию. Но нам следует проводить разум-

ную политику. Белорусы любят танцы, музыку. Мы должны предоставить им то, что они хотят, и таким образом организовать их. Когда же благодаря смягчению в политике белорус поверит в Германию, тогда мы сможем делать с этим народом что захотим.

Чекисты и подпольщики охотились на всех видных чиновников оккупационного режима. Добрались до Кубе.

Поражение всегда сирота, а у победы-то много отцов. Сразу же после ликвидации Кубе все ведомства, занимавшиеся подпольной работой в Минской области, наперебой сообщали в Москву, что это они организовали. Первыми о своем успехе рапортовали чекисты. Хотя они должны были знать, что бомбу, которой взорвали Кубе, Елена Мазаник получила от военной разведки.

1 октября 1943 года руководитель оперативной группы Наркомата государственной безопасности Белоруссии «Мстители» полковник Семен Васильевич Юрин отправил победную шифротелеграмму своему наркому Лаврентию Фомичу Цанаве:

«Кубе убит нашим агентом «Артур» – это Карл Вильденштейн, адъютант Кубе. Для этого он использовал горничную Кубе – жену шофера бывшего народного комиссара внутренних дел БССР. «Артур» сожительствовавал с ней и по нашему заданию привлек ее. Уходя вместе с Кубе на службу, предложил ей заложить магнитную мину в кровать Кубе, что она и сделала 21 сентября».

Нарком Цанавва с гордостью доложил московскому начальству: это его люди убили Кубе – и ревниво предупредил, что смежники станут претендовать на лавры:

«Группа Главного разведывательного управления под руководством т. Федорова никакого прямого отношения к убийству Кубе не имеет...»

Майор Николай Петрович Федоров возглавил разведывательно-диверсионную группу разведывательного управления Генерального штаба всего за несколько дней до

уничтожения Кубе. Командиром группы, которая больше известна как партизанский отряд Димы, был капитан Давид Ильич Кеймах. Но капитана срочно вызвали в Москву. За ним прислали самолет. В лесу нашли посадочную площадку. Но самолет, на котором он летел, до Москвы не добрался. Видимо, был сбит.

Заменявший Кеймаха майор Федоров получил телеграмму от своего начальства:

«Кто конкретно готовил операцию по уничтожению Кубе? Являются ли названные девушки-исполнители вашими агентами или они принадлежат другому хозяину? Если они наши, то где, когда и кто их завербовал? Как они попали к вам после операции? Кто снабдил их материалами для проведения этой операции? Под вашу личную ответственность всех исполнителей сохранить и оказывать им лучшее внимание и заботу».

Разведывательное управление Генштаба предупредило майора Федорова:

«Если к вам придут представители других органов – за этими девушками, молнируйте: кто пришел? Кем направлен? Обеспечьте надежную охрану девушек. Посылаю самолет специально за вашими людьми. Для посадки в самолет будет только двадцать минут».

Вмешался и начальник Центрального штаба партизанского движения и первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Похоже, ему было неприятно, что его ведомство тут ни при чем. Он отправил шифровку секретарю подпольного Минского обкома Роману Наумовичу Мачульскому:

«Срочно отправьте в Москву Елену Мазаник. Представителей Разведуправления на площадку не допускать. Они способны только присваивать боевые дела партизан».

В Москве провели следствие. Пришли к выводу, что операцию организовали военные разведчики, а чекист Юрин присвоил себе чужие заслуги. Полковник был на-

гражден многими орденами. Но это его не спасло. Его обвинили в обмане и 8 марта 1944 года дали десять лет.

А вопрос остался: кто же ликвидировал Кубе? И почему вообще возник этот странный спор между чекистами, партизанами и военными?

Все минские подпольщики получили указание убить имперского комиссара. «Государственной важности задача – уничтожить Кубе, – говорили чекисты. – Тот, кто это сделает, сможет покинуть город, по вашему желанию мы вывезем вас самолетом в Москву».

Чекисты с помощью агентуры и подпольщиков выяснили, на каких машинах ездит Кубе и как его охраняют. Искали возможности проникновения в здание комиссариата, установили расположение личного кабинета гауляйтера. Составили список тех, кто постоянно посещал Кубе, – в поисках вероятного исполнителя теракта.

Один подпольщик проник в здание, где работал Кубе, но вызвал подозрение у эсэсовцев и был схвачен. Другой добрался до кабинета имперского комиссара! Но бдительность охраны ему помешала: в перестрелке он был убит. Экономка заместителя Кубе, она же его любовница, обещала отравить гауляйтера. Но потом передумала и отказалась.

Когда несколько попыток казнить генерального комиссара не увенчались успехом, стали искать новые подходы.

План охоты на Кубе утвердил начальник Центрального штаба партизанского движения Пономаренко. Предлагали разные варианты: отравить, застрелить, подослать к нему смертника, который взорвет всех вместе с врагом. Одна из первых идей – подложить мину в ложу Кубе в Минском драматическом театре, теперь это Театр Янки Купалы. В зрительном зале Кубе занимал всегда одно и то же место в правительственной ложе.

Операцию готовила спецгруппа майора Степана Ивановича Казанцева. Но его опередили. 22 июня 1943 года,

в годовщину нападения на СССР, театр взорвала другая группа.

Казанцев радировал в Белорусский штаб партизанского движения:

«В 18:30 в театре группой Кузьмича (Генштаб) произведен взрыв заряда замедленного действия – убито 20, много ранено. В связи с этим моя работа в театре приостановлена».

Разведуправление Генштаба Красной армии доложило: «Взрыв немного опоздал. Кубе ушел. Взрывом убито 70 немцев и 110 ранено, преимущественно командный состав. Между бригадами, отрядами и группами идет спор за присвоение этого дела».

А в Белорусском штабе партизанского движения решили считать взрыв немецкой провокацией, так как немцев в театре не было, и получалось, подпольщики, вместо того чтобы убивать немцев, взрывают мирных граждан.

Начальник штаба Петр Захарович Калинин распорядился: «Примите меры к разоблачению очередной провокации немцев. За двадцать минут до взрыва по особому сигналу присутствовавший там Кубе, офицеры и немецкие солдаты из театра ушли. Взрыв используют для усиления репрессий против гражданского населения».

В партизанском штабе ошибались. Вильгельм Кубе был в тот день в театре. Но утром. Выступая, объявил о создании молодежной белорусской организации. А вечером показывали пьесу Франтишена Алехновича, создателя белорусского профессионального театра. Он семь лет отсидел на Соловках и советскую власть не любил. Но немцев на вечернем представлении не было. Немцы вместе с белорусами в театр не ходили.

Даже сегодня невозможно с уверенностью сказать, кто устроил взрыв. Считается, что это сделала группа партизанского отряда «За Советскую Белоруссию» бригады имени Фрунзе из Вилейской области.

Сколько людей погибло при взрыве? В окружном комиссариате выставили десять гробов, покрытых бело-красно-белыми флагами. Погибли простые минчане. Но партизаны им не сочувствовали. Напротив, с удовольствием констатировали, что местное население напугано и больше не ходит ни в театр, ни в кино.

А охота на Кубе продолжалась.

Пытались заложить бомбу в его машину, и это брался сделать человек, работавший в гараже генерального комиссариата. Но внезапно Кубе перестал ездить на работу, потому что генеральный комиссариат перебрался в достроенное немцами здание ЦК партии. А Кубе обосновался в особняке напротив и ходил на работу пешком.

Понадобился человек, имевший доступ в его дом.

Особняк был двухэтажный. На втором этаже находилась спальня, в которой он найдет свою смерть. Имперский комиссар велел надстроить третий этаж и там устроил себе кабинет.

Из окон его кабинета был виден Театр Янки Купалы и сквер возле театра, где в тот день встретились женщины, которые уничтожили гауляйтера Кубе, – Елена Мазаник и Мария Осипова. Было раннее утро, но мина уже лежала в его кровати.

21 сентября 1943 года Мария Осипова в отряде капитана Кеймаха получила мину. Ей показали, как с ней обращаться, как устанавливать взрыватель. Все это она должна была объяснить Елене Мазаник, которая работала служанкой в доме гауляйтера Кубе.

«Мы на пробу даже подложили мину в мой матрас, – вспоминала Елена Мазаник, – и обе посидели на нем, проверяя, не выпирает ли она каким-нибудь из своих углов».

Как удалось Мазаник пронести мину в дом гауляйтера? Ответ простой: охрана и не досматривала хорошо им известную служанку. Когда Кубе уехал в рейхскомиссариат, Мазаник выполнила задание.

«Имея при себе заряженную мину, – рассказывала Елена Мазаник, – я взяла в руки штанишки ребенка на той случай, если кто-то войдет в комнату – сделать вид, что разыскиваю нитки, чтобы заштопать штанишки. Я заскочила в спальню, заложила мину под пружины матраса, затем села на кровать, чтобы проверить, не вывалится ли мина».

В ее более поздних рассказах появится дежуривший на втором этаже офицер СД, от которого нужно было избавиться, чтобы добраться до спальни. Но, по правде сказать, и без всякого офицера СД это была смертельно опасная миссия.

Еще в сентябре 1942 года в Минск приехала жена Вильгельма Кубе с тремя детьми. Анита Кубе ждала четвертого. Через много лет она вспоминала: «Днем я присела на кровать моего мужа и шила пеленки, которые складывала в шкаф. Выходит, я долго сидела на этой мине».

Договорились, что Елена Мазаник, заложив мину, немедленно покинет особняк. В десять утра она подошла к драматическому театру, и здесь, в скверике, они наконец все встретились: Мария Осипова, Елена Мазаник и ее сестра Валентина Шуцкая, которая тоже сказала больно и отпросилась со службы.

Елена Григорьевна Мазаник родилась в апреле 1914 года в деревне. Образование – четыре класса. С семнадцати лет работала официанткой в столовой Совнаркома Белоруссии, потом в совнаркомовском доме отдыха и перед войной – в столовой ЦК партии. И вышла замуж за Бронислава Тарлецкого, водителя наркома внутренних дел Белоруссии.

Почему она осталась в оккупированном городе? Уйти не успела. Когда в сорок первом немцы наступали, большое начальство покинуло город в спешке. Ее мужа-шофера нарком внутренних дел прихватил с собой. Остальных минчан даже не предупредили, что город будет сдан немцам.

Первоначально Елена Мазаник работала на благотворительной кухне, где кормили по талонам «Белорусской народной самопомощи». В феврале 1943 года устроилась по специальности – официанткой в столовую генерального комиссариата. Здесь ее, надо полагать, заметил Вильгельм Кубе, и в июне ее перевели в особняк имперского комиссара.

С этого момента на нее обратили внимание и те, кто охотился на Кубе. К Елене Мазаник отправили человека, который станет известен всему миру много позже, – агента Наркомата госбезопасности Николая Евгеньевича Хохлова. Уже после войны, в 1954 году, его командируют в Западный Берлин – убить одного из руководителей эмигрантского Народно-трудового союза. Хохлов сдастся западноберлинской полиции, на суде расскажет о задании и получит политическое убежище...

Перед войной Хохлов хотел поступить в Государственный институт кинематографии. Не взяли. Что делать?

«Осенью 1940 года в Москве была открыта Студия эстрадного искусства, – вспоминал сам Хохлов. – По замыслу Комитета по делам искусств студия должна была готовить артистов эстрады из молодых, неискушенных кадров. Стипендия, бесплатные костюмы для сцены, выпускной концерт на лучшей эстрадной площадке Москвы, обеспеченный заработок через шесть месяцев учебы. Как раз то, что мне было нужно. Оставался вопрос – как туда попасть? Состязаться с легионом чтецов, декламаторов, профессиональных актеров было бессмысленно. Жонглировать или играть на пиле я не умел. Никакого голоса для пения у меня тоже не было. Но зато я мог свистеть. И я рискнул подать заявление. В октябре того же года Всесоюзная студия эстрадного искусства стала моим первым местом работы и принесла мне мой первый заработок. Весной 1941 года я принял участие в выпускном концерте и стал затем разъезжать

по Советскому Союзу с эстрадным номером художественного свиста».

В армию Николая Хохлова не призвали из-за плохого зрения, но взяли в НКВД. Его учили радиodelу и стрельбе, пользоваться тайнописью и прыгать с парашютом. Ему предстояло действовать на временно оккупированной немцами территории, выдавая себя за немецкого офицера. Поэтому много времени он проводил в лагере для немецких военнопленных в Красногорске.

«Опрашивая пленных, мы узнавали детали офицерского быта, – рассказывал потом Хохлов. – По нашей просьбе солдаты разыгрывали сценки строевого шага при встрече с генералом, отдачи рапорта офицеру и прочие «проблемы» прусской военной шлифовки. Я фотографировал полагающееся по уставу расстояние локтей от бедер при стойке «смирно» или положение головы при повороте на каблуках. Работа кипела. Нам все больше и больше казалось, что стать немецкими офицерами будет не так уж сложно».

Потом его на месяц отправили в другой лагерь для военнопленных – уже в роли пленного немца, чтобы проверить, способен ли он выдать себя за офицера вермахта.

«Когда человек просыпается, первыми включаются наиболее привычные рефлексы, – вспоминал Хохлов. – Поэтому слова в этот момент «смутного сознания» невольно подбираются из родного языка. В первое же утро, пытаясь поднять свое ноющее тело с неудачной комбинации досок и щелей, я преспокойно пробормотал: «Который час?» – на чистейшем русском языке.

Тут же очнувшийся мозг заставил меня с ужасом вскочить. Вблизи никого не было, и мой первый провал оказался незамеченным. Но испуг остался. Я стал старательно развивать в себе привычку, проснувшись, держать язык за зубами, пока сознание не прояснится. За линией фронта такая «оговорка» может стоить жизни. Но не говорить по-

русски было мало. Предстояло разучиться понимать родной язык. Это оказалось труднее, чем я думал».

В августе сорок третьего его перебросили в оккупированный Минск с хорошо изготовленными документами на имя обер-лейтенанта из немецкой тайной полевой полиции.

Руководил группой сотрудник Наркомата госбезопасности Эммануил Соломонович Куцин. В двадцатые годы он служил во внешней разведке, работал в Иране, Китае, Турции. Потом его исключили из партии за участие в троцкистской оппозиции. Во время войны он понадобился. В августе сорок второго подполковника Эммануила Куцина перебросили в Белоруссию в качестве командира оперативной группы «Юрий».

По его приказу Николай Хохлов пришел домой к Мазаник. Передал привет от мужа и стал уговаривать ее принять участие в убийстве Кубе. Но Мазаник была крайне осторожна. Она не поверила Хохлову. Решила, что он провокатор и работает на немцев.

– Хохлов очень крепко настаивал и даже угрожал смертью, – вспоминала она. – Но с ним я вообще разговаривать не стала.

Уговорить ее пыталась и Надежда Викторовна Троян – по заданию разведывательно-диверсионной группы Наркомата госбезопасности «Артур».

Артур – это псевдоним Ивана Федоровича Золотаря. Профессиональный чекист, он в 1938 году был приговорен к пяти годам за нарушения законности. В начале сорок второго его освободили по ходатайству чекистов из Четвертого управления Наркомата госбезопасности, созданного «для специальной работы в тылу противника на временно оккупированной территории». В ночь на 23 апреля 1943 года группу майора Золотаря сбросили в районе озера Палик Борисовского района Минской области.

Надежда Троян и рассказала Золотарю, что знает Татьяну Никитичну Калиту, которая прежде работала гувер-

нанткой в особняке Кубе. Майор ухватился за эту ниточку. Татьяна Калита познакомила Троян с Еленой Мазаник.

– Со слов Калиты, – рассказывала Надежда Троян, – знаю, что Мазаник симпатизировал адъютант Кубе, который оказывал ей определенную материальную помощь. Он снабжал Мазаник водкой, которую она продавала или меняла на продукты.

В документах Наркомата госбезопасности значилось, что Мазаник – любовница адъютанта Кубе Вильденштейна. Потом, в Москве, Мазаник скажет, что адъютант Кубе ее соблазнял, но она не поддалась. Признание в сожительстве с немецким офицером было смертельно опасным... Правда она обмолвилась, что предлагала Вильденштейну вместе уйти к партизанам. Подобная откровенность возможна только между близкими людьми.

– Восьмого августа, – рассказывала Троян, – мы вместе с Калитой подошли к особняку Кубе и вызвали на улицу Мазаник. Я обратилась к ней с вопросом, можно ли у нее достать водки, за которую могу уплатить деньгами или даже продуктами. Мазаник ответила, что в настоящее время водки не имеет, но обещала в ближайшее время достать. Предложила в следующий раз зайти к ней на квартиру.

Надежда Троян пришла к Мазаник домой с тортом. По удивительному совпадению одновременно появился и Николай Хохлов в немецкой форме. Мазаник показала на него и велела Троян уходить. Разговаривать с Николаем Хохловым она тоже не пожелала.

Позднее, уже в Москве, Елена Мазаник рассказывала, что к ней приходили разные люди, назывались подпольщиками, уговаривали принять участие в убийстве Кубе. Но когда она просила свести ее с командиром партизанского отряда, все отвечали: «Это слишком сложно». Она им не верила, подозревала, что это не настоящие партизаны, а провокаторы, которые работают на немцев. Поверила одной только Марии Осиповой.

Мария Борисовна Осипова после окончания Минского юридического института трудилась в аппарате Верховного суда республики. В годы оккупации она работала на партизанский отряд Димы – капитана Кеймаха.

До войны Давид Кеймах служил в Главном артиллерийском управлении Красной армии. После нападения Германии был отправлен в распоряжение военной разведки. Его не раз забрасывали в тыл врага. Кеймах говорил, что нужно искать надежного человека среди тех, кто рядом с Кубе. А многие возражали, говорили: нарвемся на провокатора. Кеймах настоял на своем и оказался прав. А Мария Осипова в отряде числилась резидентом «Черная», и задача ее состояла в том, чтобы собирать сведения о немцах в Минске.

Бдительные чекисты, кстати, подозревали, что Осипову завербовали немцы. Как же иначе ей удавалось бы уходить из города, добираться до партизанского отряда и возвращаться назад с листовками, медикаментами, ядами и даже миной? Другим и меньшее стоило жизни.

«Вскоре после прихода немцев в Минск, – утверждал нарком госбезопасности Белоруссии Лаврентий Цанав, – Осипова как руководящий работник юстиции и член партии была подвергнута аресту гестапо. Но через несколько часов была освобождена и свободно проживала в городе, пользуясь некоторым попечительством со стороны немецких властей, что дает основания подозревать в принадлежности ее к немецкой разведке».

Но оснований для подозрений нет: Осиповой невероятно везло. Главное – она была женщиной со стальными нервами. Это она привела к партизанам Николая Васильевича Похлебаева. Он служил директором кинотеатра «Остланд» – для немцев.

Он рассказал Осиповой о своих близких отношениях с Валею Шуцкой, которая работала уборщицей в суде. Ее

мужа Василия Михайловича немцы расстреляли за участие в организации побега военнопленных. Похлебаев пришел Осипову на встречу с Валентиной Шуцкой. А та пришла с двоюродной сестрой – Еленой Мазаник.

По так называемой Потемкинской лестнице – это спуск от Дома офицеров к Свислочи – они прошли к детскому парку. Здесь разделились. Николай Похлебаев и Валентина Шуцкая ушли, а Мария Осипова завела с Леной Мазаник самый главный и очень опасный для них обеих разговор.

Мазаник сказала, что не может верить первой встречной. К ней и так ходит какая-то Надя (она имела в виду Надежду Троян) и уговаривает убить Кубе. Но Мазаник боялась провокаторов. От Марии Осиповой она тоже потребовала: организуй встречу с командиром отряда. И Мария согласилась!

Но сама Мазаник не могла отлучиться из города. Вместо нее к партизанам пошла Валентина Шуцкая. Ее привели в отряд капитана Кеймаха. Валентина убедилась в том, что это действительно советские военные.

Кубе собирались отравить. Подготовили ампулу с ядом. Но от этой идеи пришлось отказаться.

– В доме Кубе обедают в разное время, – объясняла Осипова. – Маленького ребенка обычно кормят раньше. Если отравить пищу, то к обеду Кубе может выявиться, что ребенок отравлен. Тогда дело будет провалено. Мы договорились, что я достану две мины, а Мазаник подложит одну под матрац Кубе, а другую в кровать его жены.

Почему все-таки Елена Мазаник согласилась взорвать Кубе, пошла на такой риск? Ведь она в прямом смысле рисковала жизнью – собственной и жизнями родных.

– Мы ее заставили это сделать, – уверенно говорил Николай Хохлов.

Подпольщики грозили Елене Мазаник: придется отвечать за сотрудничество с оккупантами. В сорок третьем

году, когда немецкие войска уже отступали и возвращение Красной армии становилось реальностью, предупреждение звучало грозно.

Но подпольщики ко многим обращались с просьбой помочь в уничтожении Кубе. И угрожали, и обещали что-то. И те соглашались поначалу, а потом отказывались. Им было страшно. Елена Григорьевна Мазаник нашла в себе силы преодолеть этот страх.

Она поставила одно условие – не только ее, но и родственников, сестру с детьми, вывезут с оккупированной территории, спасут от немцев, которые будут искать убийц Кубе. Они пришли к Оперному театру, здесь их ожидала грузовая машина. Водитель вывез их из города. Мария Осипова привела женщин к месту, где их ждал партизан с лошадьё и телегой, чтобы везти в отряд.

Место Вильгельма Кубе занял ээсовец Курт фон Готтберг, вот он был настоящим палачом: устраивал карательные акции, пытался задушить партизанское движение. Готтберг за свои подвиги был произведен в обергруппенфюреры СС, получил Рыцарский крест, а в сорок пятом попал в плен и, не дожидаясь того, чтобы его повесили или расстреляли, покончил с собой.

Указом президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1943 года звание Героя Советского Союза присвоили Елене Мазаник, Марии Осиповой и Надежде Троян.

Некоторые подпольщики и историки удивлялись: почему Золотую Звезду вручили Троян, хотя она непосредственно не участвовала в казни Вильгельма Кубе? Столкнулись интересы Наркомата госбезопасности и разведывательного управления Генштаба. Осипова работала на спецгруппу военной разведки, Троян – на спецгруппу госбезопасности. Похоже, в Кремле решили не обижать ни военных разведчиков, ни чекистов и приняли соломоново решение – наградить представителей обоих ведомств.

РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ. «КРЕМИРОВАТЬ БЕЗ ВСКРЫТИЯ»

История этого человека – сплошные загадки.

Не очень ясно, чем точно он занимался. Агентом какой разведки он был – советской, американской, немецкой? И был ли он вообще чьим-то агентом?

Непонятно, за что его арестовали, почему два года держали в тюрьме и не допрашивали.

И наконец, неизвестно, как именно он ушел из жизни – не выдержало сердце, или же его отравили, или расстреляли?

Нет второй такой загадочной судьбы.

В январе 1945 года после ожесточенных боев войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Родиона Яковлевича Малиновского вышли к Будапешту. Вечером 12 января советские солдаты появились в доме № 12 на улице Бенцур, где находился кабинет секретаря шведской миссии в Будапеште Рауля Валленберга.

Потом историки будут задаваться вопросом: почему он вовремя не уехал, по собственной воле сунул голову в пасть тигру?

Так ведь откуда же ему было знать, что с ним сделают? Уж если немцы его не тронули, почему же он должен ожидать чего-то дурного от русских? Именно шведское посольство в годы войны представляло в Венгрии интересы Советского Союза.

Валленберга было приказано изолировать, чтобы помешать ему связываться с внешним миром. Шведских дипломатов (десять человек) намеревались вывезти из Венгрии. А донесение о Рауле Валленберге, как положено, отправили наверх. И внезапно поступило распоряжение члена Государственного комитета обороны, заместителя главы правительства, заместителя наркома обороны генерала армии Николая Александровича Булганина.

17 января он приказал маршалу Малиновскому:

«Рауля Валленберга арестовать и доставить в Москву. Соответствующие указания контрразведке Смерш даны... Время отправки в Москву и фамилию старшего сопровождающего лица донесите».

Почему Смерш? В расположении действующей армии главной спецслужбой было Главное управление военной контрразведки Смерш. Особые отделы всегда входили в состав ведомства госбезопасности. Но маниакально подозрительный Сталин не хотел отдавать слишком много власти в одни руки. В апреле 1943 года вывел особые отделы из состава наркомата и создал самостоятельное Главное управление военной контрразведки, которое подчинил себе. И сам придумал название: «Смерть шпионам».

25 января начальник штаба 2-го Украинского фронта генерал-полковник Матвей Васильевич Захаров подписал сообщение в Москву: «Арестованный Рауль Валленберг отправлен».

Почему судьбой рядового дипломата заинтересовался сам Булганин, близкий к Сталину человек?

И вот с этого момента начинаются сплошные загадки.

Заместитель наркома иностранных дел Владимир Георгиевич Деканозов, недавний чекист, человек, близкий к Берии, 16 января 1945 года нотой сообщил шведскому посланнику в Москве Стаффану Сёдерблуму, что Валленберг найден советскими войсками в Будапеште, он жив и здоров. Советский посол в Стокгольме Александра Михайловна Коллонтай сказала матери Валленберга: не беспокойтесь, Рауль в безопасности, вскоре его вернут на родину.

Но его не возвращают! А шведы интересуются пропавшим соотечественником. Заместитель наркома внутренних дел три раза давал шведам ответы о судьбе Валленберга. Сначала: он у нас. Затем: он погиб в Будапеште. И наконец: мы его не нашли.

Через советские тюрьмы и лагеря прошли многие миллионы людей. Валленберг, наверное, единственный заключенный, чье дело уничтожено. Уничтожены вообще почти все следы его пребывания в заключении.

Да кто же такой этот загадочный Валленберг?

Рауль Густав Валленберг родился в 1912 году в Стокгольме. Его рано умерший отец – двоюродный брат крупных финансистов и промышленников Якоба и Маркуса Валленбергов. В школе Рауль выучил русский язык, не предполагая, что ему это пригодится. В Соединенных Штатах выучился на архитектора, но работы по специальности не нашел. Обратился к богатым дядям с просьбой подыскать ему работу. И с их помощью занялся международной торговлей.

В начале 1944 года в Соединенных Штатах образовали управление по делам беженцев, чтобы попытаться спасти тех, кто еще жив. Раулю Валленбергу американцы предложили поехать в Будапешт и что-то сделать для венгерских евреев.

Он был включен в состав шведской дипломатической миссии в скромной должности секретаря. Шведский дипломатический паспорт и американские деньги были инструментом. В других руках они бы не сработали. Но Рауль Валленберг был щедро наделен и другими качествами – умом, смелостью, умением ладить с людьми и желанием помочь попавшим в беду.

Нацисты составили план уничтожения евреев по всей Европе. Венгерские фашисты действовали даже более эффективно, чем гестапо: они отправили в нацистские лагеря шестьсот тысяч евреев всего за пять месяцев.

Если бы Рауль Валленберг спас одного человека, он был бы достоин уважения. Он спас тысячи. Он выдавал людям, которых ждала смерть, временные шведские паспорта, какие дипломатическое представительство имеет право выписать взамен утерянных. Такими охранными

грамотами снабдил двадцать тысяч евреев, вырвав их из лап смерти.

С венгерскими чиновниками он вел себя нарочито высокомерно, намекал на свои широкие связи и оттого казался очень влиятельным человеком. Он представлялся значительной фигурой с особыми полномочиями в центре Европы, интерес к нему со всех сторон возрастал невероятно.

В самом конце войны высокопоставленные нацисты, предчувствуя поражение, уже были готовы на все, лишь бы избежать смерти. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер первым попытался установить контакты с американцами. Он обещал им прекратить уничтожение евреев, если ему гарантируют жизнь и свободу.

Американцы и англичане не знают, как быть. Спасти людей? Возникает идея уговорить немцев отпустить обреченных на смерть евреев в обмен на грузовики, кофе и так далее. Начались контакты между американскими разведчиками и эсэсовцами.

А Сталин очень боялся сепаратного мира немцев с Западом. Он даже запретил наркому госбезопасности Всеволоду Николаевичу Меркулову в 1943 году организовать покушение на Гитлера, боясь, что его менее одиозные преемники сумеют договориться с Западом. Разведка сообщала Сталину о контактах нацистов с западными политиками, предсказывала: это приведет к тому, что все танковые и механизированные части будут сняты с Западного фронта и переброшены на Восточный фронт.

А Валленберг знал обо всех переговорах, и он стал казаться более значительной фигурой, чем он был на самом деле. Так, может быть, Смерш арестовал его как американского агента, наладившего контакт с немцами? Ведь его фактически послали американцы.

Валленберг просидел во внутренней тюрьме на Лубянке и в Лефортово два года. За это время его допрашивали

всего пять раз (а его водителя – восемь!), но и эти протоколы допросов тоже уничтожены. В чем его обвиняли и о чем спрашивали, остается неизвестным.

Завершивший свою миссию в Москве шведский посланник Сёдерблум 15 июня 1946 года был принят Сталиным. Он упомянул о пропавшем Валленберге и попросил выяснить, что с ним приключилось. Никакого ответа. Шведы вновь поинтересовались. 2 января 1947 года министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов перепоручил дело своему заместителю Деканозову.

11 января тот обратился к генерал-полковнику Виктору Семеновичу Абакумову, министру государственной безопасности: «Прошу сообщить, что известно по этому вопросу для доклада т. Молотову В.М.».

Чекисты отвечать не хотели. 14 мая Вышинский отправил записку Молотову:

«Поскольку дело Валленберга до настоящего времени продолжает оставаться без движения, я прошу Вас обязать т. Абакумова представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации».

Молотов, недовольный тем, что МГБ не реагирует на его запросы, оставил краткую резолюцию: «Тов. Абакумову. Прошу доложить мне».

Через два месяца, 17 июля 1947 года, от Абакумова пришел ответ. В документах Министерства иностранных дел, отмечал заместитель директора историко-документального департамента МИД Владимир Васильевич Соколов, есть пометка, что Молотов письмо от министра госбезопасности получил. Но само письмо исчезло! Надо полагать, уничтожено.

Датировано оно тем же днем, что и рапорт полковника медицинской службы Александра Лукича Смольцова, начальника санчасти Лубянской внутренней тюрьмы. 17 июля 1947 года он доложил министру госбезопасности Абакумову, что «Валленберг сегодня ночью в камере внезапно

скончался – предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда».

Тюремный врач спрашивал, кому поручить вскрытие. Абакумов приказал кремировать труп без вскрытия. Через несколько месяцев полковника Смольцова, удостоенного в войну ордена Трудового Красного Знамени (в сентябре 1943 года было массовое награждение сотрудников Наркомата госбезопасности), отправили на пенсию. Его сын впоследствии рассказывал, что отец ни с кем не разговаривал. Посвященный в страшные тайны, он сам был смертельно напуган. 7 мая 1953 года Смольцов умер.

18 августа 1947 года Вышинский передал шведскому посланнику в Москве ноту следующего содержания: «Валленберга в Советском Союзе нет, и нам он вовсе неизвестен». Прежняя информация о том, что его нашли в Будапеште, – ошибка. Валленберг погиб тогда в Будапеште или был схвачен венгерскими фашистами. По части вранья руководители сталинской дипломатии не знали себе равных...

Что же приключилось с Валленбергом, которому в 1947 году было всего тридцать пять лет? Конечно, шведский дипломат мог и умереть в заключении. Но еще незадолго до смерти он не чувствовал себя больным. На сей счет остались воспоминания генерал-лейтенанта Сергея Александровича Кондрашева. Он был заместителем начальника внешней разведки, и коллеги за глаза называли его кронпринцем, считая, что он станет следующим руководителем Первого главка. Сергей Кондрашев участвовал в допросе Валленберга и мог засвидетельствовать, что месяца за три до своей смерти заключенный был абсолютно здоров.

Историки полагают, что Валленберга убили.

Александр Николаевич Яковлев, член политбюро и секретарь ЦК, рассказывал мне, как однажды – сразу после заседания высшего партийного руководства – тогдашний

председатель КГБ Владимир Александрович Крючков доверительно заметил:

– Валленберга расстреляли.

Тогда еще Яковлева и Крюčkова связывали вполне доброжелательные личные отношения. Председатель КГБ информировал секретаря ЦК вполне по-дружески.

Но если Крючков говорил так уверенно, значит, опирался на какие-то документы? Крючков много лет был у Андропова помощником и руководителем секретариата. Бумажная душа, он верил только документам. Трудно представить себе, что в таком серьезном деле он полагался только на чьи-то рассказы.

Разные спецслужбы хотели получить Рауля Валленберга в свое распоряжение. Но верх взял самый в ту пору влиятельный – генерал-полковник Абакумов. Вероятно, он надеялся доложить Сталину, что завербовал Валленберга и тот выдал все секреты американской разведки. Но не получилось. Тогда решили его уничтожить. Не отпускать же его, чтобы он рассказал, что от него требовали на Лубянке.

Это подтверждается и дневником первого председателя КГБ генерала армии Ивана Александровича Серова, опубликованным в 2016 году под названием «Записки из чемодана». Серов (в ту пору первый заместитель министра внутренних дел) пишет, что Абакумов, исполняя указание Сталина и Молотова, приказал ликвидировать Валленберга. И его отравили ядом, полученным из спецлаборатории Григория Майрановского.

Насколько надежны воспоминания Серова? Историки склонны верить, что рукопись подлинная. Другое дело, можно ли доверять его суждениям, помня, что он в прямом смысле враждовал с Абакумовым? Но зачем ему придумывать?..

Имя Валленберга изымали из всех архивных материалов. Скажем, отыскивали старую книгу учета вызовов на

допрос. Так вот, в этой книге фамилии Валленберга и его шофера вытравлены. В перестроечные годы эксперты восстановили эти имена.

Через десятилетия после убийства Валленберга, после многолетних исторических изысканий приходится констатировать, что мы по-прежнему можем только строить версии и делать предположения.

Рауль Валленберг обрел мировую славу.

5 октября 1981 года президент Соединенных Штатов Рональд Рейган записал в дневнике, изданном после его смерти:

«Трогательная церемония. Я подписал закон, который делает Рауля Валленберга вторым в истории почетным гражданином нашей страны. Он швед, который спас сто тысяч венгерских евреев от нацистов. Когда война закончилась, русские его похитили. Присутствовал конгрессмен Том Лантос, который внес этот законопроект. Том – один из тех, кого спас Валленберг. Ему было тогда шестнадцать лет».

Рауль Валленберг стал вторым в истории почетным гражданином США. Первым был Уинстон Черчилль...

Можно ли еще рассчитывать на какие-то неожиданные находки в этом деле? Едва ли. Судьба Валленберга – это история гнусного убийства порядочного и смелого человека.

СМЕРТЬ БРОДЯЧЕГО САМУРАЯ

Отдыхая на юге, Сталин вдруг спросил одного из своих лечащих врачей:

– Доктор, скажите, только говорите правду, будьте откровенны: у вас временами появляется желание меня отравить?

От испуга и растерянности доктор не знал, что ответить. Посмотрев на него внимательно и убедившись, что этого человека ему опасаться не следует, вождь добавил:

– Я знаю, вы, доктор, человек робкий, слабый, никогда этого не сделаете. Но у меня есть враги, которые на это способны...

На его даче постоянно появлялись все новые запоры и задвижки. Вокруг столько охраны, а он боялся... Спать всякий раз ложился в другой комнате: то в спальне, то в библиотеке, то в столовой. Задавать вопросы прислуга не решалась, поэтому ему стелили сразу в нескольких комнатах.

Сталин существовал в мире уголовных преступников. Если он убивал, то почему же его не могли убить? Троцкого удалось устранить на другом конце земли, почему же кто-то не возьмется организовать убийство Сталина?

И казалось, его худшие опасения сбылись. В Японию сбежал недавний начальник управления НКВД по Азово-Черноморскому краю. Начальник управления лично отвечал за безопасность Сталина, когда вождь проводил отпуск в Сочи. Уж он точно знал, когда и где отдыхает Сталин, как организована система его охраны, есть ли в этой системе слабые места и можно ли ими воспользоваться.

Японские историки уверены, что бывший начальник управления НКВД по Азово-Черноморскому краю комиссар госбезопасности 3-го ранга Генрих Люшков помог японской разведке организовать покушение на Сталина.

Вождь заботился о себе. И товарищи следили за тем, чтобы он не переутомлялся. Еще в 1922 году в протоколе заседания политбюро записали: «Обязать т. Сталина проводить три дня в неделю за городом». Отпуск он всегда проводил на юге. Жил там несколько месяцев. Убить Сталина предполагалось в водолечебнице «Мацеста».

В 1926 году Сталина, приехавшего в Сочи, осмотрел научный руководитель санатория на Старой Мацесте профессор Иван Александрович Валединский. Вождь жаловался на боли в мышцах рук и ног. Ему рекомендовали курс (десять – двенадцать) мацестинских ванн.

Сталин страдал заболеваниями опорно-двигательного аппарата. У него болели руки и ноги. Левая рука плохо сгибалась и разгибалась. Тогда это называли сухоруко-стью. Ничего, кроме трубки, он левой рукой держать не мог. Причиной, возможно, была травма, перелом. Развился ревматоидный артрит. Пострадали суставы. Началась атрофия мышц. Самым трудным было утро, когда возникало ощущение, что все болит и хрустит. Мацестинские ванны снимали боль, и Сталин принимал их регулярно.

Бывший начальник управления НКВД по памяти нарисовал план водолечебницы. Указал, где находятся нужные Сталину радоновые ванны. Комиссар госбезопасности считал, что внутрь можно пробраться через трубу со стороны моря. Группа должна быть небольшой. Перестрелок с охраной не будет. Бывший чекист точно знал, что вождь принимает ванны один. Сталин не раздевается в присутствии других людей. Никто не видел его неодетым.

В документах японской военной разведки операция получила кодовое название «Охота на медведя». Но кто такой Генрих Люшков и как он оказался в Японии?

Генрих Самойлович Люшков начинал в Особом отделе ВЧК во время Гражданской войны. Его брат – курсант-артиллерист – погиб на фронте. В 1934 году он стал заместителем начальника секретно-политического отдела ОГПУ, ведал творческой интеллигенцией. Это он курировал проведение хорошо «оркестрованного» знаменитого Первого съезда советских писателей.

В 1936 году его выдвинули на самостоятельную работу – начальником управления НКВД тогда еще единого Азово-Черноморского края. Он оправдал ожидания вождя, на следующий год получил редкий тогда орден Ленина. И новое поручение – возглавить госбезопасность огромного Дальневосточного края. Сталин лично его напутствовал перед дальней дорогой. На Дальнем Востоке затевались большие дела.

Ослабевший Китай терзала Япония. Летом 1937 года японцы развернули крупномасштабное наступление с целью полностью оккупировать страну.

Китайцы просили Москву о помощи. Получили оружие. И прибыла группа советских летчиков. Сами китайцы тогда летать не могли, теряли сознание на высоте. Советские пилоты защищали от налетов крупные китайские города, которые терроризировала японская авиация. Завидев вражеские самолеты в воздухе, китайцы в ужасе разбежались.

Не желая вступать в войну, Сталин хотел продемонстрировать японцам мощь Красной армии, чтобы отбить у них желание двигаться на север. Урок должен был преподать маршал Василий Константинович Блюхер, командующий Особой Дальневосточной армией. Бои развернулись в районе озера Хасан. Но действия Блюхера в Москве сочли неудачными. И это поставило крест на его военной карьере.

Зашаталось кресло и под начальником дальневосточных чекистов Люшковым. Дело в том, что впал в немилость недавний сталинский любимец нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов. Барская любовь недолга.

Людей Ежова начали смещать и сажать. На Дальнем Востоке арестовали заместителя Люшкова. Его самого срочно вызвали в Москву... Люшков решил обмануть судьбу. Бежать – благо граница рядом, а он все еще хозяин края. Выехал в подчиненный ему 59-й погранотряд. Утром его проводили до границы.

Люшкова сопровождали двое. Командир пограничного отряда и заместитель начальника разведотдела краевого управления госбезопасности. Люшков уже объяснил, что на той стороне границы его ждет агент, которого никто другой не должен видеть в лицо. Он должен получить от агента важную информацию, а ему передать деньги – четыре тысячи маньчжурских гоби. Поэтому Люшков должен пойти один.

Сначала его покинул командир пограничного отряда и до границы они шли вдвоем с заместителем начальника разведотдела. Потом лейтенант госбезопасности Стрелков тоже остался. И Люшков пошел к границе.

По ту сторону находилось государство Маньчжоу-Го. Оно появилось в 1932 году, когда север Китая заняли японские войска. Формально государством управлял молодой китайский император Пу И. Фактически власть принадлежала японским военным.

На рассвете 13 июня 1938 года двое маньчжурских полицейских увидели человека в сером макинтоше и в кепке. Когда он заметил полицейских, то вытащил личное оружие, это были маузер и браунинг, бросил на землю и поднял руки. Это был комиссар госбезопасности Люшков. Когда он давал показания японцам, по другую сторону границы – на советской территории уже арестовали его недавнего подчиненного лейтенанта госбезопасности Стрелкова. И требовали от него показания о том, зачем он помог своему начальнику-предателю бежать за границу.

Японское военное министерство сообщило 1 июля 1938 года: «Опасаясь за свою судьбу ввиду проводимой в Советском Союзе чистки, начальник управления НКВД по Дальневосточному краю комиссар государственной безопасности 3-го ранга (что соответствует чину генерал-майора) Люшков в поисках защиты у нашего государства перешел границу и был задержан пограничной охраной».

«Вместе с маршалом Блюхером Люшков считался звездой первой величины в Дальневосточном регионе, где сосредоточены сотни тысяч красноармейцев, которые должны сдерживать Японию, – писали японские журналисты. – И вдруг он бежит из Советского Союза. Это свидетельство того, что страна охвачена таким страхом, который трудно себе представить. Сталин повсюду выискивает «врагов народа» и «шпионов» и безжалостно их уничтожает».

Люшков участвовал в расследовании убийства хозяина Ленинграда Сергея Мироновича Кирова. И теперь он первым рассказал, что убийца – утративший свою должность мелкий партработник Леонид Васильевич Николаев – был одиночкой и психически нездоровым человеком, а вовсе не участником мифической оппозиционной организации.

Люшкова доставили в Японию, устроили пресс-конференцию. Он говорил журналистам:

– Я действительно совершил преступление – я активно помогал Сталину в его политике обмана и террора. Я могу засвидетельствовать: все мнимые заговоры никогда не существовали, все они сфабрикованы. Сталин избавлялся от политических противников и от тех, кто мог стать им в будущем.

Тем временем был снят с должности и арестован маршал Блюхер, один из самых популярных командиров Красной армии, в честь которого слагали песни. Люшкова спрашивали, отчего же он не объединился с Блюхером, дабы спасти себя и других.

– Генералы Красной армии считают, что каждый арест – это лишь ошибка, – объяснил Люшков. – Все верят, что они-то сумеют оправдаться перед Сталиным. Вот он и управляет генералитетом, как стадом баранов. Сталин не верит никому, кроме себя. Он ни за что казнит офицеров, а их родственников отправляет в концлагерь. Поэтому ослаб боевой потенциал Красной армии.

Дав в Японии серию интервью, Генрих Люшков словно исчез. Что же с ним приключилось? Говорили, что он больше никому не нужен. И скорее всего, в одну из зимних холодных ночей замерз во сне в какой-нибудь деревушке после жалкой кочевой жизни в Маньчжурии... Но все было не так.

Люшкова заметил начальник штаба Квантунской армии, которая оккупировала Китай, генерал Хидэки Тодзё. Генерал делал стремительную карьеру и вскоре занял

посты премьер-министра, военного министра и министра внутренних дел. Считается, что по совету генерала Тодзё Люшкова привлекли к операции «Охота на медведя».

5 декабря 1938 года из города Дайрэна (китайское название – Далянь) в Европу отходил пароход «Адзия-мару». Правительство Маньчжоу-Го снарядило миссию в те немногие страны, которые его признали: в Ватикан, Германию, Испанию и Сальвадор. Помимо членов официальной делегации еще восемь человек приобрели билеты до Неаполя. На борту они выделялись среди прочей публики, поскольку не были ни японцами, ни китайцами.

«Адзия-мару» – первое японское судно, оборудованное кондиционерами, – вспоминал Юдзо Тогаси, первый помощник капитана. – Без них просто бы изжарились в Индийском океане. В порт Неаполя мы вошли 14 марта 1939 года. Я хорошо помню русских на борту нашего судна, уж очень необычные это были пассажиры. До самого Неаполя ни разу не вышли из своих кают. Даже питались у себя».

В Китае и японская разведка, и советская вербовали себе агентуру. Некоторые китайцы превратили это в профессию. Перевербовывались и становились двойниками. Поэтому надежность получаемой от них информации вызвала большие сомнения. Иногда разведки избавлялись от двойников. В прямом смысле, их убивали.

Для переброски на советскую территорию японцы вербовали русских эмигрантов. Одни сотрудничали от безвыходности, другие осознанно. Некоторые обосновавшиеся в Китае русские эмигранты именовали себя фашистами. Китайцев это не интересовало. Японцы это поддерживали. Константин Владимирович Родзаевский, молодой, энергичный человек, создал даже собственную фашистскую партию. Деньги он получал от японской разведки. В оккупированной Маньчжурии это была главная сила.

Родзаевский устроил смотр-парад всех фашистских организаций. Обошел ряды молодых чернорубашечников

под крики: «Слава России!» Японская делегация преподнесла Родзаевскому самурайский меч.

– Мы готовимся к решающему удару, – обещал он. – А за ним – последний бой, который даст нам победу.

Исполняющий обязанности начальника пограничных войск Хабаровского округа комбриг Александр Николаевич Федотов 25 апреля 1939 года доносил в центр:

«Не исключен выход белых банд на нашу сторону. В Харбине Родзаевский указал, что изучены возможности переброски людей на советскую сторону. Достигнуто соглашение между фашистами и казаками атамана Семенова».

Родзаевский и атаман Семенов проживут дольше комбрига Федотова. Награжденный орденами Ленина и Красного Знамени, отмеченный знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ (XV)», начальник погранвойск округа был в июне 1939 года арестован по обвинению в измене Родине и участии в контрреволюционной террористической организации, а в апреле 1940 года расстрелян. И реабилитируют его только в 1957 году.

В Гражданскую войну Григорий Михайлович Семенов, злейший враг советской власти, был хозяином Забайкалья. Потерпев поражение, перешел границу. В Китае атаман убеждал эмиграцию всеми силами помогать японским властям в борьбе с Советским Союзом. После нападения нацистской Германии Семенов заявил:

– Нам, русским националистам, нужно осознать ответственность момента. Есть только один правильный путь – вместе с передовыми державами, Германией и Японией.

Японская военная разведка подготовила из эмигрантов боевую группу, которую намеревалась перебросить на советскую территорию. Но границу она должна была переходить не в Маньчжурии, а там, где советовал Люшков.

В конце лета 1933 года Сталин отправился отдыхать на юг. Взял с собой наркома обороны Климента Ефремовича Ворошилова и секретаря ЦК Андрея Александровича

Жданова. 25 августа вечером поезд доставил их в Сочи, на машине они двинулись на госдачу «Зеленая роща» около Мацесты.

Не успели выехать из города, как на «Бьюик», в котором сидели Сталин и Ворошилов, налетел грузовик. Сотрудники охраны, находившиеся в другой машине, открыли огонь. Не попали. Водитель грузовика убежал. Как потом выяснилось, он был пьян и не справился с управлением.

Через месяц, когда Сталин уже перебрался на другую госдачу – «Холодная речка», возле Гагр, вождя на катере утром повезли на пикник на мыс Пицунда. Когда возвращались назад, катер обстреляли с берега из винтовки. Покушение на вождя?

Выяснилось, что виноваты пограничники. Вернее, пограничный пост с заставы «Пицунда» не предупредили о появлении катера. И защитники границы действовали по инструкции: произвели три предупредительных выстрела по неизвестному катеру.

Комиссар госбезопасности Генрих Люшков знал эти истории и советовал переходить границу не в Маньчжурии, где установлен жесткий пограничный режим и откуда далеко до Сочи, а выбрать точку поближе к тому месту, где отдыхает Сталин.

Показаниями Генриха Люшкова японцы делились с союзниками – немцами. Так резидент советской разведки в Токио Рихард Зорге знал, что рассказывает беглый чекист. Информировал Москву.

После бегства Люшкова огромный Дальневосточный край разделили на два: Приморский и Хабаровский.

Во Владивостоке чекистов возглавил Михаил Максимович Гвишиани. Он окончил двухклассное училище, начинал помощником повара. В Грузии служил начальником охраны Берии. Лаврентий Павлович забрал его в Москву.

Но в Москве бериевский охранник проработал недолго. Лаврентию Павловичу понадобился свой человек в При-

морье. И в крайком партии пришла шифротелеграмма из столицы, в которой говорилось, что начальником краевого управления к ним приезжает старший майор госбезопасности Гвишиани.

Сын Гвишиани рассказывал, что во Владивостоке в их доме была прислуга из числа заключенных. В крайкоме партии, где так заботились о моральной нравственности советских людей, это никого не удивляло. Обычное дело для высших чиновников. Гвишиани-младший появился на свет в год, когда его отец пошел на службу в органы госбезопасности, и имя сыну он придумал сам, сложив первые буквы фамилии Дзержинского и Менжинского. Джермен Гвишиани потом женился на дочери Алексея Николаевича Косыгина, который станет членом политбюро и главой советского правительства.

Японские самолеты летали над советской территорией, фотографировали Уссурийскую область и Приморье. Разбрасывали антисоветские листовки. Японская разведка пыталась устроить диверсии на Транссибирской магистрали, печатала фальшивые советские денежные знаки.

Краевое управление старалось как могло. Неустанно выявляло врагов, в том числе в собственных рядах. Во время Большого террора арестовали практически всех чекистов, кто побывал за границей, кто знал иностранные языки, в первую очередь японский, китайский. Заменяли их оперативные работники, которые ничего не знали ни о Японии, ни о Китае. Можно сказать, что разведка и контрразведка в крае были уничтожены.

Тем временем Германия, Италия и Япония заключили соглашение о политическом и военно-экономическом союзе. В Москве желали знать, к чему это ведет.

«Утром мы подписали пакт, – записывал в дневнике зять Бенито Муссолини и министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано. – Три нации вступили на путь, который ведет нас к войне. Она необходима, чтобы прорвать

коросту, сковывавшую энергию и стремления молодых наций. Редко я видел дуче таким счастливым. Италия вырвалась из изоляции: она находится в центре самой надежной политической и военной комбинации, которая когда-либо существовала... Вечером торжественный ужин. Японские военные атташе, оба хорошие фашисты, рады военному союзу. Они были рады, когда я сказал, что они должны оккупировать Владивосток, револьвер, нацеленный на Японию».

В сорок первом в Токио шел спор: а не напасть ли на Советский Союз, пользуясь удобным случаем? Генералы сухопутных сил мечтали расквитаться за поражение на Халхин-Голе. Командование императорского флота возражало. Страна нуждалась в ресурсах, топливе, черных металлах. Все это можно было получить в странах Юго-Восточной Азии, а не в Сибири. И главным своим противником Япония считала Соединенные Штаты.

Президент США Франклин Делано Рузвельт хотел, чтобы в советском Приморье были созданы американские военные базы. Но Сталин не желал ссориться с японцами, и в августе 1941 года советский посол в Токио заявил японскому правительству, что Советский Союз не позволит Соединенным Штатам на своей территории создавать военно-морские и воздушные базы.

В Токио выставили свои требования Советскому Союзу: не помогать Китаю и не предоставлять свою территорию американцам для ведения боевых действий против Японии. Условия были приняты, потому что Сталин не хотел давать никакого повода для конфронтации. Советские военные советники из Китая уехали, и военные поставки прекратились.

После 22 июня 1941 года Рихард Зорге сообщал, что Япония вот-вот нападет на Советский Союз. В сентябре сообщения изменились: императорская армия, скорее всего, повернет на юг. Зорге сам получал крайне противоречи-

вую информацию. Был день, когда он отправил из Токио две шифровки противоположного содержания.

Значение имели не сообщения Зорге и других разведчиков, а реальная политическая и военная ситуация. В Москве знали, что Квантунская армия не располагает ни современными танками, ни мощной авиацией. К тому же японцы завязли в бесконечной войне с китайцами, разгромить которых не удавалось.

Бывший комиссар госбезопасности Люшков служил советником во втором, разведывательном отделе штаба Квантунской армии. В какой-то степени его побег пошел на пользу Советскому Союзу. Он рассказал японцам, какой мощной силой Красная армия располагает на Дальнем Востоке. И это, вероятно, тоже удержало Токио от желания напасть на Советский Союз вместе с нацистской Германией.

Японские офицеры обрадовались полученным от Люшкова данным. Но в целом его показания стали для них серьезным ударом. Японские разведчики вспоминали:

«Нас поразило то, что Советский Союз обладал военным превосходством над Японией. Показания Люшкова отправили в Генеральный штаб и в штаб Квантунской армии. Но штабные офицеры пренебрежительно относились к разведывательной информации. Игнорирование того, что рассказал Люшков, стало одной из причин жестокого поражения императорской армии летом 1938 года в боях на Халхин-Голе».

8 декабря 1941 года, после нападения японцев на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе, Соединенные Штаты, Великобритания и Китай объявили войну императорской Японии.

В тот же день глава Китая Чан Кайши объявил войну Германии и Италии и обратился к послу Панюшкину с просьбой передать Сталину предложение: Москва объявляет войну Японии, а Вашингтон – Германии и Италии.

Положение главы центрального китайского правительства Чан Кайши было отчаянным. Он хотел, чтобы Красная армия пришла ему на выручку. Но получил отказ. Однако ни Соединенные Штаты, ни Китай не имели общей границы с Германией, а для Советского Союза война с Японией могла стать реальностью.

12 декабря Сталин подписал ответ Чан Кайши: «Основную тяжесть войны против Германии несет СССР. Победа СССР на антигерманском фронте будет означать победу Англии, США, Китая против государств оси... Я прошу Вас поэтому не настаивать на том, чтобы СССР немедленно объявил войну Японии».

Соединенные Штаты оказывали военную помощь сражающемуся против немцев Советскому Союзу. Теперь рассчитывали на ответную услугу.

Когда в декабре 1941 года новый советский полпред Максим Максимович Литвинов вручал верительные грамоты Рузвельту, американский президент спросил, нельзя ли сделать так, чтобы американские бомбардировщики, взлетев с Филиппин и отбомбившись над Японией, могли бы сесть во Владивостоке, чтобы дозаправиться и взять новый запас бомб. Литвинов был сторонником теснейшего военного союза с Соединенными Штатами.

10 декабря телеграфировал Сталину и Молотову, предупреждая об опасности нападения со стороны Японии:

«Нам придется защищаться одним, без посторонней помощи, в то время как теперь мы могли бы получить для защиты Владивостока морскую и воздушную помощь Америки и ее союзников...»

Молотов ответил Литвинову:

«Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и вынуждены держаться нейтралитета. Когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии,

включая половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным воевать на два фронта».

Литвинов в тот же день сообщил об этом Рузвельту. Американский президент сказал, что сожалеет о принятом решении, но добавил:

– На вашем месте я, возможно, поступил бы точно так же.

Теперь, когда Япония вступила в войну с Америкой, уже в Токио, скорее, нуждались в том, чтобы Советский Союз строго соблюдал подписанный в апреле сорок первого пакт о нейтралитете. Вроде можно было рассчитывать, что Япония не нанесет удар в спину. Но легкость, с которой японцы потопили американские корабли на базе в Перл-Харборе, произвела впечатление на Москву. Из Ленинграда вызвали адмирала Ивана Степановича Исакова, первого заместителя наркома военно-морского флота.

Адмирала доставили к Сталину. Он показал на карту и сказал:

– Немедленно вылетайте во Владивосток, посмотрите, не устроят ли нам японцы новый Перл-Харбор.

Перл-Харбор стал символом неподготовленности к войне. Соединенные Штаты располагали там немалыми силами, но позволили японской авиации уничтожить их корабли на рейде, самолеты – на летном поле и в ангарах. Выполняя указания вождя, адмирал Исаков немедленно вылетел во Владивосток. Разговор в Кремле означал, что Сталин все равно опасался внезапного нападения японцев на российский Дальний Восток.

Когда нацистская Германия была разгромлена, настало время расквитаться с Японией – за все обиды, накопившиеся еще с Первой, неудачной войны начала века.

Когда Красная армия вошла на территорию Китая, искали всех врагов советской власти, которые здесь укрылись, в первую очередь недавнего начальника всех даль-

невосточных чекистов, комиссара госбезопасности Генриха Лющкова.

Но он словно испарился. Арестовали других давних врагов – казачьего атамана Семенова и Родзаевского, вождя маньчжурских фашистов, которые до последнего хранили верность японцам. 4 мая 1945 года, когда Третий рейх был уже повержен, фашистская газета «Время» упрямо писала: «Адольф Гитлер сражен советской пулей в тот момент, когда он с оружием в руках спускался по лестнице своей штаб-квартиры. Японский народ намерен выиграть войну и будет сражаться до полной победы».

Японцы предложили эвакуировать эмигрантов. Поехали немногие. Родзаевский сдался советским властям, почему-то рассчитывая, что ему все простят.

10 августа 1946 года министр госбезопасности генерал-полковник Абакумов обратился к Сталину: «Прошу разрешить проведение судебного процесса по делу атамана Семенова – руководителя белогвардейского движения на Дальнем Востоке, Родзаевского – главы «Русского фашистского союза» и других активных белогвардейцев. По нашему мнению, целесообразно всех обвиняемых приговорить к расстрелу».

Семенова повесили 30 августа 1946 года во внутренней тюрьме Министерства госбезопасности. Родзаевского и других расстреляли. Тела сожгли в крематории Донского монастыря. Пепел ссыпали в братскую могилу невостребованных прахов.

В Хабаровск начальником управления госбезопасности прислали еще одного верного помощника Берии Сергея Арсеньевича Гоглидзе. Сталин повелел избрать его кандидатом в члены ЦК партии. Такой чести удостоивались немногие чекисты.

Квантунская армия попала в плен практически полностью – больше семисот тысяч солдат и офицеров. Сергею Гоглидзе поручили заниматься японскими военноплен-

ными и последним императором маньчжурской династии Цин Генри Пу И.

В возрасте двух лет Пу И был возведен на престол. Когда ему исполнилось шесть, его лишили престола. Когда японцы захватили Северо-Восточный Китай, то сделали его верховным правителем Маньчжурии. Власть императора была номинальной. Император Пу И всю жизнь был игрушкой в чьих-то руках.

Когда в августе 1945 года советские войска вступили в войну с Японией и вошли на территорию Маньчжурии, царствование Пу И завершилось. 19 августа утром вместе со своим правительством он прилетел в Муцзен. Японцы обещали вывезти его в Японию. Но буквально через полчаса над аэродромом Муцзена появились советские самолеты.

Императора, растерянного и жалкого, доставили в Читу. Из города на машине привезли в Молоковку. В документах это именовалось «объектом № 30», но, в принципе, это военный санаторий, так что условия содержания были достаточно комфортными. В Чите император провел полтора месяца.

В октябре 1945 года бывшего императора доставили в Хабаровск, в хозяйство товарища Гоглидзе. Бывшее училище превратили в спецобъект НКВД № 45, где содержали генералов и высших офицеров бывшей Квантунской армии. Впервые в своей жизни император оказался без подданных, никто о нем не заботился, никто его не обслуживал. Все приходилось делать самому.

Его повезли в Токио. Международному военному трибуналу бывший император дал показания о том, как японцы поработили Маньчжурию, которую рассматривали как плацдарм для нападения на Советский Союз. После процесса доставили назад. Поселили в поселке Красная Речка, где построили дачи для высшего командного состава Красной армии. Это же место выбрал себе для отдыха главный чекист края Сергей Гоглидзе.

Бывшего императора берегли. Устроили поудобнее. Вдруг еще понадобится. Ему отвели участок земли, чтобы он мог разбить огород, и он вместе со своими приближенными, кто с ним оставался, посадили фасоль, баклажаны и перец.

1 июля 1950 года глава правительства народного Китая Чжоу Эньлай сказал советскому послу, что китайское правительство готово принять бывшего императора. 3 августа на пограничной станции Гродеково бывшего императора, его министров и генералов передали представителям Китайской Народной Республики. Император смертельно боялся оказаться в руках китайских коммунистов, подумывал о самоубийстве, но не решился.

Бывшего императора поместили в тюрьму и заставили работать на заводе. В декабре 1959 года амнистировали. Он устроился в Ботаническом саду Академии наук. Написал воспоминания. Во время безумия «культурной революции» ему опять досталось. 17 октября 1967 года Генри Пу И умер в возрасте шестидесяти пяти лет.

А как развивалась история с боевиками, которых отправили убить Сталина?

Пароход «Адзия-мару» из китайского города Дайрэна в итальянский порт Неаполь шел несколько месяцев. Из Неаполя диверсионную группу японской разведки перебросили в Стамбул. Здесь их встретил японский военный атташе.

Они попытались перейти на советскую территорию в районе Батуми. Но группу перехватили на границе. ТАСС сообщил, что пограничники застрелили троих троцкистов, которые намеревались убить вождя, остальные убежали... Задуманная японской разведкой операция «Охота на медведя» окончилась провалом.

«В мае 1939 года в Советском Союзе выступал Сталин, – вспоминал один из офицеров разведотдела штаба Квантунской армии. – Мы слушали его по московскому радио.

Майор Юкио Кинами как бы про себя произнес: «Значит, Люшкова постигла неудача». И вышел из комнаты».

Когда офицеры разведотдела встречали Новый, 1940 год, подполковник Тацуя Утагава с горькой усмешкой сказал:

– Я намеревался в уходящем году изменить судьбу всего мира своими собственными руками, но произошла непредвиденная осечка.

Сослуживцы считали, что подполковник Утагава с помощью Генриха Люшкова подготовил из русских эмигрантов диверсионную группу и отправил ее убить Сталина. Но в группе оказался предатель, и операция окончилась провалом. Тацуя Утагава дослужился до генерал-лейтенанта. Командовал дивизией, в сорок пятом попал в плен, сидел под Читой и умер в лагере...

Что же произошло с самим Люшковым? Почему искавшие его дальневосточные чекисты не нашли недавнего начальника?

У японцев Люшкову пришлось несладко. Его презирали как предателя.

«Он был похож на «ронина» – бродячего самурая, – вспоминал офицер японского Генштаба. – По сравнению с фотографиями, которые публиковались в газетах после его побега, он выглядел похудевшим и постаревшим».

Япония – не та страна, где ищут политического убежища.

В июле 1945 года японцы перевели бывшего комиссара госбезопасности в город Дайрэн. Здесь его и застала весть о вступлении в войну Советского Союза. 16 августа командование Квантунской армии объявило о капитуляции.

А 18 августа Люшкова вызвал к себе начальник японской военной миссии капитан Ютакэ Такэока. Он решил избавиться от опасного свидетеля. У него в маленьком флакончике был цианистый калий, и он щедро плеснул яда в чай Люшкова. Но Люшков отказался от чая. Тогда капитан просто предложил ему застрелиться. Люшков не захотел.

Бывший комиссар госбезопасности чудом избежал смерти на родине. Зачем же ему своими руками убивать себя на чужбине? Императорская армия проиграла войну, но он рассчитывал эвакуироваться в Японию и спастись.

Они спустились со второго этажа во двор, японец предложил пойти вместе в порт поискать какое-нибудь судно, на котором можно было бы уйти от наступающих советских войск. Здесь японец просто застрелил Люшкова. Вызвал своих помощников, чтобы они забрали труп. И тут Люшков застонал. Выяснилось, что он всего лишь ранен. Капитан Такэока приказал добить его, и начальник разведотдела выстрелил Люшкову в висок. Было полдвенадцатого ночи.

Похоронили его под японским именем. А через три дня пришли советские войска и искали Люшкова, до тех пор пока арестованный капитан Такэока не признался, что он лично уничтожил бывшего комиссара госбезопасности...

Кажется, только японские историки верят в серьезность попытки императорской разведки убить Сталина в мацестинской водолечебнице. Остальные считают нелепой авантюрой, не стоящей внимания. Но почему в те августовские дни сорок пятого, когда все офицеры Квантунской армии отчаянно пытались спастись от наступающих советских войск, начальник японской военной миссии капитан Ютакэ Такэока потратил драгоценное время, чтобы убить Люшкова, в результате упустил шанс бежать и угодил в плен?

Не оттого ли, что после поражения в войне японские разведчики смертельно боялись одного: если Люшков живым попадет в руки советских офицеров и расскажет об операции «Охота на медведя», им всем не избежать мести за покушение на жизнь вождя...

Часть вторая

С ПРИМЕНЕНИЕМ СПЕЦТЕХНИКИ

НЕ ОРГАНИЗОВАТЬ ЛИ СВАДЬБУ?

5 сентября 1945 года двадцатилетний лейтенант Игорь Сергеевич Гузенко, шифровальщик советского военного атташе в Канаде, попросил у канадцев политического убежища вместе с беременной женой, маленьким сыном и сотней секретных документов Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии.

Накануне начальник ГРУ генерал-полковник Федор Федотович Кузнецов отправил в резидентуру приказ откомандировать Гузенко домой. Никто не подумал, что шифровку первым прочитает сам шифровальщик...

Разведчики пишут телеграммы от руки в специальном шифровальном блокноте с нумерованными страницами и передают шифровальщику – самому секретному человеку в посольстве. За ним бдительно присматривает офицер безопасности – сотрудник внешней контрразведки. Служба у шифровальщика тоскливая, денег платят мало. Дипломаты получают удовольствие от зарубежной жизни, а он нет.

Шифровальщик не имеет права жить на частной квартире. Шифровальщиков селят только на территории посольства, чтобы он всегда был под контролем. Но у Гузенко был маленький ребенок. По ночам он не спал, плакал. Жена резидента потребовала от мужа отселить семью Гузенко. И резидент в нарушение инструкции переселил их на частную квартиру.

Завербовать шифровальщика – мечта любой разведки и контрразведки. Но в 1945 году канадские спецслужбы еще не вылезли из детской коляски и не понимали своего счастья. Поэтому канадцы не спешили с ответом. Премьер-министр Маккензи Кинг не хотел портить отношения с русскими.

Гузенко с женой и сыном в отчаянии вернулись домой. Понимая, что в посольстве вот-вот узнают об их попытке бежать, укрылись у соседа. И действительно, пришел какой-то человек, стал стучать в дверь и звать Гузенко. По голосу он узнал посольского шофера Лаврентьева.

Сосед, посвященный в замысел Гузенко и готовый помочь, на велосипеде поехал в полицию. Появился канадский полицейский. Он выслушал Гузенко и сказал, что подежурит в парке:

– Если вас что-то будет беспокоить, включите свет в ванной.

«Мы легли, – вспоминал Гузенко. – Примерно в полночь услышали шум подъезжающей машины и звук шагов по лестнице. Стук в дверь моей квартиры. Приоткрыв дверь, я увидел подполковника Рогова и лейтенанта из военного атташата, а также резидента внешней разведки НКВД Виталия Павлова и его шифровальщика.

Выглянув из-за шторы, я увидел на улице еще одного человека возле машины. Поскольку дверь не открывалась, они взломали замок и вошли. Тут прибыла полиция. Когда полицейские ворвались в квартиру, то застали гостей, рассеявшихся по всей квартире. Полицейский попросил предъявить документы. Двое предъявили дипломатические паспорта. Полицейский задумался:

– Что же я должен сделать?

– А что вам тут делать? – наставительно сказал Павлов. – Просто дайте нам возможность уйти, вот и все.

Полицейский указал на взломанный замок. Павлов ответил, что это было сделано до их появления. Они спустились вниз, сели в машину и уехали.

Мы вновь легли. Полицейский остался в квартире. В четыре часа утра вновь услышали шаги. Выяснилось, что это водитель Горшков, который возит военного атташе. Полицейский проверил его документы и отпустил. Около десяти утра меня отвезли в королевскую полицию, где я сделал свое заявление».

8 сентября 1945 года советское посольство передало в канадское ведомство по иностранным делам ноту № 35, в которой говорилось, что сотрудник посольства Игорь Сергеевич Гузенко не явился в установленное время на службу, поэтому консул Павлов и двое других сотрудников посольства в 11:40 вечера посетили квартиру Гузенко. Им никто не ответил, поэтому они открыли дверь с помощью дубликата ключа и убедились, что там нет ни Гузенко, ни его жены Светланы Борисовны, ни их сына Андрея.

Посольство просило найти, арестовать и передать в распоряжение советских властей Гузенко, поскольку установлено, что он украл деньги из посольства и поэтому скрылся вместе с семьей. Посольство также жаловалось на то, что констебль Уолш из городской полиции Оттавы вел себя с дипломатами грубо.

Но было поздно. Игорь Гузенко уже дал первые показания. Принесенные им шифротелеграммы советской военной разведки доказывали, что в стране действует масштабная шпионская сеть. Гузенко с семьей от греха подальше вывезли из Оттавы и разместили в пустующем туристском лагере, а сообщенную им информацию стали систематизировать и анализировать.

После того как стало ясно, какой огромный объем информации принес с собой Гузенко, премьер-министр Канады Кинг принял Гузенко и торжественно произнес:

– Вы сделали большое дело, и я высоко ценю ваше мужество, смелость и готовность постоять за правое дело.

Секретным решением политбюро для расследования дела Гузенко была создана специальная комиссия в со-

ставе секретаря ЦК Георгия Максимилиановича Маленкова, заместителя главы правительства Лаврентия Павловича Берии, секретаря ЦК Алексея Александровича Кузнецова (куратора спецслужб), начальника Главного управления военной контрразведки Смерш генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова и наркома госбезопасности генерала армии Всеволода Николаевича Меркулова.

Резидента военной разведки в Канаде полковника Николая Ивановича Заботина, по военной специальности артиллериста, который в Главном разведуправлении служил с 1940 года, его жену и сына посадили.

Возникло предложение уничтожить Гузенко, на языке военной разведки – «организовать свадьбу». Этим занималась специальная секция, которую в Главном разведуправлении называли «активна». Руководил этим офицер по кличке Заика. Речь шла о специальном отделении «А» (разведывательно-диверсионные операции). Но Сталин запретил убивать Гузенко, чтобы не портить отношения с союзниками после победы над Германией.

Гузенко остаток жизни скрывался от советской разведки, опасаясь мести. Перед канадской королевской комиссией он появлялся только в черном колпаке, скрывавшем его лицо. На родине ему заочно вынесли смертный приговор и до конца его дней искали. В органах государственной безопасности находилась ориентировка по его розыску – с фотографией и описанием его внешности:

«6 сентября 1946 г. по сговору с женой отказался от возвращения в СССР. Из аппарата военного атташе СССР в Канаде похитил и передал канадским властям ряд совершенно секретных документов. По имеющимся данным, проживает в Канаде».

Умер он, судя по всему, своей смертью. В свидетельстве о смерти указана дата – 28 июня 1982 года. Похоронили его раньше, чем в прессе появились некрологи. И впервые газеты поместили фотографии Гузенко и его жены Свет-

ланы, которые были сделаны раньше, но никогда не попадали на страницы прессы.

На резидентов внешней разведки была возложена обязанность «контрразведывательного обслуживания» советской колонии. Имелось в виду противодействие иностранным спецслужбам, чтобы они не проникли в советское представительство и никого не завербовали. В реальной жизни это выродилось в полицейский надзор над всеми советскими гражданами. Причем следили и за послами, обо всех промахах докладывали в Москву, что заставляло послов тихо ненавидеть и бояться своих помощников-разведчиков.

Полная автономия разведчиков приводила к двоевластию в посольстве. Резидент формально должен был подчиняться послу. Поначалу послы требовали информировать их о работе резидентуры и показывать им телеграммы, уходившие в Москву. Позднее это стало невозможным. Послы смирились и понимали, что с резидентом ссориться нельзя – себе дороже. У него своя связь с Центром, и неизвестно, что он докладывает в Москву. Разведка – часть госбезопасности, а вступать в конфликт с этим ведомством опасно.

Посол ощущал, что находится под постоянным контролем, и ожидал какой-нибудь пакости со стороны резидента. Посол в Швеции Александра Коллонтай в чекистской среде вызывала большие подозрения. Особенно ею интересовался сотрудник резидентуры, следивший за советскими гражданами.

«Петров, – вспоминал Владимир Иванович Ерофеев, начавший свою дипломатическую карьеру в Стокгольме, – работал шифровальщиком в посольстве и кассиром в резидентуре. Одновременно он был помощником резидента по наблюдению за коллективом советской колонии, включая сотрудников посольства. Это был развязный грубиян, пьяница, тиранивший свою жену, и, как выяснилось, человек, нечистый на руку.

Однажды шведская полиция подобрала его пьяным в канаве и доставила в посольство. В кармане у Петрова были ключи от сейфов и печать. Хотя об этом случае было сообщено в Москву, он продолжал оставаться в резидентуре. Старый работник органов, Петров был прислан в Швецию в 1942 году».

Петров вызвал Ерофеева на беседу и потребовал, учитывая близость молодого дипломата к Коллонтай, информировать резидентуру о ее поведении, настроениях, связях, телефонных разговорах. Ерофеев отказался.

– Ты что, не видишь, что она – не наш человек, окружила себя подозрительными людьми, – со значением говорил Петров. – Ее давний личный секретарь – шведка, горничная – тоже, водитель также швед. Ее любимый консул женат на дочери шведского писателя Стриндберга, все ее близкие знакомые здесь – шведы. А кто ее друзья в Союзе? Многие из них арестованы, а ее муж, Дыбенко, расстрелян... И ты не желаешь помогать нам, нашему делу? Смотри, пожалеешь...

Самое поразительное – дальнейшая судьба самого бдительного чекиста Петрова. Впоследствии его сослуживцы начнут писать и говорить о нем как о жалком и гнусном существе. Но в те времена они явно думали иначе. Петрова повышали в звании и должности, отправляли из одной заграникомандировки в другую, что было высшим выражением доверия...

В 1951 году Владимир Михайлович Петров получил назначение в резидентуру в далекой Австралии. Отслужив три года, 2 апреля 1954 года бдительный чекист, теперь уже подполковник, работавший под прикрытием третьего секретаря советского посольства в Сиднее, попросил у австралийских властей политического убежища.

Что заставило его перейти на другую сторону?

Подполковника Петрова вызывали в Москву. Похоже, он сильно не захотел возвращаться на родину, где после

смерти Сталина и расстрела Берии (вместе с другими крупными чекистами) происходили большие перемены. Да и жизнь в Австралии куда комфортнее... Он передал австралийской контрразведке хранившиеся в резидентуре шифровки из Центра и назвал тех, с кем работали советские разведчики.

Его жену Евдокию пытались отправить на родину двое крепких чекистов, называвших себя дипкурьерами. Фотографии, запечатлевшие, как ее тащат в самолет в Сиднее, обошли весь мир. Но австралийская полиция все-таки не позволила вывезти ее в Москву. Когда самолет сел для дозаправки в аэропорту Дарвина, в салон поднялись полицейские. «Дипкурьеров» обезоружили, а Евдокию освободили. Ей дали возможность поговорить по телефону с мужем. После беседы она заявила, что тоже не желает возвращаться в Советский Союз.

Петров с женой получили австралийское гражданство. История с Петровым свидетельствует о том, какова искренность усердия тех, кто годами следил за дипломатами и подозревал их во всех смертных грехах...

А тот шпионский скандал привел к разрыву дипломатических отношений между Советским Союзом и Австралией, которые восстановились только через несколько лет.

ПАЧКА СИГАРЕТ РАЗИТ НАСМЕРТЬ

Сталин вскоре после войны поссорился с руководителем социалистической Югославии Иосипом Броз Тито. Щеголявший в маршальском мундире, уверенный в себе югославский руководитель не только проявил своеволие, но и не изъявил желаний каяться и просить прощения.

Тито храбро сражался во время Второй мировой и стал хозяином Югославии по праву победителя. Он был единственным коммунистическим руководителем в Восточной Европе, который получил власть не из рук Сталина. Все

остальные прекрасно понимали, кому они обязаны своим положением.

Советский вождь попытался подчинить себе Тито. Или сбросить его. В 1947 году создали Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ) – для международной пропагандистской работы. На заседании Коминформа в ноябре 1949 года приняли резолюцию «Югославская компартия во власти шпионов и убийц». Руководителя Югославии именовали не иначе как «кровавая собака Тито».

Иосип Броз Тито пользовался особым авторитетом, поэтому расправа над ним должна была стать показательной.

Министр госбезопасности Семен Денисович Игнатьев приказал разработать план устранения Тито. Предлагалось поручить это советскому нелегалу Иосифу Ромуальдовичу Григулевичу, который настолько надежно обосновался в Латинской Америке, что Коста-Рика отправила его послом в Италию и по совместительству в Югославию. Он должен был либо застрелить Тито, либо заразить его легочной чумой. Но план был отвергнут. Это спасло жизнь самому Григулевичу. Он вернулся в Москву, написал несколько книг и стал членом-корреспондентом Академии наук СССР.

После окончания войны Четвертое управление НКВД ликвидировали. Но Судоплатов и его люди без работы не остались. 15 мая 1945 года он возглавил только что образованное Особое бюро при наркомате внутренних дел (проведение актов террора и диверсий). В ноябре 1946 года в Министерстве госбезопасности образовали службу «ДР» (террор и диверсии за границей). Руководитель – все тот же генерал-лейтенант Судоплатов. В 1950-м службу разделили. Бюро № 1 поручили такую работу за границей, а Бюро № 2 доверили террор внутри СССР.

Министр госбезопасности Игнатьев и министр вооруженных сил маршал Александр Михайлович Василевский утвердили план действий против натовских и американ-

ских военных баз. Первый удар предполагалось нанести по штаб-квартире НАТО.

Игнатьев велел Судоплатову совместно с военной разведкой подготовить план диверсионных операций на американских военных базах на случай войны. Хотели также ликвидировать глав эмигрантских группировок в Германии и Париже, чтобы доложить о громких делах Сталину. Приказали резидентурам усилить проникновение в меньшевистские организации, считая главным противником очень пожилых людей, давно отошедших от политической деятельности.

В 1952 году возникла идея убить бывшего председателя Временного правительства Александра Федоровича Керенского, который собирался сформировать из эмигрантов «Антибольшевистский блок народов».

Его должен был ликвидировать капитан госбезопасности Николай Евгеньевич Хохлов, тот самый, который в оккупированном немцами Минске участвовал в подготовке ликвидации гауляйтера Вильгельма Кубе. Ему предстояло застрелить Керенского из специального пистолета, замаскированного под авторучку «Паркер».

Хохлов впоследствии описал разговор с Судоплатовым, который сказал ему:

– Париж чудесный город, но времени для развлечений у вас не будет. У агента, с которым вы встретитесь, есть один хороший друг. Я сказал бы даже, близкий личный друг. Тоже русский эмигрант. Узнайте все, что сможете, об этом друге. Его образ жизни, привычки, места, где он обычно обедает, гуляет... Главное – постарайтесь увидеть этого человека. Пусть агент покажет его вам. Надо узнать о нем как можно больше. Нам очень мешает этот «друг». Он-ч-ень мешает... Надо убрать его.

– И кому предстоит это сделать?

– Вам. Задание ответственное, но несложное. До Франции вы доедете благополучно. Агент в Париже даст всю

необходимую информацию. А что касается самой ликвидации... Вы, кажется, привезли из Европы самопишущую ручку «Паркер». Она с собой у вас?

– Ручка «Паркер»? Нет, дома. Она нужна?

– Да. Принесите на следующую встречу. Я пошлю ее в специальную лабораторию. Вы не сможете потом ею писать, но зато сможете из нее стрелять. Бесшумно и надежно. Так что и задание будет выполнено, и вы сможете потом безопасно отойти. Нам важно, чтобы не осталось никаких следов. И ваша жизнь нам тоже нужна. Обеспечьте себе отход. Идите на ликвидацию с билетами на поезд в кармане. Когда полиция спохватится, вы должны уже быть за пределами Франции.

– А как же агент? – попросил уточнить Хохлов. – Ведь он сразу поймет, в чем дело. Нужно выводить и его?

– Боюсь, что для спасения агента времени не останется, – подвел черту Судоплатов. – От него лучше всего избавиться... На обратном пути... Возьмите с собой еще одну самопишущую ручку, только и всего. У него тоже много грехов перед Советским государством. Мы работаем с ним по необходимости. Его личный счет вполне достаточен для такого исхода. Да... Агента придется ликвидировать тоже.

Но от этой безумной идеи в конце концов отказались: престарелый Керенский не представлял никакой опасности.

После смерти Сталина и ареста Берии стали реформировать органы государственной безопасности. 13 марта 1954 года появился указ президиума Верховного Совета об образовании Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР. Внешняя разведка получила статус Первого главного управления. Начальником внешней разведки назначили Александра Семеновича Панюшкина, который был одновременно и резидентом, и послом в Китае.

30 июня 1954 года ЦК принял постановление «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». Там говорилось о концентрации сил на работе против главного противника – Соединенных Штатов и Англии. Ведомства, имевшие заграничные представительства, получили указание выделить должности прикрытия, которые занимали разведчики.

В составе Первого главного управления КГБ СССР образовали 13-й отдел. Его возглавил полковник Лев Александрович Студников, потом его сменил Герой Советского Союза полковник Евгений Иванович Мирковский. В проекте положения о задачах отдела значилось: «...признать целесообразным осуществление актов террора». В аппарате ЦК «акты террора» заменили на «активные действия».

Решили ликвидировать руководителя исполнительного бюро Народно-трудового союза (НТС) в Западной Германии Георгия Сергеевича Околовича, эмигранта, родившегося в Елгаве. Эта эмигрантская организация считалась опасной, ее активисты – злейшими врагами советской власти. Околович руководил оперативным сектором по подготовке и заброске агентуры в Советский Союз.

Задание поручили капитану Хохлову.

– Вкратце речь вот о чем. Можно ли перевезти через зональную границу в Германии человека с той стороны? Сюда, к нам, конечно, силами небольшой, но способной группы. И чтобы вы руководили операцией. Возможно такое дело в принципе?

– Зависит, наверное, в первую очередь от желания вывозимого человека, – ответил Хохлов. – Если он очень хочет перебраться к нам, то помочь ему теоретически можно.

– Вы не поняли. Это не добровольный переход. Добровольно пусть ходят сами. Этого человека нужно взять и насильно доставить сюда. Живым или мертвым.

Полковник Студников добавил:

– Мертвым – тоже очень хорошо. Только тогда пусть остается на той стороне.

Он сам первым засмеялся. Другие понимающе улыбнулись.

Но руководитель боевой группы капитан Николай Хохлов из 13-го отдела передумал убивать Околовича. 18 февраля 1954 года капитан пришел к Околовичу домой (он жил во Франкфурте-на-Майне) и представился:

– Георгий Сергеевич... Я приехал к вам из Москвы... ЦК КПСС постановил вас убить. Выполнение убийства поручено моей группе... Я не могу допустить этого убийства... По разным причинам. А положение сложное. Здесь, в Германии, находится целая группа. С надежными документами, крупными суммами денег, специальным оружием. Агенты опытные и хорошо подготовлены к этому заданию. Правда, вся операция находится пока под моим контролем. Но я один не сумел найти выхода. Решил прийти к вам предупредить и посоветоваться, что же делать дальше. И вам, и мне... Могу еще добавить, что я капитан советской разведки.

Околович позвонил своему куратору в американской разведке. Американцы привезли Хохлова на конспиративную квартиру. Видимо, не сразу ему поверили. Но когда оперативная группа задержала двух помощников Хохлова, то найденное у них оружие произвело на американцев сильное впечатление: «Средством убийства были пули с цианистым калием, которые выстреливались из замаскированного под пачку сигарет пистолета с электрическим спуском и глушителем. Выстрел был практически бесшумным. С расстояния десять футов пуля входила в дерево на три дюйма. С тех пор, когда мне предлагали сигарету, я инстинктивно отшатывался».

Американская и британская разведка не располагали тогда такими изощренными средствами убийства. В распоряжении английских оперативников был массивный пистолет, которым можно было стрелять из рукава пальто,

но выстрел получался очень громким, так что для тайных операций он мало подходил.

Поскольку никакого преступления Николай Хохлов не совершил, то получил политическое убежище. Западные немцы устроили ему пресс-конференцию, и разгорелся грандиозный скандал. В Москве Военной коллегией Верховного суда Хохлов был заочно приговорен к смертной казни. Он считал, что его пытались убить, но неудачно – он выжил. В советской разведке к этому относились иронически.

– Хохлов кричал, что КГБ его пытался отравить, – говорил журналистам директор Службы внешней разведки генерал Сергей Николаевич Лебедев в 2006 году. – И что вы думаете? Ему сейчас уже девятый десяток, доживает свой век где-то в Америке.

Незадолго до августовского путча 1991 года бывший капитан Хохлов как ни в чем не бывало приехал в Москву. Он заходил и в редакцию журнала «Новое время», где я тогда работал. Бывший специалист по «мокрым делам» производил несколько странное впечатление. Николай Хохлов давно перебрался за океан и был профессором психологии в Калифорнийском университете. Кажется, его больше интересовала парапсихология. Впрочем, и само его появление в Москве было чем-то сверхъестественным. Он даже сходил на Лубянку, где в центре общественных связей КГБ с ним поговорили вполне вежливо.

В те времена чекисты вообще были на редкость предупредительны и любезны. Возможно, потому, что самому Комитету государственной безопасности существовать оставалось всего несколько месяцев... Хохлова указом президента России помиловали в марте 1992 года.

Другого видного деятеля эмигрантского НТС – Александра Рудольфовича Трушновича офицеры КГБ, работавшие в Берлине, все-таки похитили в апреле 1954 года.

Главой представительства КГБ по координации и связи с МГБ ГДР был генерал-лейтенант Евгений Петрович Пи-

товранов. Его аппарат в Восточном Берлине представлял ведомство госбезопасности в миниатюре. Представительство размещалось в берлинском пригороде Карлсхорст. В удостоверениях служивших там офицеров значилось: «воинская часть полевая почта номер 62076».

«Здание инспекции сильно охранялось, хотя и помещалось внутри общей ограды, – вспоминал один из побывавших там офицеров госбезопасности. – Часовые – у проходной будки, часовые – у подъездов, часовые – в коридорах. Документы сотрудников тщательно проверялись. С осени 1951 года одна из комнат на первом этаже была отдана нескольким людям, только что приехавшим из Советского Союза. Они были гостями в Берлине и отчитывались в своей работе непосредственно Москве. Эти люди составляли оперативное отделение судоплатовского Бюро номер один, откомандированное в Германию».

В приемной начальника инспекции в самодельной будке находился аппарат правительственной междугородной ВЧ-связи, к которому каждый день выстраивалась длинная очередь офицеров, желавших обсудить с Москвой что-то важное.

Люди Питовранова одновременно присматривали за высшей номенклатурой в ГДР и учили восточногерманских чекистов, вели разведывательную работу в ФРГ и пытались вербовать американцев, англичан и французов, которые служили в Западном Берлине и Западной Германии.

Начальником 1-го (разведывательного) отдела был подполковник Виталий Геннадьевич Чернявский. Он рассказывал мне:

– Мой сосед по дому в Берлине был начальником отделения аппарата уполномоченного КГБ по работе с эмиграцией. Он занимался Трушновичем. Правда, получилось неудачно. Его завернули в ковер, чтобы никто не обратил внимания, и вынесли на улицу. Привезли, развернули, а он уже труп – задохнулся. Убивать не хотели. Хотели похитить.

ВЫСТРЕЛ ИЗ ГАЗОВОГО ПИСТОЛЕТА

Красная армия, отступая под напором частей вермахта, покинула Львов в ночь на 30 июня 1941 года. Пока не создавалась оккупационная администрация, примерно на сутки город оказался во власти вооруженных формирований украинских националистов – и загодя созданных немецкой военной разведкой, и наскоро сколоченной из горожан добровольческой полиции. Они распространились по всему городу, занимая все важнейшие объекты, в том числе тюрьмы. Затем в городе начался один из самых страшных и омерзительных погромов. Первыми стали убивать евреев, затем поляков.

В город прибыла передовая группа Организации украинских националистов* из двадцати человек во главе с соратником и заместителем Бандеры Ярославом Семеновичем Стецько, молодым человеком в очках, старавшимся выглядеть старше своих лет.

Степан Андреевич Бандера решил, что настал самый благоприятный момент для осуществления вековых чаяний украинского народа. Со свойственными ему авантюризмом и дерзостью поручил Ярославу Стецько провозгласить на освобожденной от большевиков территории независимую Украину.

30 июня в восемь часов вечера во Львове, в здании, которое с середины XIX века принадлежало культурно-просветительному обществу «Просвита» («Просвещение»), бандеровская организация устроила собрание представителей западноукраинских земель, на котором провозгласили воссоздание независимого государства.

Сохранился отчет о собрании, которое «прошло в обстановке небывалого воодушевления»:

«Собрание открыл речью заместитель Проводника ОУН* Ярослав Стецько, который передал привет Проводника ОУН* Степана Бандеры, предложил почтить память

борцов, павших за свободу Украины, и зачитал священный акт провозглашения Украинской государственности.

Присутствовавшие бурей овации и слезами радости приветствовали, стоя, эту великую историческую минуту, а потом спели национальный гимн...

Потом был зачитан первый декрет Проводника ОУН* Степана Бандеры о созыве Краевого Правления западных областей Украины во главе с председателем Ярославом Стецько. Собрание закончилось пением национального гимна».

Прямо с балкона здания «Просвиты» участники собрания обратились к горожанам, оказавшимся на площади. Сообщили, что отныне ими будет управлять новое украинское правительство под руководством Ярослава Стецько:

– Волею украинского народа Организация украинских националистов* под руководством Степана Бандеры провозглашает создание Украинского государства, за которое положили головы целые поколения наилучших сынов Украины. Суверенная украинская власть обеспечит украинскому народу порядок, всестороннее развитие его сил и удовлетворение всех его потребностей.

Заместителем Стецько был назван публицист Лев Михайлович Ребет, руководитель краевой экзекутивы (местный руководящий орган) ОУН* на западноукраинских землях. Адвокат по профессии, Ребет арестовывался еще польским правительством. Сидел в лагере в Березе-Картузской. После нападения Германии на Советский Союз добрался до Львова.

Бандеровцы рассчитывали обрести свое государство под германским протекторатом. Но Адольф Гитлер был взбешен самовольством неизвестных ему доселе украинских националистов – Бандеры и его людей. Создание независимой Украины не входило в его планы. На этой земле он предполагал разместить немецких колонистов, которые бы снабжали зерном Германию. Фюрер не нуждался в «украинских союзниках»!

И немецкие власти не желали терпеть беспорядка на оккупированных территориях. Проявившие самовольство Бандера и его люди были арестованы. Льва Ребета задержали 15 сентября 1941 года и отправили в концлагерь Аушвиц (Освенцим).

В лагере украинские националисты держались вместе. Никому не доверяли. Считали, что даже в лагере они на особом положении. И действительно, немцы их не расстреливали и не отправляли в газовые камеры. Им разрешали получать посылки Красного Креста.

Опекали их политический отдел лагерной администрации и уполномоченные гестапо, что гарантировало им выживание. Бандеровцам подбирали работу на вещевом складе и на кухне, в канцелярии и в больнице. Симпатий со стороны остальных лагерников это им не прибавило – презирали их не только за предвоенный террор, но и за сотрудничество с немцами. Заключение поляки ненавидели украинских националистов. Двух братьев Степана Бандеры, Александра и Василя, они забили до смерти.

Льва Ребета нацисты освободили 19 декабря 1944 года. Он обосновался в гитлеровской Германии. Остался там и после войны. В эмиграции считался главным идеологом Организации украинских националистов*, редактировал журнал «Украинский самостийник». С Бандерой он разошелся, обвинив его в авторитаризме, и возглавил отколовшуюся от ОУН* «Организацию украинских националистов за рубежом». Но в Москве он все равно воспринимался как злейший враг советской власти.

Ликвидировать Ребета поручили молодому, но уже умелому агенту госбезопасности Богдану Николаевичу Сташинскому.

Сташинский родился в 1931 году на Западной Украине, принадлежавшей тогда Польше. Семья была униатской и симпатизировала украинской национальной идее. Но Богдан, который учился во Львовском педагогическом инсти-

туте и намеревался стать преподавателем математики, после прихода Красной армии порвал с родными. В 1951 году он был завербован чекистами Львовской области.

Сейчас на Украине рассекречены документы ведомства госбезопасности, относящиеся к Сташинскому. В том числе его анкета с типографской пометкой: «Заполнение анкеты самим вербуемым, как в момент вербовки, так и после, категорически запрещается». Такие анкеты заводились на агентов, резидентов и осведомителей. Он подписал стандартное обязательство и стал агентом под псевдонимом Олег.

Сташинский помог чекистам найти убийц писателя Ярослава Галана. Прозаик, драматург и публицист Ярослав Александрович Галан был последовательным противником украинского национализма и поклонником советского строя. После войны он писал страстные статьи против ОУН* и антицерковные памфлеты. В октябре 1949 года оуновский боевик одиннадцать раз ударил гуцульским топором Галана в его собственной квартире. Во Львове в доме, где жил Галан, при советской власти существовал музей. Теперь его нет.

Родная сестра познакомила Сташинского со своим женихом, близким к националистам. С его помощью Богдан ушел в лес и был принят в одну из боевых групп Организации украинских националистов*. Он раздобыл нужную информацию, и убийцы Галана были арестованы.

Молодой человек проявил очевидные способности к нелегальной работе. Его отправили учиться в Киев, сняли ему квартиру. В документах он фигурирует под псевдонимом Тарас. В закрытом учебном заведении Министерства госбезопасности ему составили индивидуальный курс спецподготовки, который 7 января 1953 года утвердил начальник 1-го (разведывательного) отдела МГБ Украины полковник Григорий Федорович Бурлаченко, в войну занимавшийся организацией партизанского движения, затем служивший в спецгруппе на территории Румынии.

Что входило в курс обучения? Немецкий и польский языки. Самооборона без оружия, вождение автомобиля в экстремальных условиях. В тире «Динамо» – стрельба из ТТ, парабеллума и винтовки. Тайная фотосъемка, закладка тайников, умение оторваться от слежки, контакты со связным. Сташинскому читали лекции «Каким должен быть советский разведчик, действующий в стане врагов» и «Украинские националисты – злейшие враги советского народа, агентура англо-американских разведывательных органов».

Перед исполнением нового задания его отправили к родным. Он поехал к родителям в феврале 1954 года. Родители потеряли веру в бандеровское движение. Отец сказал ему:

– Что же может сделать кучка людей против целого государства! С самого начала этого подполья я знал, что все это закончится очень плохо.

Отныне семья Сташинского будет получать ежемесячное пособие от украинской госбезопасности. Через год его родителям торжественно сообщат, что Богдан – разведчик и патриот. Сташинский-старший ответит: «Приятно слышать, что сын выполняет такую почетную работу».

Богдану Сташинскому разработали надежную легенду: его мать – немка, отец – поляк. Поскольку интимные отношения с поляками в Третьем рейхе были запрещены, все держалось в тайне. А во время войны и мать, и отец погибли... И теперь молодой человек возвращается туда, где он родился. Летом 1954 года его переправили в социалистическую Польшу, где он жил полгода, работал водителем на сахарном заводе. В октябре украинские чекисты доложили в Москву: «Агент Тарас закончил подготовку в Польше, и нами дано указание о выводе его в Германскую Демократическую Республику».

Под именем Йозефа Лемана, родившегося на территории Польши, его перебросили в ГДР для акклиматизации

уже в немецкой среде. Богдан Сташинский умело выдавал себя за немца, выросшего среди поляков, что объясняло его славянский акцент. Настоящий Леман был к тому времени мертв и родственников не имел. На всякий случай Сташинского свозили в те места, где вырос Леман, чтобы он не прокололся в разговоре или, не дай бог, на допросе.

Два года он осваивался в новой среде.

28 января 1956 года председателю КГБ Украины генералу Виталию Федотовичу Никитченко доложили:

«Первым отделом КГБ при Совете министров УССР был подготовлен и в 1954 году выведен за кордон агент Тарас. В связи с тем, что с момента вывода Тараса за кордон прошло почти два года и он за все это время успешно выполняет задания органов государственной безопасности, прошу Вас установить ему ежемесячное вознаграждение в сумме 800 рублей».

В ГДР он получил новые документы и в пятьдесят шестом году совершил первое путешествие в Западную Германию, в Мюнхен, где обосновались вожди украинских националистов. Для начала ему поручили встречаться с давно завербованным советской разведкой агентом, чье имя он не знал. Сташинский получал от него информацию и передавал деньги.

Наконец начальство решило, что он готов действовать.

Начальником 13-го отдела был в ту пору полковник Иван Анисимович Фадейкин, который вскоре получит генеральские погоны. Он окончил войну командиром дивизии. В 1949 году Фадейкин завершил учебу в Военной академии имени М.В. Фрунзе и был взят в разведку. Окончил еще и Высшую разведывательную школу Комитета информации. «Молодой, красивый, высокий и умный» – таким его запомнил один из подчиненных. Ключевые годы, с 1950 по 1954-й, Фадейкин прослужил в Восточной Германии.

А Богдан Сташинский вновь отправился в Мюнхен. Отыскал Ребета, несколько дней следил за ним, изучая

его образ жизни, привычки, маршруты. Лев Ребет делил свой день между редакцией газеты, находившейся на Дахауэрштрассе, и штаб-квартирой Организации украинских националистов* на Карлсплац.

Из Москвы Сташинскому доставили оружие – специально сконструированный для него газовый пистолет одноразового использования. Яд находился в герметично запечатанной капсуле. При нажатии кнопки выстреливался тонкой струйкой. Но стрелять следовало практически в упор. Яд вызывал сужение сосудов головного мозга. Смерть наступала в считанные мгновения, а обнаружить следы яда было почти невозможно.

Сташинскому вручили и противоядие двух видов – в таблетках и ампулах.

– Для вашей безопасности, – предупредил Сташинского офицер оперативно-технического управления КГБ, доставивший оружие. – Непосредственно перед акцией надо проглотить одну из этих таблеток, а сразу после выстрела раздавить еще и ампулу и вдохнуть ее содержимое.

Офицер раздобыл где-то маленькую собачку. Они сели в машину и поехали в лес. Московский гость предложил испытать новое оружие на животном. Собаку он привязал к дереву.

– Итак, – сказал он Сташинскому, – глотай таблетку и стреляй.

Собака сдохла мгновенно, не издав ни единого звука. Богдан Сташинский остался доволен оружием.

9 октября 1957 года он вновь появился в Мюнхене и остановился в гостинице. Он путешествовал под именем Зигфрида Дрегера. Газовый пистолет спрятал в большой колбасе.

Московский офицер предупредил его:

– У тебя есть только десять дней. Потом оружие придет в негодность.

Богдан Сташинский следил за Ребетом от редакции эмигрантской газеты «Сучасна Україна». В субботу, 12 ок-

тября, он подстерег Льва Ребета в подъезде. Пистолет он прикрывал газетой. Ребет поднимался по лестнице, Сташинский спускался. Поравнявшись с жертвой, он поднял правую руку и выпустил смертоносный яд прямо в лицо Ребету. Тот рухнул на ступеньки лестницы.

Сташинский заранее принял нейтрализующую яд таблетку и сразу после выстрела прикрыл лицо платком, в котором находилась ампула с другим нейтрализующим веществом. Он действовал уверенно и спокойно. Быстро вышел из подъезда. Использованный пистолет выбросил.

Московские специалисты не ошиблись в своих расчетах. Немецкий патологоанатом пришел к выводу, что Ребет умер от сердечного приступа. Мюнхенская полиция даже не стала заниматься расследованием причин смерти эмигранта-украинца. И лишь позже будет установлено, что он был убит. А в 2010 году останки Льва Ребета и его жены Дарии торжественно перезахоронят во Львове. Выступая на кладбище, мэр города назовет это важным событием:

– Сегодня мы исполняем волю наших героев быть похороненными во Львове. Наши герои возвращаются домой, чтобы мы хранили память, которую у нас хотели и хотят забрать, чтобы придать нам дополнительные силы, чтобы быть нашим знаменем.

А тогда, выполнив задание, Богдан Сташинский на поезде доехал до Франкфурта-на-Майне, оттуда улетел в Западный Берлин и перешел в Восточный, столицу ГДР. В представительстве КГБ в его честь устроили торжественный ужин. О проведении важного «мероприятия в Германии» доложили лично первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву.

Начальник советской разведки генерал Александр Михайлович Сахаровский подготовил для руководителя страны докладную записку на двух страницах. В архиве внешней разведки сохранилась справка:

«Письмо исполнено от руки на двух листах. Без оставления копии в секретариате Комитета госбезопасности. Исполнитель т. Сахаровский, ПГУ».

НАЙТИ СТЕПАНА БАНДЕРУ

Отыскать Степана Андреевича Бандеру оказалось более трудным делом, пока Богдана Сташинского не предупредили, что вождь ОУН* обязательно приедет в Роттердам, где будут поминать создателя Организации украинских националистов* бывшего полковника петлюровской армии Евгена Коновальца. В мае 1958 года отмечали двадцатилетие со дня его смерти.

На кладбище Сташинский встал как можно ближе к могиле полковника, чтобы выяснить, как теперь выглядит Бандера. Он сумел хорошо разглядеть Степана Андреевича, но сфотографировать вождя ОУН* ему не позволили. Оставалось узнать, где тот живет.

Богдан Сташинский раз за разом приезжал в Мюнхен. Теперь у него были немецкие документы на имя Ханса Иоахима Будаита. А Бандеру никак не удавалось найти. И все же Сташинский обнаружил адрес некого Стефана Попеля. А именно под этим именем обосновался в столице Баварии руководитель украинских националистов.

Степан Бандера привык к тому, что за ним охотятся. В отличие от идеолога Льва Ребета профессиональный боевик держался крайне осторожно. Сташинскому никак не удавалось проникнуть в дом Бандеры, чтобы найти удобное место.

А умельцы в Москве подготовили ему усовершенствованный газовый пистолет, теперь уже двуствольный, то есть стрелять можно было два раза. Его снабдили и набором отмычек, чтобы он смог открыть подъезд. Но отмычки не подошли. И в гараж, куда Бандера ставил свой «Опель», Сташинский тоже не проник.

Он выбросил пистолет, пришедший в негодность, и вернулся в Восточный Берлин. С помощью своих кураторов обзавелся другим набором ключей, один из которых все-таки подошел. Ночью Сташинский забрался в подъезд и на четвертом этаже обнаружил табличку с фамилией Попель.

Сташинский получил еще один специальный газовый пистолет. Расчет был на то, что патологоанатом, как и в случае с Ребетом, решит, будто причина смерти – сердечная недостаточность. Самого Сташинского вновь снабдили нейтрализующими таблетками и ингалятором, дабы он сам не погиб от ядовитых паров.

Таблетку он принимал за завтраком и весь день следил за Бандерой, выбирая удобный момент. 15 октября 1959 года он тоже дежурил возле его дома. Около часа дня увидел знакомую машину: Бандера приехал домой обедать, предварительно заглянув со своей секретаршей на рынок.

Богдан Сташинский быстро забежал в подъезд, выждал минуту и, уже не спеша, двинулся вниз по лестнице, навстречу Бандере. Он действовал совершенно хладнокровно.

Степан Андреевич поставил машину в гараж. Одной рукой он держал бумажный пакет с только что купленными помидорами, а другой пытался вытащить ключ, застрявший в замочной скважине.

Сташинский участливо спросил:

– Что, замок испортился?

Бандера ответил:

– Нет, все в порядке.

При этом он посмотрел на незнакомца. Сташинский поднял пистолет, завернутый в газету, и выстрелил Бандере прямо в лицо... Вождь ОУН* еще сумел подняться на третий этаж, прежде чем смертельный яд его свалил. Услышав хрип умирающего, выскочили соседи, которые увидели на полу человека, которого они знали как Сте-

фана Попеля. Рядом валялся пакет с рассыпавшимися помидорами.

Бандера умер по дороге в больницу. Первоначальный диагноз – травма черепа из-за падения на лестнице. Но лицо пошло синими и черными пятнами. Это насторожило полицейских. Более тщательное, чем обычно, вскрытие показало, что его отравили цианистым калием. 20 октября его похоронили на мюнхенском кладбище. Никто тогда не мог предположить, что очень скоро тайна его смерти будет раскрыта...

На следующий день после уничтожения Бандеры Сташинский был уже в Восточном Берлине, где его поздравляли с удачно выполненным заданием.

3 ноября 1959 года постановлением президиума ЦК КПСС был утвержден проект указа президиума Верховного Совета СССР о награждении Богдана Николаевича Сташинского орденом Красного Знамени.

В сопроводительной записке заместитель председателя КГБ и куратор Первого главного управления (внешняя разведка) генерал-полковник Петр Иванович Ивашутин писал, что Сташинский «в течение ряда лет активно использовался в мероприятиях по пресечению антисоветской деятельности украинских националистов за границей и выполнил несколько ответственных заданий, связанных с риском для жизни».

6 ноября председатель президиума Верховного Совета СССР маршал Климент Ефремович Ворошилов подписал закрытый указ. Сташинского привезли в Москву получать награду. Это была высокая честь. Богдану Николаевичу вручил орден сам председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин.

Председатель КГБ говорил о блестящем будущем, которое ожидало молодого чекиста. Богдану Николаевичу невероятно нравилась шпионская работа, он просто наслаждался своей новой жизнью. Но большим планам госбезопасности помешала любимая женщина Сташинского.

В ГДР на танцах он познакомился с девушкой по имени Инге Польш. С благословения начальства у них начался роман. Она работала в парикмахерской. Ее отец владел авторемонтной мастерской. Сташинский и Инге Польш обручились. Богдан Николаевич попросил у председателя КГБ разрешения вступить с немкой в брак.

Шелепин наставительно объяснил, что чекисту-нелегалу позволительно жениться только на проверенном человеке, на женщине, способной стать надежной подругой и помощницей. Тем более что Сташинскому предстоит пройти переподготовку и получить новое задание – на сей раз в Англии или в Соединенных Штатах.

– Работа вас ждет нелегкая, но почетная, – со значением сказал ему Шелепин.

Сташинский стоял на своем. Он доказывал, что его невеста будет таким же верным человеком, как и он сам.

Доброжелательно настроенный Шелепин, недавний вождь комсомола, сдался.

Герою позволили вернуться в Восточный Берлин, чтобы он забрал Инге Польш.

23 апреля 1960 года они поженились – сначала зарегистрировали отношения, а потом обвенчались в церкви. В представительстве КГБ затею с венчанием не одобрили, но Сташинский настоял на своем – он должен вести себя как настоящий немец.

Когда Богдан Николаевич признался невесте, что он на самом деле не польский немец, а сотрудник советской разведки, она не обрадовалась. Предложила вместе бежать на Запад. Сташинский не хотел:

– Мне предстоит учеба. После этого они так и так пошлют нас на Запад. Тогда мы и решим, что нам делать.

В мае с документами на имя супругов Крыловых они приехали в Москву на инструктаж и переподготовку. Поселили их в служебной квартире, которая прослушивалась, и Сташинский это обнаружил. Обиделся и пожаловался сво-

ему начальству, чего делать не следовало. Чекист обязан понимать необходимость контроля и проверок. Начальство и без того было весьма разочаровано: герой-ликвидатор оказался не таким уж надежным и исполнительным оперативником, каким казался.

Когда Инге забеременела, Сташинский, как положено, доложил начальству, что в семействе ожидается пополнение.

– Вам придется сделать аборт или оставить ребенка в детском доме, – таков был категорический ответ куратора. – С учетом вашего будущего задания ребенок вам будет только мешать.

Но они оба хотели ребенка. Богдан и Инге пребывали в отчаянии. Инге сказала, что поедет рожать домой, тогда их ребенок станет гражданином ГДР.

– Когда ты родишь, – согласился Сташинский, – то напишешь личное письмо Шелепину. Он нам не откажет, он разрешит мне поехать к тебе. Тогда мы уйдем на Запад втроем.

КГБ разрешил Инге вернуться на родину, в социалистическую ГДР. 31 марта 1961 года она родила мальчика. Его назвали Петером. Вытащить мужа из Советского Союза Инге не смогла. Она решила вернуться к Богдану. Накануне ее отъезда произошло несчастье: ребенок заболел и умер.

В полном отчаянии она позвонила мужу:

– Петер мертв!

Сташинский попросил, чтобы ему разрешили поехать на похороны сына – в такую трагическую минуту он не может оставить жену одну. В Комитете госбезопасности сочли за благо отпустить его, боясь, что иначе он сорвется с тормозов.

В ГДР они с женой должны были обязательно ночевать на объекте представительства КГБ в Карлсхорсте. Если он куда-то направлялся, то обязан был предупреждать свое начальство. За ним присматривали.

12 августа 1961 года, в субботу, чекисты отвезли Сташинского в дом тестя. Несколько часов вся семья провела в приготовлениях к похоронам мальчика, назначенным на следующий день. После обеда Богдан и Инге вышли из дома через черный ход и несколько километров до ближайшего города прошли пешком. Там взяли такси и доехали до Восточного Берлина. Сменили машину и добрались до вокзала. Из одного сектора Берлина еще можно было свободно перейти в другой. Восточногерманская полиция даже не проверила у них документы. Вечером они были в Западном Берлине и обратились к американцам. Когда Сташинский признался, что работает на КГБ, их вывезли в ФРГ.

Богдан Сташинский обо всем рассказал западногерманской полиции. Он вовремя бежал. На следующий день, 13 августа, появилась стена, надолго отделившая Восточный Берлин от Западного.

19 августа первый заместитель начальника внешней разведки генерал Федор Константинович Мортин отправил шифротелеграмму в Киев председателю КГБ Украины генералу Никитченко:

«Сообщаю, что 12 августа 1961 года из демократического сектора гор. Берлина исчез агент Тарас.

Предлагаю в связи с этим обеспечить агентурным наблюдением его родственников, проживающих в республике, и поставить на «ПК» (политконтроль, это перлюстрация писем. – *Авт.*) всю их переписку.

Наряду с этим предлагаю на основании имеющихся в делах материалов подготовить хорошо аргументированный материал, который мог бы его компрометировать как оуновского бандита, бежавшего от советского правосудия и используемого иноразведкой в своих подрывных целях. Предполагается использовать этот документ в том случае, если Тарас начнет выступать с какими-нибудь антисоветскими заявлениями.

Указываю на необходимость проведения всех мероприятий по делу «Тарас» с соблюдением самой строгой конспирации».

Следствие шло долго – больше года. Сташинского судил Федеральный суд в Карлсруэ. На суде выступала дочь Бандеры Наталья:

– Как раз сегодня исполняется три года, как мой отец умер по дороге в больницу. По свидетельству подсудимого, мой покойный отец был преступно убит с помощью отравленного оружия. Это не первое убийство в нашей семье. Почти все родственники моего покойного отца и моей матери погибли от вражеских рук.

В семье боялись не только и не столько смерти, преследовала мысль о похищении:

– Я хочу вернуться к признаниям подсудимого, когда он говорит, как начальник его успокаивал, говоря, что дети Бандеры будут еще «благодарить» его за этот поступок. Это циничное заявление указывает на то, что КГБ планировал схватить нас, детей, вывезти в Советский Союз, сломать наше сопротивление теми ужасными способами, которые там практикуются, и сделать из нас коммунистов, чтобы мы осуждали нашего родного отца...

Служившие тогда на Украине ветераны-чекисты повторяли: вождя ОУН* следовало ликвидировать раньше. А его убили, когда он уже стал политическим трупом. Тер акт скорее реанимировал Бандеру. Вся эта история – выстрел из газового пистолета в Мюнхене, суд в Карлсруэ, громкие обвинения в адрес советской власти – получила огромный резонанс. Это позволило поклонникам канонизировать Бандеру, представшего в роли героя и невинной жертвы. А он не был ни тем ни другим.

На Западной Украине Степана Бандеру и его соратников многие рисуют борцами против тоталитарных режимов – за свободу и независимость украинского народа. В каком-то смысле сбылись слова его дочери:

– Мой незабвенный отец был глубоко верующим христианином и погиб за Бога и независимую, вольную Украину – за свободу всего мира. Мой блаженной памяти отец, олицетворявший этот великий идеал, останется путеводной звездой всей моей жизни, так же как и жизни моего брата и моей сестры и украинской молодежи.

Христианского в методах Степаны Бандеры, с юности сделавшего ставку на террор, было немного. Он и его соратники были фанатиками и радикалами. Они исходили из того, что Украина – только для украинцев, остальные народы – или враги, или просто лишние на этой земле. Организация украинских националистов* сложилась как террористическая организация. Считая русских, поляков и евреев врагами, Бандера и его люди сознательно шли на сотрудничество с Третьим рейхом. Они видели, как ведут себя немцы на оккупированных территориях, но это их несколько не смущало. Приветствовали военные победы вермахта и уничтожение немцами мирного населения. Действовали такими же преступными методами и придерживались той же расовой идеологии.

Если Бандера и некоторые его соратники вышли у немцев из доверия и оказались в концлагере (а кого-то и расстреляли), то не потому, что были противниками нацистской теории и практики, а потому, что им предназначалась роль подручных, а они претендовали на большее. Если связался с преступниками, не удивляйся, что сам стал их жертвой. Многие украинцы охотно служили во вспомогательной полиции, охранниками в лагерях, в карательных частях, которые сражались с партизанами, в добровольческих формированиях войск СС, из которых сформировали дивизию «Галичина».

Отряды Украинской повстанческой армии* отвлекали силы Красной армии от войны с вермахтом. Тем самым бандеровцы затягивали Вторую мировую. А пока вермахт держал фронт, внутри Третьего рейха продолжалось уни-

чтожение невинных людей. Вот в чем, в частности, вина бандеровцев...

Боролся ли Бандера за Украину? Да, боролся. Но преступными методами и в союзе с преступниками. И за какую Украину? Авторитарную, вождистскую, где разрешено было бы жить только этнически чистым украинцам. В качестве образца бандеровцам виделась усташская Хорватия, государство, созданное с благословения нацистской Германии и во многом на нее равнявшееся. В структурах, подчиненных Бандере, выделилась хорошо организованная Служба безопасности. Эсбистами были те, кто еще до войны прошел через немецкую спецшколу. Они убивали всех, кто подозревался в сотрудничестве с «москалями», в том числе учителей, руководителей клубов и врачей.

Беда в том, что в советские времена все скрывалось. История десятилетиями сознательно искажалась и препарировалась! В результате нелюбовь к советской власти придала героические черты всем, кто с ней сражался. Вокруг Бандеры, ОУН*, УПА* сложились легенды и мифы, которых они не заслуживают. Мифы живут долго, но не становятся от этого правдивее...

Процесс продолжался с 8 по 15 октября 1962 года. Приговор – восемь лет тюремного заключения, суд учел чистосердечное раскаяние и сотрудничество со следствием. Богдан Сташинский отсидел четыре. В 1966 году Сташинского выпустили из тюрьмы. Ему и его жене подготовили новые документы, и они исчезли. Считается, что одна из западных спецслужб взяла на себя заботу о нем – в обмен на информацию о том, как действует система уничтожения врагов советской власти за границей. А ему было что рассказать.

Писали, будто ему сделали пластическую операцию, и Богдан Сташинский исчез навсегда. Как будто бы его переправили подальше от Европы, в Южно-Африканскую Республику. В ту пору между ЮАР и СССР не было дипломати-

ческих отношений, и советские люди на юг Африки не попали, так что там он мог чувствовать себя в безопасности.

ГРУППА «А»

Главным виновником убийства Степана Бандеры западногерманский судья признал советское правительство. В Москве после столь громкого скандала решили подобные акции проводить за границей только в крайнем случае. Сменивший Никиту Сергеевича Хрущева в кресле руководителя партии Леонид Ильич Брежнев тоже придерживался этой позиции.

А в первых числах сентября 1971 года к англичанам ушел офицер лондонской резидентуры советской разведки майор Олег Адольфович Лялин. Это стало для англичан желанным поводом для массовой высылки советских разведчиков. Англичане давно выражали неудовольствие раздутыми штатами советских представительств в Лондоне.

Советских дипломатов в Англии было много больше, чем английских в Москве. Англичане подозревали, что настоящих дипломатов среди них немного. И верно – резидентуры КГБ и ГРУ, военной разведки, разрослись в немалой степени за счет людей, желавших пожить в прекрасном городе Лондоне. Считается, что в Англии осело больше разведчиков, чем в Соединенных Штатах. И британская контрразведка просто не в состоянии была за ними уследить.

Генерал-майор госбезопасности Виктор Георгиевич Буданов в 1971 году находился в Лондоне в своей первой загранкомандировке. Он рассказывал мне:

– После перехода Лялина на их сторону мы знали: что-то последует, но никогда не думали, что против нас будет предпринята акция таких масштабов. В истории разведки такого не было.

24 сентября 1971 года англичане выслали из страны сто пять советских граждан. Лялин выдал всех, кого знал, и резидентуру пришлось формировать заново. Англичане ввели квоты на советских работников, и вернуть в Лондон столько же людей, сколько там было прежде, не удалось.

– Лялин занимал крупный пост в резидентуре? – спросил я генерала Буданова.

– Он был рядовым оперативным сотрудником, официально работал в торгпредстве старшим инженером.

– А что послужило поводом для его ухода к англичанам?

Олег Лялин, по мнению генерала Буданова, в отличие, скажем, от бежавшего позднее к англичанам полковника Олега Антоновича Гордиевского, исполнявшего обязанности резидента в Лондоне, не был сложившимся агентом. Он был очень импульсивным человеком, много пил. А когда человек постоянно пьет, вся психическая структура подвергается изменениям. Ему свойственны неадекватная реакция, повышенная возбудимость.

Лялина задержала британская полиция за нарушение правил уличного движения. С точки зрения Буданова, это был предлог. Если речь идет о сотруднике иностранного посольства, такие задержания редко происходят без участия контрразведки. Или же контрразведчики тут же ставятся в известность и подключаются. Английская контрразведка могла знать – да наверняка знала! – о его романе с сотрудницей торгпредства Ириной Тепляковой, замужней женщиной... Англичане Лялина задержали и поговорили с ним, видимо, основательно. Такие разговоры строятся по обычной схеме. Вот мы знаем, что у тебя роман на стороне. Если об этом станет известно, тебя вернут домой, уволят из КГБ, выбросят на улицу, вся карьера рухнет...

Вряд ли он сразу принял решение, считает генерал Буданов. Скорее, обещал подумать. Его продержали в поли-

ции до утра. Если бы он решился, его бы сразу отпустили. Потому что время имеет значение: нельзя, чтобы агент выпал из поля зрения своей службы, чтобы его начали искать сотрудники резидентуры. А его продержали до утра. За ним ездил наш консул, забрал его, привез в посольство. Как назло, не оказалось на месте руководителя резидентуры, человека, которого Лялин уважал. А его заместитель к нему относился предвзято – не сошлись характерами.

И заместитель резидента сказал ему именно то, о чем Лялина предупреждали англичане: тебе здесь делать нечего, собирай вещи, в двадцать четыре часа мы тебя вернем на родину. Это было как раз то, чего делать нельзя. Даже если человек попадает в беду, даже если он оказывается на крючке, надо отнестись к нему по-человечески. Моя работа, говорит генерал Буданов, показала, что в таких ситуациях нужно больше доверия, это оправдывает себя. А после такого разговора Лялин принял окончательное решение – ах так! И ушел... А вместе с ним и любимая женщина, которая ради него оставила семью.

Не так давно британская контрразведка рассекретила документы, из которых следует, что Лялин сам обратился к англичанам еще весной 1971 года и предложил свои услуги. Он был разочарован своей карьерой и семейной жизнью. Жена с сыном перед этой историей уехали в Москву.

Майор Олег Лялин в Москве работал в отделе «В» (разведывательно-диверсионном) Первого главного управления КГБ. Отдел «В» занимался вербовкой агентуры для подрывных акций на случай войны и выявлением объектов, на которых можно будет устроить диверсии.

Лялин был по профессии моряком. Он окончил 101-ю разведывательную школу и курсы усовершенствования офицерского состава Первого главного управления КГБ СССР. В лондонской резидентуре он отвечал за

подготовку диверсионной работы в портах и на морских коммуникациях. Он сообщил англичанам планы диверсионной работы в Англии на случай войны, что, скажем, включало заражение радиоактивными веществами воды в заливе Холи-Лох (Шотландия), где находилась база американского флота. Полученными сведениями британцы поделились с американскими коллегами: «У нас нет оснований сомневаться в надежности информации, предоставленной Лялиным».

После провала Лялина отдел «В», существовавший на правах самостоятельного управления, расформировали, личный состав сократили и включили в состав управления нелегальной разведки. Подразделение стало именоваться 8-м отделом управления «С».

Решением политбюро были созданы специальные курсы при Высшей школе КГБ. Ведало ими управление нелегальной разведки. На курсах обучались примерно шестьдесят командиров оперативно-разведывательных групп, готовили их к боевым действиям в тылу врага. Принимали на учебу физически подготовленных офицеров в возрасте до тридцати лет со знанием иностранного языка. Прошедших курсы зачисляли в спецрезерв управления нелегальной разведки.

Летом 1974 года председатель Комитета госбезопасности Юрий Владимирович Андропов подписал приказ о создании группы «А» в составе Седьмого управления, которое занимается оперативной работой – обыски, аресты, наружное наблюдение. Отбирали офицеров с безупречным здоровьем. Учили их владению всеми видами оружия, приемам бесшумного захвата противника.

Командиром группы назначили героя боев на острове Даманский майора-пограничника Виталия Дмитриевича Бубенина. Его из Заполярного погранотряда вместе с семьей, ничего не объясняя, доставили в Москву. На двух черных «Волгах» привезли на конспиративную квартиру,

приказали на улицу не выходить. Потом отвезли к председателю КГБ, который рассказал о новом назначении.

Боевую учебу первые сотрудники группы «А» проходили в 106-й Тульской дивизии, выдавая себя за офицеров Главного разведывательного управления Генерального штаба.

Первое задание – участвовать в обмене руководителя чилийских коммунистов Луиса Корвалана на диссидента Владимира Константиновича Буковского, принципиального противника советской власти. Его несколько раз арестовывали, помещали в психиатрическую клинику – это был самый удобный способ избавиться от диссидентов. Но Буковский проявил редкостное мужество, от своих взглядов не отказывался и в конце концов получил тюремный срок.

Луис Корвалан был арестован после военного переворота в Чили в 1973 году. По приказу генерала Аугусто Пиночета вождя коммунистов держали в тюрьме на острове Досон. Советские руководители очень хотели вытащить Корвалана. Возникла идея обмена, которую осуществили в декабре 1976 года.

Буковского с семьей отправили в Цюрих под охраной чекистов. В Цюрихе они на руках внесли Луиса Корвалана в самолет и доставили в Москву.

В апреле 1977 года Виталия Бубенина вернули в погранвойска. Его ненадолго сменил майор Роберт Петрович Ивон из Седьмого управления. А в ноябре командиром группы назначили Геннадия Николаевича Зайцева, который станет генерал-майором и Героем Советского Союза. Группу «А» увеличили до пятидесяти шести человек.

Зайцев служил в отдельном полку специального назначения управления коменданта Московского Кремля, остался на сверхсрочную службу. Управление коменданта слили с Девятым управлением КГБ (это охрана высшего руководства страны), потом штаты сократили, и Зайцев

оказался в Седьмом управлении. Он служил в отделе, занимавшемся охраной дипломатических представительств. В 1967 году он входил в группу личной охраны Андропова.

ШТУРМ ДВОРЦА ХАФИЗУЛЛЫ АМИНА

В 1991 году ко мне в редакцию журнала «Новое время» пришел полковник Александр Викторович Морозов. В 1975–1979 годах он служил заместителем резидента внешней разведки в Кабуле. Полковник Морозов хотел рассказать, как развивались события в Афганистане, которые привели к вводу советских войск и длительной войне. Его рассказы воплотились в серию статей, которые журнал напечатал под общим названием «Кабульский резидент».

Народно-демократическая партия Афганистана, которая совершит военный переворот и придет к власти, была расколота на две фракции – «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Обе фракции ненавидели друг друга. Эта вражда в значительной степени была порождена личным соперничеством между двумя вождями – Нур Мохаммедом Тараки («Хальк») и Бабраком Кармалем («Парчам»).

Офицеры-халькисты давно были готовы взять власть в стране и свергнуть Мохаммеда Дауда, который был главой государства и премьер-министром. Но военный переворот спровоцировал сам Дауд.

В ночь с 25 на 26 апреля 1978 года были арестованы Тараки, Кармаль и другие члены ЦК НДПА. Еще одного члена ЦК из фракции «Хальк» Хафизулла Амина забрали не ночью, а под утро. И он успел передать своим соратникам в армии сигнал к выступлению. Один из участников заговора сообщил обо всем советским разведчикам. Если бы советская разведка предупредила президента Дауда, судьба Афганистана пошла бы иным путем. Остались бы живы и сотни тысяч афганцев, и пятнадцать тысяч совет-

ских солдат. При Дауде Афганистан был прекрасным соседом нашей стране...

Офицеры-халькисты взяли штурмом президентский дворец и перестреляли Дауда и его окружение. Нападавшие получили приказ не брать президента в плен. Халькисты боялись, что если президент уцелеет, он рано или поздно попытается вернуть себе власть.

Поначалу «Хальк» и «Парчам» по-братски поделили власть. Нур Мохаммед Тараки стал председателем Революционного совета и премьер-министром. Бабрак Кармаль – заместителем председателя Ревсовета и премьер-министра. Хафизулла Амин – заместителем премьер-министра и министром иностранных дел. Но между победителями сразу же началась грызня...

Позднее, работая на телевидении, я познакомился еще с одним человеком, который наблюдал начало афганской трагедии с близкого расстояния.

Я снимал фильм об уже покойном Александре Николаевиче Шелепине, который был членом политбюро, секретарем ЦК и председателем КГБ. А Валерий Иннокентьевич Харазов учился с Шелепиным в одной школе в Воронеже. Они дружили с пятого класса и прошли вместе через всю жизнь. Харазов тоже был партийным работником, он стал вторым секретарем ЦК Компартии Литвы, кандидатом в члены ЦК КПСС. Но его карьера была сломана из-за того, что он не захотел порвать с попавшим в опалу Шелепиным.

Такая верность дружбе произвела на меня сильное впечатление. И я с большим доверием отношусь к рассказам Валерия Харазова, который сразу после апрельской революции приехал в Афганистан во главе первой группы партийных советников. Харазов познакомил меня еще и с генералом Василием Петровичем Заплатиным, который был советником начальника Главного политического управления афганской армии.

Генерал Василий Заплатин приехал в Афганистан в конце мая 1978 года. Валерий Харазов – в первых числах июня, то есть они оба появились там буквально через месяц после апрельской революции 1978 года.

Новые афганские лидеры собирались строить в стране социализм по советскому образцу. Но наши советники, первыми прибывшие в Кабул, увидели такую сложную и запутанную картину афганской жизни, о которой советские руководители в Москве имели весьма приблизительное представление.

Тараки желал быть единоличным хозяином страны, а Бабрак Кармаль не соглашался на роль второго человека. Тем более что вторым фактически становился Хафизулла Амин, которого продвигал Тараки.

– Все министры-халькисты были веселы, довольны, постоянно улыбались, – вспоминает Валерий Харазов. – Они взяли власть, они руководили страной. А парчамистов они обливали грязью.

Фантастическая амбициозность Тараки и Бабрака Кармаля не позволяла им наладить элементарное сотрудничество. Валерий Харазов рассказывал, как буквально через два дня после приезда советских гостей принял сам Тараки:

– Настроение у него было приподнятое. Он рассказывал о ситуации в стране, и чувствовалось, что он находится в состоянии эйфории после революции, которую так легко удалось осуществить. Он говорил, что революция в Афганистане может быть примером для всех стран Востока.

А потом Тараки сказал советским гостям:

– Вам хочет сделать заявление Бабрак Кармаль.

Вошел мрачный человек, поздоровался, сел рядом с Харазовым и, не сводя ненавидящего взгляда с Тараки, стал говорить о том, что в партии сложилось ненормальное положение. Он просит сообщить об этом в Москву. В руководстве Афганистана нет коллегиальности, все вопросы

решают два человека – Тараки и Амин. А он, Кармаль, фактически отстранен от руководства партией и страной.

Лицо у него было злобное, глаза красные, вспоминает Харазов.

– Я нахожусь в золотой клетке, – продолжал Кармаль. – Я – второй человек в партии и государстве, но я ни в чем не принимаю участия. Мне надо или притвориться больным, или уехать куда-то послом...

Тараки поступил по советским канонам: отправил Кармаля и его друзей послами в разные страны. Накануне отъезда в Прагу Кармаль вместе с двумя друзьями-парчамистами приехали на виллу корреспондента ТАСС. На этой вилле он многие годы встречался с сотрудниками резидентуры, которые с ним работали. Всю ночь Кармаль и его друзья жаловались советским разведчикам на прервности судьбы...

Одновременно с Кармалем в разные страны уехали послами еще пять видных деятелей фракции «Парчам», в том числе Наджибулла, будущий президент, который тогда отправился в Тегеран. В ночь перед отъездом Бабрак Кармаль собрал у себя лидеров фракции и сказал им:

– Я еще вернусь. И под красным флагом.

Фактически на этом ночном совещании речь шла о подготовке «Парчам» к захвату власти. Халькисты узнали о том, что произошло. Многих парчамистов сняли с высоких должностей, арестовали. Из армии выгнали чуть ли не всех командиров-парчамистов.

В мае 1979 года, вспоминал полковник Морозов, резидентура получила информацию о том, что Амин отправляет в Прагу группу боевиков с заданием убить Кармаля. Контрразведка Чехословакии обнаружила и обезвредила группу афганских боевиков, которые все-таки добрались до Праги...

Между советскими работниками в Афганистане не было единства. Партийные и военные советники считали,

что надо работать с фракцией «Хальк», которая фактически стоит у власти. Представители КГБ сделали ставку на фракцию «Парчам», которая охотно шла на контакт и казалась легкоуправляемой.

– Как правило, у нас было единое мнение с советским послом и главным военным советником, – вспоминал Харазов. – Мы все согласовывали между собой.

Но представители комитета придерживались иной точки зрения.

В практической работе Тараки был беспомощным. Амин, напротив, оказался прекрасным организатором. Амин, физически крепкий, решительный, упрямый и жестокий, обладал огромной работоспособностью и сильной волей.

Тараки называл Амина «любимым и выдающимся товарищем» и с удовольствием передавал ему все дела. Тараки не любил и не хотел работать. Его славили как живое божество, и ему это нравилось. Тараки царствовал, Амин правил. И постепенно оттеснял Тараки. Многим советским представителям в Кабуле казалось естественным, что власть в стране переходит в руки Амина, ведь Тараки не способен руководить государством.

– А у вас было ощущение, что Амин плохо относится к Советскому Союзу, что он симпатизирует Соединенным Штатам? – спрашивал я Харазова. – Ведь потом это утверждение станет главным объяснением, почему убили Амина и заменили его Кармалем.

– Амин постоянно говорил о своих дружеских чувствах к Советскому Союзу, – вспоминает Харазов. – Слухи о том, что Амин – агент ЦРУ, ходили и при нас. Основывались они на том, что он недолго учился в США и был там руководителем землячества афганцев. Но ни тогда, ни сейчас не найдено никаких подтверждений того, что он был агентом ЦРУ.

– К Советскому Союзу Амин относился с уважением и любовью, – рассказывал генерал Заплатин. – У него были

два святых праздника в году, когда он позволял себе спиртное, и это были не афганские, а советские праздники – 7 Ноября и 9 Мая.

Когда Амина убили, а с ним погибли двое его сыновей, вдова с дочками и младшим сыном поехала в Советский Союз, хотя ей предложили любую страну на выбор. Но она сказала: мой муж был другом Советского Союза, и я поеду только в Советский Союз...

«В нашей печати, – вспоминал Карэн Арменович Хачатуров, заместитель председателя Агентства печати «Новости», занимавшегося внешнеполитической пропагандой, – постоянно упоминалось об Амине как агенте ЦРУ, и в Кабуле мы поинтересовались у советского посла степенью достоверности информации.

– Амин такой же агент ЦРУ, как Берия – агент Интеллиженс сервис, – буркнул посол».

Между афганскими лидерами был не политический конфликт, а личный, это была война амбиций. Ей воспользовались наши советники, принадлежавшие к разным ведомствам. Ведомства тоже конкурировали между собой.

– Отношение к русским было тогда прекрасным, – вспоминал Валерий Харазов. – «Шурави» считались друзьями. Незнакомые люди прямо на улице приглашали нас в гости. Но все это было до ввода наших войск. После ввода войск у афганцев коренным образом изменилось отношение к русскому человеку.

Хотя недовольство новым режимом проявилось довольно быстро. В ответ начались массовые аресты реальных и потенциальных противников новой власти. Хватали многих – часто без каких-либо оснований. Арестовывали обычно вечером, допрашивали ночью, а наутро уже расстреливали. Руководил кампанией репрессий Хафизулла Амин.

Советники несколько раз разговаривали с Амином на эту тему. Ему говорили, что такая поспешность в решении

судьбы людей может привести к катастрофе. Рассказывали о трагическом опыте сталинских репрессий. Он отвечал:

– У вас тоже были большевики и меньшевики. Но пока были меньшевики, порядка в стране не было. А вот когда вы от меньшевиков избавились, все у вас стало нормально. У нас примерно такое же положение...

По словам полковника Морозова, Амин цитаты для своих выступлений находил в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», который всегда был у него под рукой. Использование советского опыта накладывалось на афганские традиции – устранять предшественников и соперников.

Один из руководителей международного отдела ЦК КПСС говорил удивленному Харазову:

– Ну что ты хочешь? Это же Восток! Там такие традиции. Когда приходит новое руководство, оно прежде всего лишает жизни своих предшественников.

Тараки первоначально был настроен оптимистически. Революция далась очень легко. Тараки был уверен, что и дальше все будет хорошо, никаких осложнений не возникнет. Тем более что Афганистану помогает Советский Союз. Но все пошло иначе.

Страна сопротивлялась социалистическим преобразованиям. Афганцы не спешили становиться марксистами. Очень быстро сопротивление стало вооруженным. В марте 1979 года вспыхнул антиправительственный мятеж в крупном городе Герате. К мятежникам присоединились части гарнизона, был убит один из наших военных советников.

Именно после восстания в Герате испуганный Тараки упросил Москву принять его. Он прилетел и долго уговаривал советское руководство ввести войска. Тогда ему отказали. Видя, что происходит, Амин стал действовать активнее. Он считал, что Тараки не в состоянии удержать власть.

Осенью 1979 года Тараки летал на Кубу. На обратном пути остановился в Москве. С ним беседовал Леонид

Ильич Брежнев, плохо отзывался об Амине, говорил, что от этого человека надо избавиться. Тараки согласился. Но как это сделать?

Председатель КГБ Юрий Андропов успокоил Тараки: когда вы прилетите в Кабул, Амина уже не будет... Но не получилось!

Амина в общей сложности пытались убить пять раз. Успешной оказалась только последняя попытка. Два раза его хотели застрелить, еще два раза – отравить.

Генерал Александр Антонович Ляховский, служивший в оперативной группе Министерства обороны в Афганистане, рассказывал мне, как два советских снайпера из спецотряда КГБ «Зенит», созданного для проведения спецопераций в стратегическом тылу противника, подстергали президента Амина на дороге, по которой он ездил на работу. Но акция не удалась, потому что кортеж пронесся с огромной скоростью.

С отравлением тоже ничего не получилось. Стакан кока-колы с отравой вместо него выпил племянник – Асадула Амин, шеф контрразведки, и тут же в тяжелейшем состоянии был отправлен в Москву. Здесь его вылечили, а потом вернули в Афганистан, у власти уже был Бабрак Кармаль, и его казнили...

Когда в Кабуле Тараки вышел из самолета и увидел Амина, которого уже не должно было быть в живых, он был потрясен. Но два врага обнялись как ни в чем не бывало.

14 сентября 1979 года советский посол приехал к Тараки и пригласил туда Амина. Тот ехать не хотел, но советскому послу отказать не мог. Во дворце Тараки в Амина стреляли, но он остался жив и убежал. Это уже было объявлением войны.

Тараки приказал армии уничтожить Амина. Но войска кабульского гарнизона в целом остались на стороне Амина. В Москве действовали нерешительно. Хотели отправить отряд спецназа охранять Тараки, но в последний

момент приказ отменили. Отряд «Зенит» ждал приказа взять штурмом резиденцию Амина. Но приказа не последовало...

На следующий день Тараки был изолирован. 16 сентября в здании Министерства обороны прошло заседание Революционного совета, а затем пленум ЦК партии. Тараки потерял должности председателя Революционного совета и генерального секретаря. Оба поста достались Амину. Первым делом он взялся уничтожать своих противников – расстрелял несколько тысяч человек. Тараки задушили.

Президент Хафизулла Амин попросил о встрече с Брежневым. Но когда Тараки задушили, судьба Амина была решена. Брежнев считал это личным оскорблением: он гарантировал безопасность Тараки, а его убили.

– Что скажут в других странах? – переживал Леонид Ильич. – Разве можно верить Брежневу, если его заверения в поддержке и защите остаются пустыми словами?

Леонид Ильич санкционировал спецоперацию в Кабуле. В качестве прикрытия сразу же придумали версию, будто Амин – агент ЦРУ. Началась переброска наших спецподразделений в Афганистан.

«Власть в стране решено было передать в руки Бабрака Кармаля, – пишет в своих воспоминаниях начальник внешней разведки Владимир Александрович Крючков. – Его следовало доставить в Кабул из Чехословакии».

На заседании политбюро 6 декабря 1979 года было принято решение согласиться с предложением Андропова и начальника Генерального штаба маршала Огаркова отправить «для охраны резиденции Амина» специальный отряд Главного разведывательного управления Генштаба «общей численностью около 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежность к Вооруженным силам». Этот батальон и взял потом штурмом дворец Амина.

Решение о вводе войск, принятое 12 декабря 1979 года, было оформлено совершенно секретным постановлением

политбюро № П 176/125. Вот как выглядит этот документ, подписанный Брежневым:

«К положению в «А»:

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера. Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе исполнения намеченных мероприятий».

Подготовкой операции в Кабуле руководили генерал Вадим Алексеевич Кирпиченко, заместитель начальника внешней разведки, и старший представитель КГБ в Афганистане генерал Борис Семенович Иванов. 19 декабря 1979 года им в помощь отправили нового начальника нелегальной разведки Юрия Ивановича Дроздова, недавнего резидента в Нью-Йорке. Именно ему подчинялись офицеры-оперативники, служившие в 8-м отделе управления «С» – «террор и диверсии в тылу противника и за границей».

Генералы-разведчики доложили в Москву, что уничтожить Амина и заменить его Кармалем невозможно без поддержки армии. Поэтому в Кабул 25 декабря была переброшена 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия.

Утром 26 декабря начальник Генерального штаба афганской армии генерал Мохаммед Якуб (он тоже будет убит) доложил президенту Амину, что в страну почему-то прибывают советские войска.

– Ну что тут особенного? – ответил Амин. – Чем больше прибудет, тем лучше.

Бабрака Кармаля доставили на авиабазу Баграм. Ее контролировали советские войска и спецслужбы, поэтому президент Амин и не предполагал, что его соперник тайно прибыл в Афганистан.

Предполагалось, что Амин сам заявит о том, что по его приглашению советские войска входят в Афганистан, а уже потом его уберут. С пропагандистской точки зрения так было бы правильнее. Уже объявили, что Амин выступит по телевидению.

Но поторопились. 27 декабря Амин устроил у себя торжественный обед в честь секретаря ЦК НДПА Панджшери, вернувшегося из Москвы. Спецсредство, примененное к пище шеф-поваром – нелегалом КГБ, работавшим в президентском дворце, свалило всех гостей Амина. Выступить по телевидению президент Афганистана уже не смог.

Прежде чем Амин потерял сознание, он попросил советского посла прислать врачей – своим не доверял. А посол и не подозревал, что КГБ проводит за его спиной спецоперацию в Кабуле! Советские врачи – терапевт полковник Виктор Петрович Кузнеченков и хирург полковник Анатолий Владимирович Алексеев – спасли президента Афганистана только для того, чтобы его через несколько часов расстреляли спецназовцы. Они же в горячке боя убили и одного из советских врачей – Виктора Кузнеченкова.

Кто штурмовал дворец?

Так называемый «мусульманский батальон» – 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ, который сформировали на базе 15-й отдельной бригады специального назначения Туркестанского военного округа. Брали в него таджиков, узбеков и туркмен.

Группа офицеров КГБ, которая училась на курсах усовершенствования оперативного состава. Сотрудники военной контрразведки, группы «А» и отряда специального на-

значения КГБ «Зенит», предназначенного для проведения спецопераций в стратегическом тылу противника. И еще рота из 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка.

Будущий генерал-лейтенант внешней разведки Александр Титович Голубев рассказывал корреспонденту газеты «Красная звезда»:

– Питались кашей и сухарями давно прошедшего года выпуска. В это время в Афганистане днем жарко, а вечером очень холодно. Мы спали, одевшись, укрывались всем тем, что у нас было, – и шинелями, и бушлатами. Буржуйки палаток не согревали. Уж не говорю, что были проблемы с водой, даже чтобы умыться...

Почему не позаботились об экипировке своих людей, не снабдили их теплыми вещами, не организовали питание, объяснить невозможно.

Перед штурмом выдали по сто грамм и бутерброды с колбасой. Водку выпили, а есть не стали – на случай ранения в живот. Все были в афганской форме, офицеров предупредили: в случае неудачи не признаваться, что они из советского спецподразделения.

В 19:15 на боевых машинах пехоты двинулись к дворцу. На требование афганцев остановиться не реагировали, и охрана дворца открыла огонь. Одну из БМП подбили. Высадка с машин была самой опасной. Хотя «мусульманский батальон» вел по окнам дворца уничтожающий огонь из самоходных зенитных установок «Шилка». На них установлены счетверённые автоматические пушки. Темп стрельбы – 3400 снарядов в минуту.

«За час до штурма дворца, – вспоминал включенный в отряд «Зенит» сотрудник Ярославского областного управления госбезопасности Ф.Ф. Ильинский, – кто-то принес бронежилеты (хватило не всем), трассирующие боевые пули. Дали каждому по узкому бинту, из которого следовало сделать нарукавную повязку на левой руке, чтобы

этим отличаться от солдат-афганцев из охраны. Средневековый способ определения «свой-чужой» себя не оправдал: бинты свернулись в веревочки и были незаметны. В дальнейшем это стало одной из причин случайных жертв с нашей стороны.

Во дворец мы пробились, когда охрану частично перебили. Оставшаяся аминовская личная стража, состоявшая из афганцев-выпускников Рязанского училища ВДВ, отчаянно сопротивлялась...

Раненых отправили в госпиталь, некоторым понадобилось переливание крови, но ее в запасе не оказалось. А мне подумалось: «Неужели нельзя было создать резерв на период пребывания госпиталя в Кабуле?» Любой из нас регулярно сдавал бы кровь на всякий случай, для себя и для других».

Спецгруппами КГБ, штурмовавшими дворец Амина Тадж-Бек, непосредственно командовал полковник Григорий Иванович Бояринов. В Москве он руководил курсами усовершенствования оперативного состава. Сам преподавал тактику разведывательно-диверсионных групп. При штурме полковник погиб. Бояринову посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Атакующие действовали, как в кинофильмах: бросок гранаты, автоматная очередь – и, переступая через трупы, вперед. Как вспоминал один из участников штурма, все ковры в коридорах дворца пропитались кровью, когда на них наступали, они хлюпали: «Не знаю, чем была обусловлена такая жестокость, но был приказ не щадить никого».

При этом было убито большое количество афганцев, которые, умирая, не могли поверить, что в них стреляют лучшие друзья. До последней секунды не верил в это и президент Амин. Во дворец доставили бывшего министра госбезопасности Асадуллу Сарвари. Он опознал тело. Рассказывают, что Амину отрезали голову и в полиэтилено-

вом пакете доставили в Москву – отчитаться о проделанной работе. Обезглавленное тело завернули в ковер и закопали рядом с дворцом.

Полковник Олег Ульянович Шве́ц из Главного разведуправления Генштаба рассказал газете «Военно-промышленный курьер», как вытащил из дворца тела убитых сыновей Амина, приказал солдатам завернуть каждое тело в ковер и похоронить. Останки самого Амина закопал заместитель командира «мусульманского батальона» капитан Мурад Таймасович Сахатов. Он предложил Швецу показать место, где зарыли убитого президента, но тот отказался:

– Всякое в жизни бывает, а когда не знаешь, спишь спокойнее.

Кабульское телевидение прекратило вещание, и только когда все совершилось, неизвестная радиостанция выдала в эфир обращение Бабрака Кармаля, который объявил, что Амин свергнут и по приговору народного суда казнен.

Полковник Александр Кузнецов работал в Афганистане военным переводчиком:

– Я находился в ту ночь на узле связи. Когда представитель КГБ генерал Иванов получил сообщение о том, что Амина больше нет, он меня расцеловал: все, мы победили!

30 декабря 1979 года генералы Кирпиченко и Дроздов через Самарканд вылетели в Москву. 31 декабря 1979 года они доложили Андропову об успешно проведенной операции. Андропов обещал всех наградить и приказал всем участникам акции все забыть, а документы, связанные с убийством Амина, уничтожить.

Награды потом вручал сам председатель Комитета госбезопасности.

– Всем налили шампанского, – вспоминал генерал Голубев, – выпили, но Юрий Владимирович сказал так: «Эти ордена боевые, они завоеваны кровью, их шампанским не

обмоешь. Езжайте домой и выпейте водки!.. Но забудьте, где вы были и что делали».

Тайные операции чрезвычайно соблазнительны простотой, дешевизной и секретностью. Потом, правда, все оказывается иначе, но ведь это потом...

Появление советских солдат в мусульманской стране пробудило радикальный политический ислам. Стало желанным поводом начать джихад, священную войну против неверных. Высшие религиозные инстанции суннитского мира объявили, что защита Афганистана от внешнего врага – священный долг каждого мусульманина.

По несчастливому для брежневского руководства стечению обстоятельств через месяц после ввода советских войск в Белом доме обосновался Рональд Рейган. Он рад был помочь советскому руководству поглубже увязнуть в афганской войне.

Президент Пакистана генерал Мохаммад Зия-уль-Хак обучал афганцев воевать. Китай давал оружие моджахедам, чтобы ослабить Советский Союз. Саудовская Аравия финансировала войну. Все видные семьи королевства работали в комитетах по сбору средств для джихада. Семья бен Ладенов делегировала Усаму. После возвращения из Афганистана Усама бен Ладен создал террористическую группу «Аль-Каида»*.

Никогда не забуду, как ехал из Кабула домой через Саланг, трехкилометровый тоннель в горном хребте Гиндукуш. Через Саланг проходил главный путь снабжения расквартированной в Афганистане советской 40-й армии.

Езда по горному серпантину приятно горячит кровь. Если смотреть на верхушки гор, уже покрывшихся снегом, можно решить, будто попал в курортное местечко. Но стоило глянуть вниз, и дыхание перехватывало. Не из-за страха высоты. Там, под откосом, – нескончаемое кладбище подбитых и сожженных советских машин.

Каждый километр был полит кровью наших ребят. На узкой горной дороге, где ни свернуть, ни увеличить скорость, советская бронетехника, грузовики и бензовозы становились легкой добычей. Сначала, стреляя с соседних гор, афганцы подбивали первую машину, и колонна останавливалась, потом последнюю, чтобы никому не дать уйти. И дальше уничтожали одну за другой. В горящем бензине сгорали молодые жизни...

Безоблачное небо над Кабулом было исчеркано запятыми: взлетая и садясь, самолеты «Аэрофлота» и афганской «Арианы» отстреливали тепловые снаряды, чтобы обмануть «Стингеры». В городе были слышны выстрелы. Из Кабула я улетел на вертолете. Его тоже обстреляли.

С президентом Наджибуллой, недавним начальником афганской госбезопасности, я разговаривал в здании ЦК партии «Отечество», где все казалось знакомым: те же крашенные масляной краской коридоры, как в любом нашем обкоме, те же желтушные телефонные аппараты правительственной связи, только вместо выпуклого советского герба на диске – цветной афганский.

Я спросил президента: не считает ли он, что апрельская революция была ошибкой?

– Идеи и цели революции, – ответил Наджибулла, – были правильны. Но попытки построить коммунистическое общество быстрее, чем в Советском Союзе, – ошибка...

Без советской помощи он продержался недолго. Когда талибы вошли в Кабул, они жестоко расправились с бывшим президентом. Наджибуллу мучили, отрезали ему половые органы. Вывесили на площади уже мертвое тело. После апрельской революции из всех лидеров Афганистана своей смертью умер только один Бабрак Кармаль. Остальных убили.

Апрельская революция, ввод советских войск, междоусобная война, оружие, которое щедро раздавали

афганцам, – все это разрушило государство. Афганистан превратился в территорию, которую раздирают на части группы неграмотных молодых людей, вооруженных «калашниковыми». Они говорят, что исполняют веления Корана. Но они не читали эту святую книгу, потому что они неграмотны. Афганистан превратился в чудовище, которое пожирает тех, кто думал, что сумеет с ним совладать.

СКАЖИ, КТО ТВОЙ АГЕНТ

Осенью 1985 года в вашингтонской резидентуре советской внешней разведки решали важную проблему. Нужно было отозвать в Москву одного человека, но так, чтобы он ничего не заподозрил. Дома его ждал арест. Но как это сделать? Внезапный вызов на родину его только напугает, и он сбежит... Резидент нашел решение. Ему оказали доверие – ввели в состав группы, которой доверили особое задание.

Началось с того, что полковник внешней разведки Виталий Сергеевич Юрченко, находясь в 1985 году в командировке в Италии, связался с американцами.

Юрченко нравился начальству, и в апреле 1985 года его утвердили заместителем начальника 1-го (американского) отдела. А летом командировали в Неаполь для участия в разработке потенциального агента – американского радиста, служившего на военно-морской базе. 1 августа Юрченко сказал коллегам по резидентуре, что намерен осмотреть музеи, и вышел из здания посольства.

На самом деле он зашел в гостиницу напротив здания американского посольства и оттуда позвонил американцам. Когда он представился, его любезно пригласили зайти. Он пересек дорогу и рассказал американцам то, что знал.

Почему он перешел к американцам?

Полковник Виктор Иванович Черкашин, который был заместителем вашингтонского резидента, считает, что причина тому крайняя мнительность Юрченко. Высокий, атлетически сложенный человек, он постоянно подозревал у себя различные болезни. Он решил, что болен раком и жить ему осталось месяцы, если не недели.

Другая причина состояла в том, что в Вашингтоне у него завязался роман с молодой женщиной по имени Валентина, женой советского дипломата. Теперь она была в Монреале, куда перевели ее мужа. Юрченко полагал, что она присоединится к нему. И сотрудники ЦРУ организовали ему тайную встречу с Валентиной. Но она его выгнала, сказав, что она любила полковника КГБ, а не предателя.

Рухнула его надежда провести остаток жизни с любимой женщиной в комфортных условиях Соединенных Штатов. Американцы пытались его ободрить, сулили ему деньги, хороший дом в пригороде Вашингтона, организовали ему обед с директором ЦРУ. Но Юрченко впал в депрессию. Все получилось совсем не так, как он надеялся. А когда ему сообщили результаты анализов, из которых следовало, что рака у него нет, он схватился за голову:

– Что я натворил!

2 ноября 1985 года прямо из ресторана, где он обедал с опекавшим его американцем, Юрченко приехал в советское посольство и сказал, что американцы три месяца накачивали его наркотиками, но не смогли сломить волю советского разведчика...

Вашингтонская резидентура сделала все, чтобы Юрченко не ушел назад, к американцам. Собрали журналистов, и Юрченко обвинил ЦРУ в том, что его похитили. Это отрезало ему дорогу назад. Кроме того, рассчитывали, что теперь в ЦРУ с большим сомнением отнесутся к его показаниям. Его на самолете «Аэрофлота» в сопровождении офицеров резидентуры отправили домой.

Начальник внешней разведки Владимир Александрович Крючков предпочел сделать из него мужественного героя, выдержавшего все испытания и бежавшего из вражеского плена. Хотя кадровым разведчикам это не понравилось. Они считали Юрченко предателем и не понимали, как его можно награждать и поощрять.

– Я занимался Виталием Сергеевичем Юрченко, – вспоминал генерал Виктор Георгиевич Буданов из службы внешней контрразведки. – Это был самый сложный период. Я-то знал, что это предатель, а здесь разыгрывалась определенная игра, и ощущение собственной беспомощности было очень сильным. Правда, попутно мы решили одну проблему. Нам нужно было отозвать в Москву одного человека, но так, чтобы он ничего не заподозрил. Так мы оказали ему доверие – ввели в состав группы, которая доставила Юрченко в Москву.

Генерал Буданов имел в виду подполковника внешней разведки Валерия Федоровича Мартынова, который в вашингтонской резидентуре работал по научно-технической линии, а по прикрытию был атташе по вопросам культуры.

Научно-техническая разведка – очень престижное направление, но добиться успеха непросто. Считается, что Мартынов попал в ловушку, расставленную ФБР. Ему подсунили двойного агента, вербовку которого в Москве сочли большим успехом. В обмен Мартынов стал давать информацию американцам – о ситуации в резидентуре, о вербовочных планах. Коллеги считают, что он работал не ради денег, а ради карьеры. Он получил орден Красной Звезды и повышение.

А тут сотрудник ЦРУ Олдрич Эймс предложил свои услуги советской разведке. И сразу назвал имя Мартынова как агента ФБР, боясь, что тот может выдать его американцам. Судьба подполковника Мартынова была решена...

Главная ценность Олдрича Эймса состояла в том, что он назвал имена агентов американской разведки в Москве; всех расстреляли.

Вот в такие игры играла разведка. Она вербовала агентов в спецслужбах противника, чтобы узнать, кто является предателем в собственных рядах.

Подполковник Валерий Мартынов улетел на родину, не представляя, что его ждет. Когда самолет приземлился в Москве, его арестовали...

Материалы, переданные Олдричем Эймсом во время первой же встречи, позволили выявить еще одного агента ЦРУ – майора Сергея Михайловича Моторина, работавшего по линии политической разведки, он только что вернулся в Москву.

О судьбе Моторина рассказал Олег Петрович Бенюх, который работал в Агентстве печати «Новости» и редактировал издававшийся на английском языке журнал «Совет лайф»:

«Я познакомился с ним еще в Москве. Он стажировался в американской редакции АПН, и, разумеется, все сотрудники знали, что он готовится к поездке в вашингтонское бюро от «ближних соседей». Я был ему рад. Заматеревший в пекле журналистских баталий, с добродушным чувством юмора, глубоким знанием разносторонних реалий политической кухни янки, Сергей Моторин стал не только по должности, но и по сути моим первым замом. Я имею в виду работу апээновскую. Его главная деятельность меня не касалась. Обаятельный, с великолепным американским английским, он мгновенно очаровывал...

Мы с Сергеем были не то чтобы не разлей вода, но с удовольствием делили немногие свободные часы. Единственное, что мне в нем не нравилось, было тщательно скрывавшаяся тяга к красивой жизни, к роскошной еде и питью, одежде и украшениям, мебели и машинам. Эта тяга в конце концов его и погубила.

Неожиданно подступило грустное время завершения заграникомандировки Сергея. Многие в посольстве именно тогда и оценили объем и глубину его работы... Прощались с русским красавцем журналистом щедро и ласково. За день до отлета посол на «прощальном бокале шампанского» вручил майору Моторину традиционную почетную грамоту, и вскоре, после продолжительного отпуска, тот приступил к весьма перспективной деятельности в ПГУ. Юноша, сменивший Сергея, оказался довольно серым середнячком... Я вспоминал Моторина, его жажду познания, его энергию в достижении триумфа».

Но однажды резидент внешней разведки пригласил Олега Бенюха в свой кабинет, усадил в кресло, угостил отличным французским коньяком и угрюмо заметил:

– Этот Моторин-то... сукин сын оказался... Подлым предателем оказался... Да, уже расстреляли...

На Востоке торжественно принимали беглецов с Запада. На Западе раскрывали объятия перед беженцами с Востока. Но все, кто бежал на Запад, жили в страхе, потому что считались злейшими врагами советской власти. Некоторые из них исчезали или умирали при странных обстоятельствах. Для советских спецслужб принципиально важно было наказать отступника, чтобы все знали: корпорация предательств не прощает.

После побега чекиста на Запад перебежчика заочно приговаривали к высшей мере наказания, и сменявшие друг друга председатели КГБ отдавали приказ уничтожить предателя. Но организовать убийство в другой стране, да еще если человека охраняют, совсем не просто. В позднесоветские времена было решено подобные акции проводить только в самом крайнем случае, чтобы избежать громких международных скандалов. И не хотели рисковать своими разведывательными возможностями.

Впрочем, перебежчик все равно не верил, что его не станут искать, и остаток жизни проводил в страхе перед

внезапным появлением бывших товарищей по КГБ. Во всяком случае, бывший начальник управления нелегальной разведки генерал Юрий Иванович Дроздов написал в своей книге: «Приговор, вынесенный ему, остается в силе, и никакие конъюнктурные поблажки не отменят его». Генерал Дроздов имел в виду полковника Олега Гордиевского, исполнявшего обязанности резидента в Англии, чье бегство в 1985 году стало самым громким провалом советской разведки. Но эти слова приняли на свой счет и другие перебежчики.

Часть третья

ОДНА ИСТОРИЯ ЗАГАДОЧНЕЕ ДРУГОЙ

БОМБА В ДЖИПЕ

13 февраля 2004 года в столице Катара городе Дохе с помощью радиоуправляемого устройства взорвали джип «Тойота-Лендкрузер» Зелимхана Яндарбиева. Когда-то его имя часто мелькало в новостях. Зелимхан Яндарбиев был поэтом, учился на Высших литературных курсах при Литературном институте имени Горького в Москве, вступил в Союз писателей и в КПСС, редактировал детский журнал «Радуга».

А по совместительству он был одним из идеологов чеченского национального движения. Он стал вице-президентом у генерала Джохара Дудаева. В 1991 году генерала избрали президентом непризнанной Чеченской Республики Ичкерия. После смерти Дудаева в апреле 1996 года Яндарбиев некоторое время руководил Ичкерией.

27 мая 1996 года именно Яндарбиев прибыл в Москву и подписал с президентом России Борисом Николаевичем Ельциным договоренность «О прекращении огня, боевых действий и мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики». С генералом Дудаевым Ельцин не хотел разговаривать, а в результате сел за стол переговоров с куда более непримиримо настроенным человеком.

Зелимхан Яндарбиев был главным идеологом отделения от России и войны с Россией. По его приказу в августе

1996 года боевики атаковали Грозный. Но руководителем Ичкерии стал полковник Аслан Масхадов, а более радикальный Яндарбиев ушел в оппозицию.

Когда началась вторая война, руководители операции на Северном Кавказе решили довести до конца то, что не удалось в первую войну: то есть полностью подавить организованное сопротивление в Чечне, взять республику под контроль и ввести войска во все населенные пункты. Они исходили из того, что гнойник нужно уничтожить, иначе гной будет отравлять всю страну. Генералы решили наконец взять реванш. За вывод войск из Восточной Европы, за десять лет сокращений и увольнений, за неудачи прошлой чеченской войны. Генералам представилась благоприятная возможность доказать себе и всему миру, что они все могут и все умеют.

Когда война закончилась и сепаратисты потерпели поражение, Зелимхан Яндарбиев уехал из Чечни на Арабский Восток. А российские спецслужбы приступили к поиску главных боевиков.

В марте 2000 года сотрудники Центра специального назначения Федеральной службы безопасности задержали Салмана Радуева. В ноябре 2001 года начался судебный процесс. О Радуеве говорили, что у него нет полчерепа, что он вообще не в себе. Но его обследовали в Центре социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского, и психиатры увидели в нем вполне адекватно мыслящего, жестокого и ненавидящего своих врагов человека. Обвинение на процессе взялся поддерживать сам генеральный прокурор Владимир Васильевич Устинов.

Салман Радуев в январе 1996 года захватил в дагестанском городе Кизляре около двух тысяч заложников. После переговоров он большую часть заложников отпустил, а с остальными вернулся на территорию Чечни. Там его попытались остановить. Он укрылся в селе Первомайском. Взять его пытались два генерала армии – министр внутренних

дел Анатолий Сергеевич Куликов и директор Федеральной службы безопасности Михаил Иванович Барсуков.

Штурм села продолжался четыре дня, стреляли по селу из всех видов оружия. Потом офицеры жаловались на неразбериху и беспорядочность. Президент Ельцин живописно показывал, как снайперы держали на прицеле каждого боевика. Но два генерала армии не смогли справиться с бывшим инструктором чечено-ингушского обкома комсомола. Радуев вместе со своими боевиками и заложниками сбежал из села и отпустил заложников только через месяц. Растерянный Барсуков всерьез рассказывал, что Радуева не поймали, потому что боевики сняли обувь и ушли босиком по снегу.

В те дни погибло в общей сложности 78 человек. И видеть Салмана Радуева на скамье подсудимых было очень важно, это означало, что правосудие неотвратимо. Но хотелось, чтобы суд еще и выяснил обстоятельства, при которых это преступление стало возможным. Каким образом вооруженный отряд Радуева смог преспокойно войти в дагестанский город? Кто планировал и осуществлял контртеррористическую операцию, которая была проведена так бездарно?

Тем самым был бы не только наказан преступник и его подельники, но и извлечены уроки для нынешних и будущих руководителей страны, армии и специальных служб. Но суд ограничился только выяснением роли самого Радуева. Его признали виновным и приговорили к пожизненному заключению. Он просидел год и умер в колонии.

8 марта 2005 года чекистам удалось добраться до бывшего президента Ичкерии и командующего чеченской армией полковника Аслана Масхадова. Он перемещался с телохранителями по селениям, где у него были родственники. И только последние полгода своей жизни безвыездно находился в доме № 2 по улице Суворова в селении Толстой-Юрт Грозненского сельского района Чечни.

Втроем с охранниками они сидели в тесном подвале, наверх поднимались для совершения намаза – на рассвете и вечером. Целый день он проводил у компьютера.

Масхадов все еще ощущал себя президентом Ичкерии. Надеялся, что Москва вступит с ним в мирные переговоры. Его навестил Шамиль Басаев. Причем приехал один, без охраны. Они провели вместе несколько дней. Как будто бы Масхадов добивался от Басаева прекращения активных действий. Впрочем, в чеченском подполье Масхадову мало кто подчинялся. Масхадова проведаль и его будущий преемник Абдул-Халим Садулаев. Он тоже пришел и ушел незамеченным.

Похоже, Аслан Масхадов утратил бдительность. Звонить по мобильному телефону он, конечно, не решался, объяснил одному из охранников:

– Мой голос знает весь мир, меня сразу вычислят.

Но активно посылал SMS-сообщения, которые и обратили на себя внимание оперативных работников. Для его захвата прилетел из Москвы спецназ Федеральной службы безопасности. 8 марта 2005 года примерно в девять утра спецназовцы ворвались в дом на улице Суворова. Довольно быстро обнаружили подвал, где укрывался бывший президент Чечни. Спецназовцы взорвали вход. По одной версии, Масхадов погиб при взрыве, по другой – попросил телохранителей застрелить его, чтобы он не попал в плен.

Директор Федеральной службы безопасности Николай Платонович Патрушев обещал десять миллионов долларов, или триста миллионов рублей, за сведения, которые помогут отыскать Аслана Масхадова и Шамиля Басаева. В ФСБ сообщили, что деньги выплачены чеченцам, которые вывели их на след Масхадова.

Преемника Масхадова Абдул-Халима Садулаева, бывшего старшину советской армии, имама Аргунской городской мечети и руководителя Государственного телеви-

дения Ичкерии по вопросам идеологии, ликвидировали через год, 17 июня 2006 года, в перестрелке на окраине города Аргун.

Об уничтожении самого известного чеченского террориста Шамиля Басаева, который начал вторую чеченскую войну, Патрушев 10 июля того же 2006 года доложил лично президенту Путину:

– Сегодня ночью в Ингушетии была проведена спецоперация, о подготовке которой я вам докладывал ранее. Это стало возможным благодаря тому, что были созданы оперативные позиции за рубежом. Прежде всего в тех странах, в которых собиралось оружие и в последующем доставлялось к нам в Россию для совершения терактов.

О том, как именно убрали Шамиля Басаева, ходили разные слухи. Судя по всему, взорвали грузовик с боеприпасами, на котором он ехал вместе с другими боевиками. Всех разнесло в клочья, и потребовалась генетическая экспертиза, чтобы убедиться в том, что Басаева больше нет. Но главное, что его преступная деятельность закончилась. Одно время Басаевым в Чечне было принято восхищаться как героем национально-освободительной борьбы. Но в последние годы его сильно не любили, потому что басаевская жестокость и убийства мирных людей компрометировали всю республику. Смерть Шамиля Басаева вызвала у многих чеченцев чувство облегчения.

А Зелимхан Яндарбиев жил в Катаре на правах «беженца, не имеющего права заниматься политической деятельностью». Взрыв произошел в пятницу, в тот момент, когда он отъезжал от мечети. Он умер в больнице. Погибли и два охранника. Его сын, который был вместе с ним, остался жив.

Катарская полиция стремительно провела расследование и обвинила в убийстве первого секретаря российского посольства, а также временно находившихся в стране двух российских граждан – они были прикомандированы к по-

сольству. Первого секретаря, имевшего дипломатический иммунитет, объявили персоной нон грата. Он отправился на родину. Двух других полиция арестовала. Последовало неясное объяснение, что они являются сотрудниками спецслужб и выполняли задачи информационно-аналитического характера, связанные с противодействием международному терроризму.

Сразу заговорили о том, что они оба – профессионалы-подрывники из Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил России. Журналисты отметили, что если бы арестованные не имели отношения к спецслужбам, то наверняка были бы названы их подлинные имена, проявились бы их родственники.

Не согласные с этой версией возражали: настоящие профессионалы не попали бы сразу в руки в полиции.

На что некоторые специалисты отвечали: таковы, к сожалению, начальники в военной разведке, они, видно, плохо знают внешний мир – отправили за границу двух офицеров с опытом боевых действий на Кавказе, не понимая, что полиция в Катаре имеет хорошую английскую выучку...

На суде в Катаре прокурор просил смертного приговора. Адвокаты доказывали, что признания обвиняемые дали под пытками. Вызволением их занимался секретарь Совета безопасности Игорь Сергеевич Иванов, который летал в Катар и вел беседы с наследным принцем Тамимом бен Хамадом бен Халифой аль-Тани. Обоих обвиняемых приговорили к пожизненному заключению. Отсидели они меньше года. Местные власти проявили несвойственный им гуманизм, надо полагать, потому что убитый Яндарбиев был не катарцем, а иностранцем.

23 декабря 2004 года осужденных по делу об убийстве Зелимхана Яндарбиева доставили в Москву самолетом авиакомпании «Россия», которая обслуживает высшее руководство страны. В аэропорту Внуково-2 им, рассказывают, расстелили красную ковровую дорожку. С тех пор их

никто не видел. По закону их передали России, чтобы они отбывали наказание на родине. Но в местах заключения, по официальному ответу, они не находятся. Они словно исчезли.

Историю с убийством Зелимхана Яндарбиева историки разведки считают поворотной: выходит, разведка после длительного перерыва вновь приводит в исполнение смертные приговоры, вынесенные врагам государства...

ЧАШКА ЧАЯ С ПОЛОНИЕМ

На этом фоне произошла история с бывшим сотрудником госбезопасности Александром Литвиненко, чье имя когда-то оказалось в центре громкого скандала.

Началось все с того, что офицер ФСБ Литвиненко заявил, что ему приказано убить известного предпринимателя Бориса Абрамовича Березовского. 20 марта 1998 года Литвиненко пришел к Березовскому и ему об этом рассказал. А 19 апреля Березовский был назначен исполнительным секретарем Содружества Независимых Государств, то есть стал чиновником высшего ранга, и этой историей занялись в Кремле.

В кабинете заместителя главы президентской администрации генерала Евгения Вадимовича Савостьянова подполковник Литвиненко написал заявление, в котором сообщил, что приказ убить ему отдал заместитель начальника управления по разработке и пресечению деятельности преступных организаций ФСБ капитан 1-го ранга Александр Петрович Камышников.

Управление это создал тогдашний директор ФСБ генерал армии Николай Дмитриевич Ковалев и страшно им гордился. К Савостьянову в администрацию президента на Старую площадь вместе с подполковником Литвиненко пришли еще три офицера, его сослуживцы из 7-го отдела управления.

По словам Литвиненко, все происходило так. Камышников в своем кабинете поставил ему задачу:

– Есть люди, которых невозможно достать. Они накопили большие деньги, и добраться законными путями до них нельзя. Они всегда откупятся и уйдут от ответственности. И эти люди наносят большой ущерб государству. Вот ты, Литвиненко, знаешь Березовского? Ты и должен его ликвидировать.

Все рапорты Савостьянов переправил в Главную военную прокуратуру. А тем временем 25 июля 1998 года президент Ельцин отправил генерала армии Ковалева в отставку. Новым руководителем ФСБ стал Владимир Владимирович Путин. А осенью скандал с Литвиненко выплеснулся на публику.

13 ноября Березовский опубликовал в газете «Коммерсантъ» открытое письмо Путину с требованием расследовать эту историю.

17 ноября Литвиненко с четырьмя коллегами в Интерфаксе устроили пресс-конференцию, на которой повторили, что действительно получили приказ убить исполнительного секретаря СНГ Бориса Березовского, что приказ был отдан руководителями управления ФСБ, которые требовали наказать «еврея, обворовавшего полстраны». Офицеры говорили, что «такой приказ – не случайность в практике ФСБ».

В обществе по-разному отнеслись к этой истории. Многие поверили в то, что руководители ФСБ действительно могли отдать приказ кого-то убить. Это люди опытные, прошедшие большую жизненную школу, и каждый из них понимает, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Другое дело, что в частном разговоре высокопоставленный офицер мог бросить что-то вроде:

– Убил бы ты этого Березовского! Вот бы пользу стране принес.

Александр Вальтерович Литвиненко родился в Воронеже в декабре 1962 года. Служил во внутренних войсках

Министерства внутренних дел, в 1985 году окончил военное училище, получил офицерские погоны. В 1988 году его пригласили в Комитет госбезопасности. Он окончил Высшие курсы военной контрразведки и служил по линии Третьего главного управления КГБ.

Литвиненко познакомился с Березовским, когда участвовал в расследовании реальной попытки убить Бориса Абрамовича. В июне 1994 года машину Березовского взорвали, сам он чудом остался жив. Литвиненко был тогда оперативным уполномоченным управления ФСБ по борьбе с терроризмом.

Чуть позже он пришел на помощь Березовскому, которого подозревали в причастности к так и не раскрытому убийству популярного телеведущего Владислава Николаевича Листьева. Когда к Березовскому приехали офицеры регионального управления по борьбе с организованной преступностью и потребовали, чтобы он поехал с ними, Литвиненко с оружием в руках будто бы сказал:

– Кто подойдет к Березовскому – буду стрелять!

И отвел своего друга в Кремль, где тот отсиделся... Так, во всяком случае, описывал эту историю сам Березовский.

Журналисты полагали тогда, что Литвиненко решил таким образом разделаться с начальством, с которым у него не складывались отношения. Если это так, то рассчитал он все плохо. Действительно, было назначено служебное расследование, нескольких офицеров отстранили от работы. Новый директор ФСБ Владимир Путин расформировал управление по разработке и пресечению деятельности преступных организаций – любимое детище генерала Ковалева.

Но Литвиненко пришлось значительно хуже. Главная военная прокуратура заявила, что его обвинения в адрес руководства ФСБ не подтвердились. Коллеги на него сильно обиделись, предательство корпоративных интере-

сов на Лубянке не прощают. Его уволили из органов. И за него взялась Военная прокуратура. Ему припомнили все старые дела. Литвиненко и его приятелей по расформированному 7-му отделу обвинили в том, что они сами кого-то избili при обыске, на кого-то давили, добиваясь нужных показаний.

Березовский взял Литвиненко в аппарат исполнительного секретариата СНГ советником отдела по вопросам безопасности департамента военного сотрудничества и безопасности. Но это Литвиненко не спасло. В марте 1999 года его арестовала Главная военная прокуратура по обвинению в превышении полномочий с применением насилия при проведении следственных действий.

Адвокаты оспорили законность ареста в суде, и в ноябре военный суд признал Литвиненко невиновным. Сотрудники ФСБ арестовали его вновь – прямо в зале суда. Но суд вновь выпустил его под подписку о невыезде.

Осенью 2000 года бывший подполковник Литвиненко с семьей покинул Россию и через Турцию перебрался в Англию, где получил политическое убежище... Летом 2002 года его заочно судили в России и приговорили к трем с половиной годам тюремного заключения.

Александр Литвиненко в октябре 2006 года получил британское подданство. С помощью разных журналистов написал несколько книг – «ФСБ взрывает Россию», «Лубянская преступная группировка», «Вызываю себя на допрос». Многие утверждения Литвиненко вызвали серьезные сомнения, поскольку не подтверждались фактами, но рисовали картину тесного сращивания спецслужб с криминальными структурами.

Отношение к самому Литвиненко и к его словам изменилось после его убийства.

1 ноября 2006 года он встретился в Лондоне с бывшими коллегами по ведомству госбезопасности. Это были бывший сотрудник Главного управления охраны Андрей

Константинович Луговой и его друзья еще с курсантских времен – Дмитрий Вадимович Ковтун и Вячеслав Геннадьевич Соколенко. Они все окончили Московское училище Верховного Совета РСФСР.

В тот же день Литвиненко почувствовал себя плохо, всю ночь его рвало. Через три дня его положили в больницу, считая, что это пищевое отравление. Но его состояние ухудшалось так быстро, что лондонские врачи забеспокоились. Его перевели в университетскую клинику, где предположили, что он отравлен каким-то радиоактивным веществом. Этаж, где находится отделение интенсивной терапии, оцепила полиция. Но не удавалось установить само вещество.

Поздней ночью 23 ноября 2006 года Литвиненко скончался от острой сердечной недостаточности. И только за три часа до смерти врачам удалось обнаружить следы радиоактивного вещества полоний-210. Стала ясна причина смерти. Если бы полоний не нашли, его смерть не была бы признана убийством, не было бы оснований и для возбуждения уголовного дела. Возможно, убийцы на это и рассчитывали.

В Лондоне очевидно саботировали расследование, понимая, что результаты сильно испортят отношения с Россией.

Тем не менее британские следователи работали и пришли к выводу, что Литвиненко был отравлен Андреем Луговым. Сообщили, что следы полония-210 высокой концентрации найдены там, где жили Луговой и Ковтун, и в самолетах, которыми они летели.

Министерство внутренних дел Великобритании просило Генеральную прокуратуру России выдать им подозреваемого. В июле 2007 года российская Генеральная прокуратура отказалась экстрадировать Лугового: в декабре он был избран депутатом Государственной думы по списку партии Владимира Вольфовича Жириновского. А британ-

ское законодательство не предусматривает рассмотрение дела в отсутствие обвиняемых! Но тем временем отношения Москвы и Лондона сильно испортились, и правительство перестало тормозить расследование.

В 2015 году в Высоком суде Лондона началось расследование обстоятельств смерти Литвиненко. Слушания проходили открыто, и все материалы преданы гласности.

В январе 2016 года были обнародованы результаты. Судья-коронер сэр Роберт Оуэн констатировал: «Литвиненко был преднамеренно отравлен. Непосредственные исполнители – экс-сотрудник российских спецслужб Андрей Луговой и бизнесмен Дмитрий Ковтун. Они, вероятно, действовали под руководством ФСБ».

Тогдашний британский премьер-министр Дэвид Кэмерон назвал убийство Литвиненко омерзительным и «совершенным по заказу государства».

В Москве результаты расследования отвергли. Официальный представитель Министерства иностранных дел России Мария Владимировна Захарова назвала общественное дознание в Высоком суде Лондона «театром абсурда» и «театром теней», так как «все происходило кулуарно, было засекречено все, что только можно».

– Все это стало логичным итогом псевдосудебного процесса, который был разыгран британским судом и властью, – заявила Захарова, – что уже само по себе является, мягко говоря, противоречивым, а на самом деле, вполне можно сказать, и преступным.

В общественном сознании остаются две версии. Первая: Луговой был убит самим Березовским, чтобы навредить Путину и России. Вторая: бывшего подполковника ликвидировали российские спецслужбы – это месть отступнику и предателю.

Версия о причастности Березовского вызывает сомнения. Во-первых, добыть полоний непросто. На рынке не купишь. Британские эксперты заявили, что полоний-210

такого качества производится только на закрытом российском предприятии «Авангард» в городе Сарове. Во-вторых, в компетентности британских детективов трудно сомневаться. Если бы выяснилось, что Борис Абрамович соучастник преступления, то он немедленно оказался бы за решеткой.

Версия о причастности российских спецслужб тоже вызывает сомнения. Почему целью стал, скажем, не тот же Березовский, а бывший подполковник Литвиненко?

Люди компетентные отвечают, что для спецслужб всегда важнее наказать отступника, чтобы все знали: корпорация предательств не признает. Недаром в советские времена перебежчикам-чекистам всегда выносились заочно смертные приговоры. Другое дело, что привести их в исполнение было сложновато – бывшие чекисты скрывались. А Литвиненко не скрывался...

Опять же следует возражение: почему покарали подполковника Литвиненко, а не, скажем, бывшего начальника управления внешней контрразведки генерала Олега Даниловича Калугина, преспокойно живущего в Соединенных Штатах? Или полковника Гордиевского, давно обосновавшегося в той же Англии?

На это отвечают, что Калугин или Гордиевский – люди из прежних времен, они уже история. А Литвиненко служил на Лубянке совсем недавно, когда директором Федеральной службы безопасности был Путин. Владимиру Путину, а затем Николаю Патрушеву приходилось заниматься крайне неприятным для них «делом Литвиненко»: его пытались посадить, а он убежал за границу. Недаром в тире, где тренировались офицеры спецназа, вместо мишеней использовали фотографии Литвиненко...

Тогдашний руководитель СВР генерал Сергей Лебедев в газетном интервью сказал:

– Ни Литвиненко к Службе внешней разведки, ни мы к нему абсолютно никакого отношения не имеем. Поэтому

все эти слухи, будто разведка его на Запад заслала или, наоборот, отправила на тот свет, – полная ерунда. Есть основания полагать, что Литвиненко убрали в целях совершения политической провокации против России. Внешняя разведка «мокрыми делами» не занимается. Эти подразделения упразднены еще в пятидесятых годах прошлого века.

«НОВИЧОК» В АНЕКДОТАХ И В ЖИЗНИ

В воскресенье 4 марта 2018 года в британском городке Солсбери на скамейке у торгового центра обнаружили двух людей в бессознательном состоянии. Прибывшие на место полицейские оказались достаточно опытными для того, чтобы определить: это не пьяницы и не наркоманы. Мужчину и женщину отправили в ближайшую больницу. Им повезло – врачи не только сразу же оказали им помощь, но и действовали очень умело, что спасло обоим жизнь.

Полицейские быстро установили, что пострадавшие – это шестидесятишестилетний Сергей Скрипаль, который был в России осужден за шпионаж, а потом помилован и фактически выслан из страны, и его тридцатитрехлетняя дочь Юлия, приехавшая накануне в Англию навестить отца. Тогда врачи предположили, что пациенты подверглись действию какого-то боевого отравляющего вещества, и обратились за помощью к специалистам по химическому оружию. Скамейку, на которой нашли Скрипалей, полиция накрыла тентом. Выставила оцепление. Вызвала службу радиологической и химической защиты. В специальных костюмах ее сотрудники провели обеззараживание нескольких улиц.

История Скрипалей хорошо известна тем, кто интересуется спецслужбами.

Сергей Викторович Скрипаль, сын офицера, поступил в военное училище, затем в Военно-инженерную академию

имени В.В. Куйбышева, служил в воздушно-десантных войсках, пока его не взяли в военную разведку.

Работал в Испании в военном атташате. Там же в 1996 году, судя по всему, и был завербован британской разведкой МИ-6. А после возвращения в Москву Скрипаль продолжил службу в управлении кадров ГРУ и одно время даже исполнял обязанности начальника управления, поэтому представлял для англичан особую ценность. В 1999 году он вышел в отставку, но продолжал встречаться с англичанами. В конце концов попался, в 2004 году был арестован и отдан под суд. Приговор – тринадцать лет.

А в 2010 году президент России помиловал Скрипалю, и ему разрешили покинуть Россию (как и еще троим российским гражданам, осужденным за шпионаж), чтобы вернуть на родину группу российских разведчиков-нелегалов, работавших на Службу внешней разведки России и арестованных в Америке.

Это была громкая история!

В Соединенных Штатах Федеральное бюро расследований рассказало, что слежка за российской агентурой продолжалась много лет, прослушивались телефонные разговоры, в домах установили микрофоны, вели круглосуточное наблюдение. Арестовали одиннадцать человек. Но предъявить обвинение в шпионаже им не смогли! Обвинили в работе на иностранное правительство, отмывании денег, подделке паспортов и использовании чужих имен.

Это показалось странным. Еще удивительнее – разнородный состав группы. Опытный нелегал... Несколько человек с выданными на имя давно умерших людей паспортами (в основном с канадскими)... Граждане России, которые не скрывали своего происхождения... Что между ними общего?

Необычной показалась реакция российских руководителей на аресты в США. Правительства, как правило,

не признают публично своей ответственности за нелегальных разведчиков и выручают их закулисно. На сей раз все было иначе. Министерство иностранных дел сразу же признало всех арестованных гражданами России и обещало им всю необходимую помощь. В обмен на отказ от судебного процесса над арестованными разведчиками Москва согласилась выпустить четырех осужденных за шпионаж, в том числе бывшего полковника Скрипаля. И это тоже происходило впервые. Обычно выпускают иностранных разведчиков, чтобы спасти своих, попавшихся за границей. А тут русских обменивали на русских.

Наверняка это сильно не понравилось контрразведчикам, которые должны бороться против предателей в своих рядах. Ведь главный принцип – возмездие неотвратимо! Контрразведка внушает потенциальным предателям: мы вас все равно поймаем, и будете сидеть до конца жизни. А тут выяснилось, что спасение возможно: обменяют – и поедешь в хорошие места наслаждаться жизнью.

Суд в Нью-Йорке приговорил девятерых граждан России и одну гражданку Перу к одиннадцати дням заключения, которые они уже отбыли, конфискации имущества и высылке из США. Они подписали соглашение с обвинением, признав себя виновными в «преступном сговоре с целью действовать в качестве тайных агентов правительства Российской Федерации». Обвинение в заговоре с целью отмывания денег с них сняли. Все они подтвердили в суде, что тайно работали на Россию. Все признали, что их деятельность носила преступный характер, и согласились с тем, что без разрешения министра юстиции США они никогда не вернутся в Соединенные Штаты.

Обмен произвели в аэропорту Вены. Американский самолет доставил российских граждан, обвиненных в шпио-

наже, в том числе ставшую широко известной благодаря телевидению Анну Васильевну Чапман. На другом лайнере прилетели выпущенные из российских тюрем американские и британские шпионы, в том числе и Сергей Скрипаль. Самолеты стояли рядом, чтобы никто не видел, как происходит обмен. Когда все закончилось, оба лайнера поднялись в воздух.

С вернувшимися на родину разведчиками встретился Владимир Владимирович Путин, тогда премьер-министр, спел с ними песню «С чего начинается Родина». Всех наградили. Обещали их хорошо трудоустроить, и, судя по тому, что просочилось в прессу, обещания исполнены.

Сергея Скрипаля приняли в Великобритании, ему купили дом, машину и все остальное. Надо понимать, он продолжал оказывать услуги британским спецслужбам.

Премьер-министр Тереза Мэй объявила, что британскими специалистами установлено – Скрипали отравлены боевым нервно-паралитическим веществом российского производства:

– Либо это прямая акция российского правительства против нашей страны, либо российское правительство потеряло контроль над распространением катастрофически опасного вещества, и оно попало в чужие руки.

«Нервно-паралитический яд «Новичок» оказался в распоряжении западных спецслужб благодаря тайной спецоперации немецкой Федеральной разведывательной службы, проведенной в первой половине 1990-х годов, – рассказали журналисты «Немецкой волны». – Некий российский ученый предложил немецкой разведке достать образец «Новичка» в обмен на предоставление ему и его семье вида на жительство в ФРГ.

Германия в 1990 году добилась вывода из страны американских запасов химического оружия и не желала быть причастной к разработке или изучению такого оружия.

Именно поэтому образец «Новичка» отправили на анализ в шведскую лабораторию. Немецкая разведка получила из Швеции исключительно его формулу.

По указанию тогдашнего канцлера ФРГ Гельмута Коля формулу «Новичка» передали дружественным разведслужбам, в том числе британской и американской, для разработки средств противодействия этому яду. Чтобы не подвергать опасности хорошие отношения с правительством Бориса Ельцина, операция не была предана огласке. Ученый, передавший яд, выехал в Германию и некоторое время жил под охраной бундесвера».

Британские журналисты писали, что образцы вещества доставили и в военный городок Портон-Даун, где находится центр по защите от химической, биологической, радиологической и ядерной опасности. Это рядом с Солсбери. Специалисты из Портон-Дауна установили, что отравить Скрипаля и его дочь Юлию пытались именно «Новичком». Организация по запрещению химического оружия подтвердила, что власти Британии верно идентифицировали вещество – это препарат семейства «Новичок» А-234.

Премьер-министр Великобритании добавила, что в течение двух дней ждет от Москвы исчерпывающих объяснений. Но реакция в Москве была иной:

– Цирковое шоу в британском парламенте... Очередная информационно-политическая кампания, основанная на провокации... Прежде чем сочинять новые сказки, пусть кто-то в королевстве расскажет, чем закончились предыдущие дела многих других, кто загадочно умер на британской земле.

После этого глава британского правительства констатировала:

– Можно сделать только один вывод: российское государство виновно в покушении на Скрипаля и его дочь.

Британские спецслужбы сообщили, что установили точное место, где это вещество было произведено, и вычислили тех, кого считают исполнителями акции.

Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг объявил, что ответом на применение боевого нервно-паралитического вещества на территории Великобритании станет «самое масштабное укрепление коллективной безопасности Североатлантического блока» со времен прежней холодной войны.

Соединенные Штаты после истории со Скрипачами ввели предусмотренные законом 1991 года о ликвидации химического и биологического оружия новые санкции: «Россия нарушила международное законодательство, применив летальное нервно-паралитическое вещество против своих собственных граждан».

В Москве с порога презрительно отвергли все эти обвинения: «Чушь и бред!» И категорически не согласились с результатами расследований: «Они проведены без участия российской стороны, и не предъявлено никаких доказательств!»

Британская полиция представила результаты расследования. Скрипачей отравили прилетевшие из России двое исполнителей. Они прибыли в Британию 2 марта, поехали в Солсбери 4 марта, обработали ручку двери дома Скрипача боевым отравляющим веществом и в тот же день вернулись в Россию рейсом «Аэрофлота». Полиция показала записи видеокамер и данные обоих россиян, предположив, что их фамилии и имена – Александр Петров и Руслан Боширов – вымышленные, а паспорта – настоящие. Британская полиция назвала их сотрудниками ГРУ, военной разведки.

Президент Владимир Путин неожиданно сам прокомментировал британские обвинения:

– В принципе, мы, конечно, посмотрели, что это за люди. Мы знаем, кто это такие, мы их нашли. Надеюсь, что

они сами появятся и сами про себя расскажут. Это будет лучше для всех. Ничего там особенного и криминального, уверяю вас. Посмотрим в ближайшее время.

Президента попросили уточнить, имеют ли они отношение к спецслужбам.

Путин ответил отрицательно:

– Гражданские, конечно!

Боширов и Петров действительно появились на телеканале Russia Today. Беседовала с ними главный редактор канала Маргарита Симоновна Симоньян. Они поведали зрителям, что занимаются бизнесом (каким – осталось неизвестным), а в Англию отправились, дабы посмотреть на шпиль знаменитого Солсберийского собора. Интервью оставило странное впечатление.

Больше они на публике не появлялись. И никаких данных на них найти журналистам не удалось. Зато выяснилось, что заграничные паспорта Руслана Боширова и Александра Петрова отличаются лишь одной последней цифрой, а в их паспортных данных красуется штамп «сведений не давать» и указан телефон, который известен как коммутатор Главного разведуправления. Из чего можно сделать вывод, что сотрудники ГРУ получают паспорта одной серии, что для них смертельно опасно. Или это невероятная случайность, или свидетельство непрофессионализма кадровиков.

Затем появились сообщения, что их настоящие имена – полковник Анатолий Владимирович Чепига (он начинал военную службу в спецназе) и Александр Евгеньевич Мишкин (по специальности военный врач). Им обоим в 2014 году присвоили высокое звание Героев России....

Затем Скотленд-Ярд сообщил и о третьем подозреваемом, который прилетел в Англию с паспортом на имя Сергея Федотова. По мнению полиции, он провел разведку на месте – заранее приехал в Солсбери и осмотрел

дом Скрипалей. Сергея Федотова полицейские также назвали сотрудником ГРУ.

Питерская газета «Фонтанка» сообщала:

«Номер его действующего паспорта на одну-две цифры отличается от документов, выданных гражданам России, которые местом своей регистрации указывали Хорошевское шоссе, 76 – штаб-квартиру Главного управления Генштаба Минобороны».

Потом написали еще и об истории с четверьмя советскими гражданами, которых депортировали из Нидерландов. Местные власти обвинили их в попытке взломать компьютеры Организации по запрещению химического оружия, которая расследует применение «Новичка» в Солсбери. А в кармане одного из них при обыске обнаружили квитанцию на такси в Шереметьево от здания, где, как уверяют журналисты, расположено одно из подразделений ГРУ...

Все эти разоблачения стали поводом для весьма критических оценок работы военной разведки, некогда самой сильной в мире.

В позднесоветское время служба в разведке стала завидной, потому что открывала дорогу за границу. «Учиться на разведчика» отправляли родственников или тех, кто подходил по анкете. Разведка изменилась: вместо немногих, кто для нее рожден, – множество офицеров, переведенных из разных родов войск.

В заграничные резидентуры поехали «позвоночники», сыновья и зятья высокопоставленных персон, с которыми очень трудно, потому что никто не желает ссориться с их родителями. Резидент вправе, конечно, убрать слабого сотрудника, склонного, например, выпить. Но когда он это делает, то портит отношения со всеми, кто поставил свои подписи на решении послать этого сотрудника в заграникомандировку. А на бумаге десяток подписей, заверяющих, что сотрудник – за-

мечательный работник, который укрепит работу резидентуры.

Один бывший резидент вспоминал, как среди его подчиненных оказался сын крупного начальника. Однажды ночью он исчез, жена подняла шум. Наутро офицер нашелся, путано объяснил резиденту, что был в плохом настроении, всю ночь колесил по городу, а под утро заснул в машине. Закрыть глаза, чтобы не ссориться с влиятельным человеком? Но резидент подумал, что он не может доверять офицеру, способному выкинуть такой фортель, сообщил в Москву, и того отозвали. Но не все столь решительны.

Воинская система отношений наложила отпечаток и на разведку. Она исключает дискуссии и сомнения относительно приказов начальника. Разумный начальник поощряет споры. Не очень умный – запрещает. Что мешает исполнению главной задачи – снабжать политическое руководство страны объективной и осмысленной информацией о происходящем в мире. Любимая среди военных команда «не рассуждать!» в разведке не поощряется, но немногие подвергают сомнению приказы начальства.

Документы офицера вермахта легендарному разведчику Герою Советского Союза Николаю Ивановичу Кузнецову изготовил будущий полковник Павел Георгиевич Громушкин, друг блистательного разведчика Кима Филби и художник по призванию.

Я был знаком с Громушкиным. Он руководил отделом, обеспечивавшим нелегалов документами. Когда разведчика нелегально засылают в другую страну, ему придумывают достоверную биографию. Ее надо подкрепить хорошо изготовленными документами. Профессионалы уровня полковника Громушкина не отправят на задание нелегала с легендой и документами, которые не выдержат простейшей проверки, и, конечно же, проверят перед вылетом, что там у него в карманах...

В нашей стране история с «Новичком» стала поводом для высмеивания обвинителей-клеветников, начиная с Терезы Мэй, и породила волну анекдотов, крайне неуместных в этой ситуации.

В конце мая Юлия Скрипаль записала видеообращение:

«Очнувшись после двадцатидневной комы, я узнала, что мы оба были отравлены. Мне до сих пор сложно смириться с мыслью, что на нас было совершено подобное нападение. Не хочу вдаваться в детали, скажу лишь, что лечение было инвазивным и глубоко угнетающим. Я благодарна всем замечательным и добрым работникам госпиталя в Солсбери, месте, которое стало мне очень близким. Моя жизнь была перевернута с ног на голову, и сейчас я пытаюсь смириться с невероятными изменениями в моей жизни. Я стараюсь жить сегодняшним днем и хочу помочь моему отцу до его полного выздоровления».

Сергей Скрипаль и его дочь выжили. Они покинули больницу и находятся ныне под охраной спецслужб.

Но жертвами стали два случайных человека в том же городе Солсбери – сорокапятилетний Чарли Роули и сорокачетырехлетняя Дон Стерджесс. 30 июня они нашли флакончик с тем же веществом, но с этикеткой Nina Ricci и решили, что это духи, открыли их, молодая англичанка воспользовалась ими и через несколько дней умерла. Доза была настолько велика, что медицина оказалась бессильна. Чарли Роули с трудом спасли, но он стал инвалидом. 4 сентября Международная организация по запрещению химического оружия подтвердила, что Дон Стерджесс умерла от того же нервно-паралитического вещества, которыми были отравлены Скрипали.

Интенсивная борьба с международным терроризмом радикально изменила уровень контрразведывательных служб во всем мире. Вот уже почти два десятилетия контрразведки почти ни в чем не знают отказа. Это позво-

лило им в полной мере воспользоваться современными технологическими достижениями. Можно говорить о настоящем ренессансе контрразведки. В современных условиях – при желании, разумеется! – может быть распутано любое преступление.

Часть четвертая

КАК ЭТО ДЕЛАЮТ ДРУГИЕ

ФРАНЦИИ ЭТО ДОРОГО ОБОШЛОСЬ

Экологическая организация Гринпис приобрела траулер «Рэйнбоу уорриер» («Воин радуги») и переоборудовала для проведения кампаний в защиту окружающей среды.

«Рэйнбоу уорриер» отправили к атоллу Муруроа (это Французская Полинезия) в южной части Тихого океана. Атолл с 1966 года служил главным полигоном для французских ядерщиков. Задача судна состояла в том, чтобы своим присутствием сделать невозможными проводившиеся там ядерные испытания.

Французская разведка получила указание избавить правительство от проблем. Но такие решения почти всегда приводят к еще большим проблемам. Так и случилось.

Разведчики решили подорвать судно, когда оно вошло в Окленд (Новая Зеландия). Ночью 10 июля 1985 года оперативники заложили в корпус судна два взрывных устройства. Почему два? Один – предупредительный, который не нанес особого ущерба, – чтобы все в испуге отошли подальше. Но португальский фотограф Фернандо Перейра, не подозревая, что первый взрыв «предупредительный», напротив, побежал за оставшейся на борту камерой и погиб от второго взрыва.

Эта история дорого обошлась Франции. Боевую группу в Новой Зеландии нашли и арестовали. Разразился международный скандал, когда выяснилось, что судно подорвали

не террористы, а оперативники из Главного управления внешней безопасности Министерства обороны Франции.

Французские агенты, мужчина и женщина, которые выдавали себя за супружескую пару, были осуждены и отсидели несколько лет в Новой Зеландии, пока не были помилованы и возвращены на родину «по медицинским соображениям».

Санкционировал операцию военный советник президента Франции генерал Жан Сонье. Боевой летчик, он уверял, что сам президент Франсуа Миттеран ничего не знал. Трудно это предположить. Ни в одной стране такие рискованные заграничные операции не осуществляются без санкции высшего руководства.

Сам президент Миттеран выразил сожаление из-за смерти фотографа, но говорил, что его спецслужбы вынуждены были действовать, потому что Гринпис не имеет права мешать законной военной деятельности Франции.

В результате в отставку ушел министр обороны Шарль Эрню, один из старых соратников Франсуа Миттерана. Кто-то же должен был пожертвовать собой во имя спасения президента страны. Гринпис получил компенсацию. Французские спецслужбы воздерживаются от таких рискованных акций. Боевые операции за границей проводят те, кому нечего терять, или когда не остается ничего иного.

«ВСЕ СЛЕДЫ ВЕДУТ В ИРАН»

В мае 1984 года лидер иранской революции аятолла Рухолла Хомейни одобрил декрет о создании групп террористов-смертников. Армия получила приказ выделить лучших инструкторов для обучения полутора тысяч боевиков. Ведало этим 15-е управление Министерства разведки и безопасности. Иранские агенты охотятся за представителями оппозиции, которые бежали за границу. Но не только за ними.

Аятолла Али Хаменеи, который после смерти Хомейни стал высшим руководителем Ирана, назвал президента Египта генерала Хосни Мубарака «бесчестным и невежественным». Мубарак ответил, что не опустится до площадной брани и не станет отвечать Хаменеи в выражениях, присущих языку лавочников. Зато египетские журналисты дали себе волю, именуя тегеранских правителей «шайкой воров» и «бандой гангстеров».

В Иране Хосни Мубарака всегда ненавидели.

7 июля 1995 года неподалеку от Аддис-Абебы, столицы Эфиопии, голубой микроавтобус неожиданно перегордил дорогу кавалькаде лимузинов, покинувшей аэропорт. Из микроавтобуса выскочили пять человек с автоматами АК-47 и гранатометами. Они открыли огонь по одному из бронированных «Мерседесов». Стреляли также и с крыш двух зданий неподалеку от дороги.

Убить пытались президента Египта Хосни Мубарака, прибывшего на конференцию Организации африканского единства. Он поразился тому, что микроавтобусу с террористами позволили приблизиться к его конвою и никто их не остановил. Только через несколько секунд охрана Мубарака открыла ответный огонь, убила троих боевиков. Машины умудрились обогнуть стрелявших и доставили президента назад в аэропорт, откуда он немедленно улетел в Каир.

Он остался жив только потому, что террористы не знали, в каком из лимузинов он находится. И к тому же не успели воспользоваться ручными гранатометами. Тем не менее двенадцать пуль попали в машину Мубарака, одна пробила считавшуюся пуленепробиваемой броню.

Хосни Мубарак обвинил в организации теракта Иран. Расследование пришло к выводу, что ликвидировать президента взялись бежавшие из Египта террористы – на иранские деньги.

Американцы подсчитали, что с момента свержения шаха в 1979 году иранские боевики провели двести пят-

надцать боевых операций и уничтожили больше трехсот противников исламского режима, бежавших за границу. В этом списке – убийство четырех иранских курдов на территории Ирака, двух суннитских священнослужителей в Пакистане, бывшего министра шахского правительства в Париже, члена эмигрантского Иранского национального совета сопротивления в Турции...

Ганнибал – так иранцы называли руководителя резидентуры Моссада в Париже. Соответственно иранского резидента израильтяне окрестили Гладиатором. 3 сентября 1983 года из Тегерана в парижскую резидентуру иранской разведки пришел приказ «нейтрализовать Ганнибала», то есть убить израильтянина – за его контакты с иранскими эмигрантами во Франции.

Приказ должен был исполнить Гладиатор – Фархад абд аль-Хасем Месбахи.

Моссад узнал о намерении иранцев и информировал французов. Полиция следила за тем, как иранский резидент выходил утром из своей богатой квартиры и на БМВ ехал в посольство или на встречу. Следили и за его женой. Выяснилось, что его главная задача – убивать врагов режима. Иранская разведка составила список сотен эмигрантов, которые обосновались в Европе.

Первым, судя по всему, ликвидировали в декабре 1979 году Шахрияра Мустафу Шафика, родственника шаха. Председатель революционного трибунала в Тегеране даже не пытался опровергнуть причастность Ирана к этому убийству. Более того, он откровенно поведал, что «борцы за ислам» пытались убить и сестру шаха, но безуспешно.

Сестра покойного шаха принцесса Ашраф несколько лет была председателем комиссии ООН по правам человека. Ее личная жизнь не сложилась, она трижды была замужем и все три раза неудачно.

В июле 1980 года пытались убить бывшего премьер-министра Ирана Шахпура Бахтияра, укrywшегося в Па-

риже. Террорист промахнулся, но застрелил полицейского и женщину-соседку.

В Мадриде шиитские террористы подложили бомбу в здание аэропорта и попытались убить ливийского дипломата – в отместку за своего духовного вождя Мусу Садра, уничтоженного по приказу Каддафи. Швейцарская полиция в 1984 году арестовала в цюрихском аэропорту ливанца, который пытался провезти в Рим детонаторы, чтобы взорвать американское посольство в Италии.

В середине восьмидесятых пятнадцать иранских эмигрантов были убиты в разных европейских странах, еще двадцать три ранены. Иранцы ликвидировали своих жертв с невероятной легкостью. Полиция была бессильна. Европейские спецслужбы не хотели конфликтовать с иранцами – пока они расправлялись со своими, эмигрантами.

В 1984 году шиитская террористическая группа убила в Париже трех иранских эмигрантов. В апреле 1985 года подложила бомбу в кинотеатр, где шел фестиваль израильских фильмов. Взорвала бомбу в испанском ресторане, часто посещаемом американцами, которые служат на расположенной неподалеку военной базе. Погибло восемнадцать человек, из них четырнадцать – женщины.

В конце концов французам это надоело. По просьбе начальника контрразведки президент Франсуа Миттеран велел своему министру иностранных дел объявить иранского резидента и двух его помощников персонами нон грата. Тогда центр иранской боевой работы переместился в Вену.

Абдурахман Касемлу, руководитель Демократической партии иранского Курдистана, жил в Чехословакии. Посланцы Тегерана предложили ему встретиться в Вене и наладить отношения. Он поехал с двумя помощниками, 13 июля 1989 года курдов расстреляли из автоматов прямо на улице. Убийцы исчезли.

6 августа 1991 года иранцы все-таки добрались в Париже до бывшего премьер-министра Шахпура Бахтияра.

Бригада состояла из трех киллеров. Один из них был советником Бахтияра, поэтому охранявшие его полицейские их пропустили. Когда они вошли, секретарь пошел готовить чай. Бахтияр остался один. С ним расправились самым жестоким образом: перерезали горло. Когда убийцы выходили, равнодушные ко всему полицейские даже не обратили внимания на то, что рубашки у них были в крови. Убийцы сели в оранжевый БМВ и уехали.

Следственным судьей назначили Жана-Луи Бружьера, который уже занимался террористическими группами. Его кабинет находился в тщательно охраняемом крыле Дворца юстиции. Стены укрепили, окна закрыли пуленепробиваемым стеклом. Судья ездил по городу на бронированной машине в сопровождении мотоциклистов и не расставался с мощным магнумом.

– Я люблю свою работу и получаю от нее огромное удовольствие, – рассказывал судья. – У меня есть ощущение миссии. Знаю, что есть политики, которые были бы счастливы, если бы я не смог провести свое расследование. Для меня это не имеет значения.

За два года он распутал целый клубок преступлений иранских спецслужб в Европе. Агенты тегеранской разведки были найдены, арестованы и посажены на скамью подсудимых. Объем доказательств позволил обвинить в организации терактов руководителей Ирана. Следы привели к Министерству разведки и к самому министру Али Фаллахияну.

В соседней Германии по тому же следу шла немецкая полиция.

Около полуночи 18 сентября 1992 года два вооруженных пистолетами человека ворвались в заднюю комнату греческого ресторана «Миконос» в Берлине и стали стрелять в восьмерых посетителей, которые там ужинали: троих убили, еще одного смертельно ранили. Все это были курды – противники иранского режима: новый председа-

тель Демократической партии иранского Курдистана Садек Шарафканди, представители партии в Европе и переводчик. Террористы кричали на фарси:

– Сыновья шлюхи!

Они приехали на БМВ. Водитель, тоже вооруженный, дежурил у входа.

Немецкая полиция – в отличие от австрийской – задержала двоих: одного из стрелявших (отпечатки его пальцев нашли в ресторане) и водителя. Нашли и организатора убийства, который все подготовил и снабдил убийц всем необходимым.

Немецкие следователи проделали огромную работу. Установили, что убийство курдов было делом рук сразу трех иранских ведомств – Министерства разведки и безопасности, спецназа Корпуса стражей Исламской революции и армейской контрразведки. Все три ведомства имеют свои резидентуры под крышей иранского посольства в Германии.

Убийц курдов судили. Свидетелем был бывший иранский резидент в Париже, который согласился работать на немцев. Двоих 4 апреля 1997 года приговорили к пожизненному заключению. Через десять лет отпустили.

Уголовные власти ФРГ обвинили министра разведки Али Фаллахияна в организации убийств курдских лидеров. И выдали ордер на его арест. После Исламской революции он был судьей в Абадане, прославился частым вынесением смертных приговоров, затем служил генеральным прокурором. В шиитской религиозной иерархии он носит высокое духовное звание – ходжат-оль-эслам (в христианской церкви это равнялось бы епископу).

Али Фаллахиян и не скрывал, чем занимается. С гордостью сказал по иранскому телевидению:

– Мы находим врагов и за границей. Нам уже удалось нанести решающие удары главным фигурам.

Тегеран решил, что он слишком прославился. После судебного процесса в Германии в состав нового правитель-

ства его не включили. Бывший помощник Али Фаллахияна бежал за границу. Сам он служил в разведке Корпуса стражей Исламской революции и подтвердил, что именно его министр сформировал спецгруппу, уничтожающую оппозиционеров.

17 марта 1992 года целью стало израильское посольство в Аргентине, возле здания которого взорвал свою машину водитель-самоубийца. Погибли двадцать девять человек: четыре сотрудника посольства, пять местных евреев, остальные – дети из находившейся рядом школы. Ранены двести сорок два человека.

В Аргентину вылетела израильская следственная группа: сотрудники контрразведки Шин-бет, политической разведки Моссад и армейские эксперты по взрывчатым веществам и баллистике. Они тесно сотрудничали с ЦРУ. Американцы и израильтяне увидели, что местные власти напуганы и хотят все поскорее закончить. Расследование пришлось проводить самим.

Выяснилось, что Агентство национальной безопасности США за три дня до взрыва перехватило сообщение из иранского посольства в Тегеран, но перевели его слишком поздно. В телеграмме говорилось о готовящейся атаке на израильское представительство в Южной Америке. Затем расшифровали телеграммы иранских посольств в Аргентине и Бразилии, в которых тоже упоминалась будущая операция.

Государственный секретарь США Уоррен Кристофер в октябре 1994 года отметил:

– Иран – самый значительный покровитель терроризма и самый яростный противник мирного процесса на Ближнем Востоке... Куда ни глянешь, видишь дьявольскую руку Тегерана.

Директору Моссада предлагали тогда не оставлять теракт без ответа, иначе это не прекратится. Но руководитель политической разведки Шабтай Шавит был против, считая, что у Моссада есть задачи поважнее.

Он ошибся.

Около десяти утра 18 июля 1994 года там же, в Аргентине, автомобиль с взрывчаткой врезался в семиэтажное здание Еврейской ассоциации взаимопомощи. Погибли восемьдесят шесть человек, ранены были двести пятьдесят два. Это самый кровавый теракт в истории Аргентины... Тщательное расследование второго теракта показало, что акция была осуществлена теми же руками.

Осенью 2006 года прокурор Альберто Нисман подвел итоги расследования:

– Мы считаем доказанным, что решение взорвать здание приняли высшие органы власти Исламской Республики Иран, которые поручили «Хезболле» провести этот теракт.

Прокуратура попросила федеральный суд Аргентины выдать международный ордер на арест бывшего президента Ирана Акбара Хашеми Рафсанджани, бывшего министра иностранных дел Али Велаяти и бывшего начальника разведки Али Фаллахияна, а также бывшего начальника бюро разведки проиранской организации «Хезболла» Имада Мугния.

Аргентинский судья выдал ордера на арест всех четверых и обвинил иранского посла и атташе по культуре в причастности к этому теракту. Никто из них на скамью подсудимых не попал. Иранские «дипломаты» вовремя покинули страну.

Что такое «Хезболла»? Это боевая организация радикально настроенных ливанских шиитов, созданная с помощью иранского Корпуса стражей Исламской революции. Она начинала с того, что брала в заложники американцев и европейцев, которые работали в Ливане. Это были преподаватели, священники и журналисты.

Имад Мугния, который этим занимался, – человек типа Усамы бен Ладена. Он начинал в палестинских боевых отрядах Ясира Арафата. Потом присоединился к «Хезболле».

В марте 1985 года похитил двух французских журналистов. Когда британский священник Терри Уайт приехал к нему, чтобы вести переговоры об условиях их освобождения, его тоже взяли в заложники. Он же летом 1985 года организовал захват самолета американской авиакомпании, летевший из Афин в Рим. Среди пассажиров оказался американский военный моряк. Его убили и выбросили труп на землю.

Имад Мугния значился в списке самых разыскиваемых преступников ФБР, пока с ним не рассчитались. 12 февраля 2008 года в Дамаске посреди улицы взорвалась машина, в которой сидел Имад Мугния. Бомба была вмонтирована в подголовник водительского сиденья. Как выразился постоянный представитель Израиля при ООН, «тот, кто спит в обнимку с ракетами, может и не проснуться».

Но он – единственный, кто ответил за смерть невинных людей в Аргентине. Вот почему прокурор Альберто Нисман за несколько дней до смерти обратился в суд. Он считал, что президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер и министр иностранных дел Гектор Тимерман решили скрыть роль Ирана в этом преступлении и избавить иранских чиновников от ответственности за это преступление – в обмен на поставку иранской нефти по сходной цене. Он заявил, что располагает записью телефонных разговоров между сотрудниками спецслужбы Аргентины и иранцами, в которых обсуждались детали этой сделки.

Прокурор понимал, чем рискует. Сказал:

– Я знаю, что меня могут убить за это.

18 января 2015 года самый известный аргентинский прокурор был найден мертвым в ванной своей квартиры.

Полиция сообщила, что это самоубийство: дверь в его квартиру была заперта изнутри. Рядом с ним нашли пистолет и гильзу. Но потом выяснилось, что дверь вовсе не была заперта изнутри. Обнаружился и другой вход в квар-

тиру, и в коридоре – следы чьей-то обуви. А на руках прокурора не оказалось следов пороха.

В тот день Альберто Нисман должен был выступить перед конгрессом страны. Он намеревался предъявить обвинения президенту Аргентины. Если бы прокурор выступил перед депутатами, разразился бы невиданный в стране кризис. Поэтому мало кто верит, что прокурор застрелился. Такие политические «самоубийства» – частое явление в Аргентине. Прокурор – последняя жертва мрачной центрифуги, которая со злой жестокостью выбрасывает на поверхность мертвые тела. Невидимая механика заставляет замолчать тех, кто опасен для власти. После странной смерти прокурора с президента страны сняли все обвинения.

В годовщину аргентинской трагедии, 18 июля 2012 года, в болгарском городе Бургасе смертник с фальшивыми американскими водительскими правами взорвал себя в автобусе, где сидели туристы из Израиля. Погибли восемь человек – шестеро израильтян, водитель автобуса и сам смертник. Тридцать четыре были ранены. Еще пострадали двое россиян в машине рядом с автобусом. Взрывное устройство находилось в рюкзаке убийцы. Автобус стоял на парковке аэропорта. В половине шестого вечера он открыл двери для израильских туристов. Террорист сел вместе с ними.

Премьер-министр Биньямин Нетаньяху уверенно сказал:

– Все следы ведут в Иран.

И не ошибся. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад назвал убийство мирных граждан в Бургасе «тяжелым потрясением для врага»:

– Подлейшие враги иранского народа и Исламской революции собрали огромные силы, чтобы нанести удар по Ирану. Они смогли нанести нам несколько болезненных ударов. Однако они не ожидали подобного ответа с нашей

стороны. Враги уверены в том, что смогут достигнуть своих целей в длительной и упорной борьбе против иранского народа. Обещаю вам, что этого не произойдет, поскольку мы действуем изо всех сил...

Теперь в Тегеране заботятся о том, чтобы следы от убийц не вели к Ирану. Тегеранские боевики действуют более осторожно, но их манера угрожать врагам создает впечатление, что они всегда стоят с поднятым мечом.

ВЛАСТЕЛИН ДРОНОВ

Когда президентом Соединенных Штатов был еще Билл Клинтон, он подписал секретную директиву № 39 – «Политика в отношении борьбы с терроризмом». Она разрешала ЦРУ проводить тайные акции на территории других государств, не обращая внимания на местные законы. Террористов было предписано любыми средствами вывозить в Соединенные Штаты и судить.

25 января 1993 года пакистанец Мир Амаль Кази припарковал свой грузовичок неподалеку от входа в штабквартиру ЦРУ в Лэнгли. Он взял свой автомат Калашникова и вылез. Он решил отомстить высокомерным американцам за их антиисламскую политику.

Когда зажегся красный свет и водители стали тормозить на светофоре, Кази открыл огонь по остановившимся машинам. Первые пули попали в двадцативосьмилетнего Фрэнка Дарлинга из управления нелегальной разведки ЦРУ. Он сидел в «Фольксвагене-Гольф» вместе с женой Джуди.

Раненый Фрэнк Дарлинг отчаянно крикнул жене:

– В меня попали, пригнись!

Следующей очередью Кази убил шестидесятилетнего аналитика разведуправления Лэнсинга Беннета. Кази ранил еще троих, потом вернулся к «Фольксвагену» и добил Фрэнка Дарлинга, который скончался на руках жены.

После этого Кази сел в грузовичок и уехал. На следующий день он преспокойно сел в самолет, вылетавший в Пакистан.

Обнаружить его было делом чести для ЦРУ. Охота за ним продолжалась четыре года. Американские разведчики летали в Пакистан как на работу. Оттуда пробирались в соседний Афганистан. Несколько лет группа афганских полевых командиров получала большие деньги и новейшее оружие. Они благодарили американцев, обещали выдать убийцу, но ничего не сделали.

Найти Кази помог информатор, который по собственной инициативе пришел в американское консульство в Карачи в мае 1997 года. Он принес копию заявления Кази в полицию с просьбой выдать ему водительские права. Там была его фотография и отпечатки пальцев.

Кази пользовался покровительством местного вождя в Белуджистане. Но вождь легко согласился продать его американцам за наличные. Пакистанская разведка перебросила группу агентов ЦРУ и ФБР к дешевой гостинице, где ночевал Кази.

15 июня 1997 года в четыре часа утра два специальных агента ФБР и местный резидент ЦРУ вошли в гостиницу. Они выбили дверь и схватили спавшего на кровати человека. Но им показалось, что он крупнее, чем тот, кого они искали. Вдруг это не тот, кто им нужен? Они обмакнули его левый большой палец в чернила и сделали отпечаток. Агент ФБР вытащил лупу, изучил отпечаток, сравнив с тем, что у них был, и торжествующе произнес:

– Соответствует!

Они увезли Кази на аэродром, где их ожидал вертолет. Кази доставили в Соединенные Штаты и отдали под суд...

22 апреля 1991 года американская оперативная группа похитила в Берлине перебежчика Джеффри Карни и вернула его в Соединенные Штаты. Бывший сержант армии США в начале восьмидесятых служил на американской

базе в западноберлинском районе Мариенфельд, где занимались радиоразведкой. Его завербовали, это была совместная операция советской и восточногерманской разведок: то ли он сам пошел в Восточный Берлин, который был столицей более не существующей ГДР, то ли его заманили в «медовую ловушку» – это осталось неизвестным. Документы, которые он приносил, помогли выявить слабые места в системе радиоэлектронной связи армий стран Варшавского договора. Платили ему сравнительно немного: триста западногерманских марок за каждую порцию информации.

Его оперативный псевдоним в разведке ГДР – Ребенок, он вел себя неосторожно, вместо того чтобы сделать копию секретного материала, приносил оригинал. Американская контрразведка начала что-то подозревать. Его вернули на родину, на авиабазу в Техасе. Стали вести с ним беседы... Джеффри Карни испугался, перебрался в Мексику и обратился в посольство ГДР.

«Имели ли его страхи реальную основу, – писал создатель восточногерманской разведки генерал-полковник Маркус Вольф, – или он впал в паранойю, которая поражает агентов вследствие нервного перенапряжения, это ничего не меняло в наших опасениях, что он в нервном состоянии при малейшем поводе побежит во всем сознаваться».

От греха подальше его вывезли. С кубинскими документами отправили в Гавану, оттуда в Москву. И наконец, доставили в Восточный Берлин, устроили на работу по специальности и дали паспорт.

После падения Берлинской стены американцы его нашли, вернули на родину и отдали под суд. Обвинение: шпионаж и дезертирство. Приговор: тридцать один год заключения. Бывший сержант отсидел двенадцать и вышел...

Говорят, что в ящике письменного стола президента Соединенных Штатов в Овальном кабинете лежит перечень

самых опасных террористов. Когда кого-то из них настигает возмездие, президент с наслаждением вычеркивает его фамилию из длинного списка.

Годы войны в Ираке и Афганистане истощили американское общество и опустошили американский кошелек. Тайная война обходится сравнительно недорого. Уничтожение боевиков на расстоянии – вот альтернатива грязной работе следователей в тайных тюрьмах.

– При моей администрации в Соединенных Штатах не будет пыток, – обещал Барак Обама. – Мы будем соблюдать Женевскую конвенцию и станем придерживаться наших высших ценностей и идеалов.

Но сотрудники ЦРУ, которых новая команда вызвала в Белый дом, поразились ястребиному тону помощников Обамы. Смысл их указаний: мы закрываем программу допросов, так что террористов придется просто ликвидировать. Мы возвращаем наши войска домой, так что начинаем тайную войну. Вместо топора берем в руки скальпель.

Когда президентом был Билл Клинтон, в Белом доме шли бесконечные споры, можно ли убить Усаму бен Ладена или это нарушение запрета на теракты против иностранных лидеров. Советник президента по национальной безопасности Сэнди Бергер был на грани инфаркта. Весь красный, в поту он вышел из себя и заорал:

– Так вы, ребята, не возражаете против того, чтобы Клинтон уничтожил бен Ладена ракетой «Томагавк». Но если Клинтон всадит ему пулю в лоб, это плохо? Может мне кто-то объяснить, в чем тут разница между ракетой и винтовкой?

После 11 сентября 2001 года вице-президент Дик Чейни сказал, что в борьбе с террористами спецслужбы должны снять белые перчатки и действовать «на темной стороне». Если террористы не подчиняются правилам, значит, и мы не станем.

ЦРУ создали, потому что президенты хотели, чтобы их заранее предупреждали, откуда стране грозит опасность.

Джордж Буш-младший, а вслед за ним и Барак Обама сделали главной задачей уничтожение террористов. Боевиков убивают, потому что они действуют на территории других государств. Арестовать и судить их невозможно.

Но зачем рисковать жизнью, если боевика можно уничтожить с воздуха, ничем не рискуя? Установленное на самолетах «Бичкрафт» электронное оборудование перехватывает переговоры по всем телефонам, номера которых принадлежат боевикам. Можно на расстоянии активировать выключенный мобильный телефон и определить местонахождение его обладателя. С невероятной точностью – буквально до одного метра. После чего вызывают беспилотный самолет с ракетами, которые наводятся по лазерному лучу. От них не уйдешь. А ЦРУ располагает огромной армией дронов – беспилотных летательных аппаратов.

Беспилотные летательные аппараты, оснащенные самонаводящимися ракетами, избавили разведку от тюремного бизнеса. Сотрудникам ЦРУ приятнее ощущать себя не тюремщиками, а чудотворцами, которые избавляют свою страну от врагов.

К 2000 году похожий на насекомое беспилотный летательный аппарат «Хищник» был широко известен лишь в узких кругах военных инженеров, увлеченных современной электроникой. Во время войны на территории бывшей Югославии дроны использовали для наблюдения за сербскими боевыми формированиями.

Но «Хищник» не мог нести оружие. Это было громко жужжащее восьмиметровое «насекомое», весьма уязвимое. Начальник оперативного директората ЦРУ, не желавший тратить деньги на непонятные новинки, сильно сомневался в их полезности:

– А что если дрон сожгут?

Один из разработчиков меланхолично ответил:

– Если сожгут, оператор отправится домой и ляжет спать со своей женой. В этой войне в плен не попадают.

Высота полета беспилотного летательного аппарата – восемь километров, скорость – больше четырехсот километров в час. Он может находиться в воздухе двадцать четыре часа. Дроном управляет автопилот, но взлетом и посадкой руководит оператор. Сам оператор находится на другом краю земли.

Раньше солдат в прямом смысле отправлялся на войну. Теперь оператор, который управляет беспилотником, утром приезжает в командный центр в штате Невада. Весь рабочий день с перерывом на обед уничтожает врагов, затем садится в машину, едет домой, ужинает с семьей и спрашивает детей, сделали ли они домашнее задание.

В январе 2001 года в пустыне в Калифорнии провели первые испытания боевого беспилотника. «Хищник» оснастили ракетой «Адское пламя», которая наводится по лазерному лучу. Ракета поразила танк. Беспилотник улетел невредимым. В ЦРУ хотели сохранить испытания в секрете, но военно-воздушные силы выпустили пресс-релиз, и его напечатала газета в Лас-Вегасе. Соединенные Штаты обрели оружие, которое можно пустить в ход, не рискуя жизнями собственных солдат. Идеальное оружие.

Когда израильские боевые вертолеты уничтожали боевиков палестинской организации ХАМАС, американский посол Мартин Индик осудил эту практику: «Соединенные Штаты выступают против таких акций. Мы не поддерживаем внесудебные расправы». Теперь США делают то же самое.

Базы «Аль-Каиды»* и талибов находятся в Пакистане. Американцы получили возможность использовать в Пакистане беспилотные летательные аппараты, но не рассказывать об этом. Тогдашний президент страны генерал Первез Мушарраф надеялся, что все удастся сохранить в тайне. Объяснил одному из оперативников ЦРУ:

– Да у нас в Пакистане всегда что-то сыпется с неба!

Аналитики в Неваде часами изучают картины, которые им демонстрируют летающие над странами Среднего Во-

стока дроны. Вглядываются в лица людей и в номерные знаки автомобилей. Ищут боевиков. Как их определить? Бороды, длинные волосы, кроссовки, автоматы АК-47. Если находят, дают приказ уничтожить.

Современные технологии позволяют наблюдать за боевыми действиями в реальном масштабе времени. Стерлась грань между фронтом и тылом, который прежде был очень далеко и там не представляли себе, что творится на линии боевых действий, в окопах.

В Интернете множество роликов, показывающих войну на Ближнем и Среднем Востоке. Каждый это может увидеть своими глазами. Беспилотник находит цель. Выпускает ракету. Взрыв. Мертвые тела летят вверх. Впрочем, нечто подобное уже происходило. Во время Гражданской войны в США были семьи, которые собирали все необходимое для пикника, садились на лошадей, располагались на холме и оттуда с комфортом наблюдали за ходом битвы между южанами и северянами. А после боя возвращались домой...

Эти картинки превращаются в развлечение, вечернее кино, реалити-шоу со смертельным исходом. А вот как воспринимают это те, на кого падают ракеты: американцы – трусы, они боятся схватиться с нами лицом к лицу, посылают машины воевать с нами. Ну так мы убьем любого американца, который попадет к нам в руки.

В Сомали искали лидеров исламистской группировки «Аш-Шабааб». Государственный департамент объявил награду за информацию об их местонахождении. Боевики страшно веселились. В пятницу, после молитвы, объявили на площади, что тоже готовы заплатить. Кто поможет добраться до «идиота, сидящего в Белом доме», получит десять верблюдов. Добраться до президента им не под силу. Вожди «Аш-Шабааб» недолго веселились. Вскоре их догнал беспилотник... Но американские журналисты или туристы попадают боевикам в руки, и их демонстративно казнят.

Уничтожение талибов на территории Пакистана продолжается несколько лет. Пакистанцы измучены атаками. Никто не знает, когда появятся эти ангелы смерти и кого убьют. Даже когда беспилотники никого не убивают, они почти каждый день кружат над деревнями и городками. Присутствие дронов в небе создает постоянное психологическое напряжение для местных жителей. Резко вырос спрос на антидепрессанты, снотворные и успокоительные препараты. И на лекарства, которые помогают тем, у кого неладно с потенцией. Мужчины жалуются, что не могут исполнять свои супружеские обязанности. Но движение «Талибан»* только крепнет. И в Пакистане, и в соседнем Афганистане. А ведь десять с лишним лет назад казалось, что с талибами покончено.

Беспилотные самолеты. Самонаводящиеся ракеты. Роботы, которые ведут разведку, разминирование и участвуют в боевых действиях... Через несколько лет на поле боя появятся десятки тысяч роботов, но не сегодняшних, а завтрашних, куда более совершенных. Революция военных роботов меняет само понимание воина. Теперь это уже не обязательно человек. Причем американский воин, как правило, сделан в Китае, а программное обеспечение написано в Индии.

С одной стороны, роботы свободны от эмоций. Они не теряют контроль над собой, видя, что друг убит, не совершают преступлений из чувства мести или гнева. С другой стороны, для робота восьмидесятилетняя бабушка в инвалидном кресле ничем не отличается от танка Т-80. И то и другое – просто цель.

Новая техника действует там, куда опасно посылать человека. Это должно сократить американские потери. Но боевики тоже стараются идти в ногу с прогрессом. В Ираке исламисты взрывают заранее заложенные бомбы, сидя дома у экрана собственного компьютера. Они уже однажды украли американский робот и начинили его взрыв-

чаткой. Террористы тоже могут взять на вооружение роботы. Им даже не надо обещать после смерти семьдесят две девственницы в раю – обычное вознаграждение за уничтожение неверных.

Считается, что нищета рождает террор. Точнее было бы сказать, что террор рождает нищету. Во многих исламских странах культивируется атмосфера безнадежности, беспомощности, отчаяния. Зачем тратить силы для улучшения своей жизни, если все решится само собой после уничтожения врага? Подростки растут в убеждении, что нет смысла учиться и работать. Врачи и инженеры не нужны. Нужны солдаты. Они должны убивать, в этом их предназначение.

ПРАВОСУДИЕ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Операция, о которой будет говорить весь мир, продолжалась всего сорок минут. Она завершилась, когда бойцы спецназа погрузили в один из вертолетов найденные в доме компьютеры, ворох бумаг и мертвое тело Усамы бен Ладена, саудовского миллионера и вдохновителя террористической организации «Аль-Каида»*.

Несколько десятков спецназовцев в считанные минуты поставили точку в карьере бен Ладена, который в разыскных списках Федерального бюро расследований значился под номером первым. Но понадобились годы, чтобы его найти. Всех поразило, что Усама не таился в горной пещере или в богом забытой деревне. Вместе со своими женами и детьми он с комфортом устроился в большом доме в шестидесяти километрах от столицы, в одном из самых красивых городов страны. Сын миллионера привык к роскоши.

Президент Джордж Буш-младший после 11 сентября 2001 года, когда в результате организованных Усамой бен Ладеном терактов погибли почти три тысячи человек, обещал, что бен Ладен предстанет перед судом живой или

мертвый. Но шли годы, а обещание оставалось неисполненным. Мир задавался вопросом: почему же его не убили или не посадили на скамью подсудимых?

За эти годы российские спецслужбы отыскиали и уничтожили почти всех руководителей чеченских боевиков, где бы они ни находились. Добраться до генерала Джохара Дудаева или Шамиля Басаева было очень непросто. Но сумели. Почему же американцы никак не могли найти Усаму бен Ладена? Не смогли или не захотели? Куда пропал террорист номер один, который в сентябре 2001 года нанес удар в самое сердце Соединенных Штатов?

Его безуспешно искали больше десяти лет. Это породило насмешки над американскими спецслужбами и подозрения: да существует ли на самом деле этот загадочный Усама бен Ладен, духовный лидер «Аль-Каиды»*?

Американский спецназ высадился в Афганистане, чтобы найти Усаму. Но он бесследно исчез в декабре 2001 года. Американцы поняли, что в таких важных делах нельзя давать подряд сторонним исполнителям. Пакистанцы и афганцы не помощники в поимке или уничтожении бен Ладена. Придется действовать самим.

Бен Ладен, в свою очередь, осознал, что имеет дело с опасным противником. Не уверенный, что сумеет спастись, он в середине декабря 2001 года написал завещание. Но он ушел. Очень ловко, ни один спутник не зафиксировал его бегства. Американцы не сомневались, что Усама скрылся в соседнем Пакистане. Граница между двумя государствами носит условный характер. По обе стороны живет один и тот же народ – пуштуны. Они не выдают тех, кто попросил у них убежища.

Но допросы боевиков в Гуантанамо показали, что бен Ладен выбрал более простой, но рискованный путь. Он двинулся в обратном направлении, в сторону Джелалабада. Он мог нарваться на американских и британских солдат. Но его никто не остановил, и он обосновался на дальнем северо-

востоке Афганистана. Там скрывался чуть ли не целый год. Даже его ближайшие помощники не знали, где он.

Оторванный от мира, он превратился в мистическую фигуру. Другие террористы действовали под его знаменем. Но он сам лишился любимого дела. Прятался. Скрываясь, много не навоеешь. За ним охотились. Он жил в постоянном страхе. В 2003 году все-таки перебрался в более безопасный Пакистан. Два года провел в деревне неподалеку от города Харипур, потом поселился в городе Абботтабаде – в большом жилом комплексе, окруженном колючей проволокой и оснащенном камерами видеонаблюдения, где он и будет убит в ночь на 2 мая 2011 года.

Усаму искали. Но из-за войны в Ираке основные силы ЦРУ перенацелили на Багдад. Долгие и безуспешные поиски породили в Соединенных Штатах разочарование и раздражение. Белый дом, обязанный отчитываться перед избирателями, требовал от ЦРУ наводнить Афганистан и Пакистан агентурой, взять количеством. Но для поиска террориста номер один вовсе не нужно было мобилизовать всех и каждого. Успех пришел к небольшой группе аналитиков и оперативников.

Изучая протоколы допросов, они искали крупницы информации. Книгу одной из жен бен Ладена и его сына Омара проштудировали с карандашом в руках. Омар писал, что в афганские годы его отец предпочитал скрываться в самом Кабуле – исходил из того, что американцы не станут бомбить столицу из страха убить мирных жителей. Это заставило аналитиков задуматься: Усаму ищут в горах или отдаленных деревнях, а не скрывается ли он в каком-нибудь городе? Предположение оказалось верным.

Неужели власти Пакистана, его спецслужбы ничего не знали о пребывании бен Ладена на их территории?

Пакистан родился в огне войны с соседней Индией, и это противостояние определило его судьбу. Кровавый спор идет из-за бывшего княжества Джамму и Кашмир.

Большая часть территории отошла Индии. Пакистан с этим не смирился. Они уже дважды воевали из-за Кашмира. Вражда между Индией и Пакистаном не уменьшается и вообще представляется неискоренимой. Обе страны выбрасывают огромные деньги на армию и оружие. Обе страны уже создали ядерную бомбу.

Афганистан нужен пакистанским военным как союзник. Пакистанцы надеялись использовать и талибов, и «Аль-Каиду»* в бесконечной борьбе против Индии. Вот почему пакистанское правительство всячески помогало становлению талибов.

Руководители пакистанской разведки встречались и с Усамой бен Ладеном. Он оказал им услугу. В его лагерях пакистанские боевики проходили подготовку для участия в диверсионных акциях на индийской территории. Лагерь был совместным предприятием «Аль-Каиды»* и пакистанской разведки. Денег у пакистанцев было мало, они охотно сотрудничали с богатым Усамой.

Со времени создания Пакистана генералы держат гражданское правительство в неведении относительно военных и разведывательных дел. Это позволяло министрам говорить американцам, что им неизвестно местонахождение Усамы бен Ладена. Но при этом Пакистан – союзник Соединенных Штатов, получает от него большую помощь.

«Я попросил премьер-министра Наваза Шарифа помочь арестовать бен Ладена, – вспоминал президент Билл Клинтон. – Американские инструкторы начали готовить шестьдесят пакистанских командос, чтобы заслать их в Афганистан для поимки Усамы».

Готовность Наваза Шарифа помочь американцам стоила ему поста премьер-министра. Буквально через несколько часов после того, как глава правительства приказал начальнику разведки отправиться в Кабул и потребовать от талибов выдать находящихся в розыске террористов, в Пакистане произошел государственный переворот.

В городе Абботтабаде находятся военное училище пакистанской армии, две воинские части, подразделения многочисленных спецслужб, которые контролируют страну. Никто ничего не знал? Возможно, Усама и укрылся в Абботтабаде, потому что здесь было кому помочь. А может быть, исходил из того, что здесь его точно не станут искать. Город находится далеко от пакистанских приграничных районов, которые активно обследуются американскими беспилотными самолетами.

В этом городе много приезжих. Семьи навещают мужей и отцов, которые здесь служат. Иногда даже появляются американские солдаты, которых присылают для помощи в военной подготовке. Исламисты этих мест избегают. Они предпочитают Пешавар или Карачи. Когда аналитики ЦРУ изучали список мест, где следует искать бен Ладена, Абботтабад неизменно вычеркивался из списка.

Попытки проникнуть в небольшую сеть доверенных курьеров, которые прибывали к бен Ладену, не увенчались успехом. Но один из них летом 2010 года привел их к этому комплексу зданий, который выделялся на фоне более скромных жилищ соседей. И возник вопрос: а не здесь ли прячется бен Ладен? Разместиться в здании, которое выглядит как крепость, было самой большой ошибкой бен Ладена. Наблюдать за трехэтажным домом можно было с разных сторон.

Несколько лет назад ЦРУ спросило автора фильма о бен Ладене, что с ним сделать в случае поимки. Он посоветовал вернуть Усаму на родину – в Саудовскую Аравию, чтобы его судили по законам шариата. Его бы приговорили к смерти и вывели на площадь в столице Эр-Рияде. По местным законам палач с мечом опрашивает семьи жертв – не хотят ли они простить преступника. Если нет, палач приводит приговор в исполнение.

Кто-то считал, что Усама больше не представляет опасности. В его распоряжении больше нет целой страны.

Сидя в какой-то дыре, много не навоюешь. Но террористический интернационал «Аль-Каиды»* действовал по всему миру. Усама бен Ладен оставался символом этой войны.

– «Аль-Каида»* построена на почитании боевиками своего идола, – считал принц Турки ибн аль-Фейсал, который многие годы руководил разведкой Саудовской Аравии и встречался с Усамой. – Если его поймут и посадят на скамью подсудимых, этот миф прекратит свое существование, его культ умрет.

Ресурсы американской разведки несколько лет были сконцентрированы на Ираке. А потом собрали людей, которые просыпались утром, зная, что весь день будут заниматься поисками бен Ладена.

Особое подразделение Центрального разведывательного управления искало его с января 1996 года. За это время состав группы сменился не один раз. Но успех пришел только после того, как разведчики радикально изменили подход к задаче. Это был переворот в умах. Годами аналитики ЦРУ, занятые поиском Усамы, ставили перед оперативными группами одну задачу: ищите его убежище. Но даже его собственные помощники не знали, где он спрятался. Бессмысленно искать иголку в стоге сена... Но он ведь не отрезан от своих сообщников.

И тогда задалась вопросом: а как он с ними связывается? Первые ответы были получены на допросах боевиков «Аль-Каиды»*, которых держали в тюрьме на военной базе Гуантанамо. Мелкие подручные Усамы рассказали, что указания бен Ладена поступают раз в месяц – через курьера. Значит, надо выяснить, как действует эта сеть, и выявить курьеров, которые рано или поздно приведут к цели.

Четыре года ушло на то, чтобы некие расплывчатые данные о курьере превратились в реальное имя. Это позволило понять, когда и где он появляется. Решающим оказался один подслушанный телефонный разговор.

Американское Агентство национальной безопасности, занимающееся радиоэлектронной разведкой, захлестнул вал информации, которую аналитики не в силах переварить. Любой из подслушивающих пунктов агентства перехватывает в час два миллиона телефонных переговоров, факсов, посланий по электронной почте и скайпу. И в этом море информации выловили нечто очень важное...

Некий Абу Ахмед аль-Кувейти на вопрос, где он так долго пропал, туманно заметил:

– Я снова нахожусь у тех людей, у которых был и раньше.

Собеседник, с пониманием помолчав, торжественно произнес:

– Да поможет вам Аллах.

Аналитики ЦРУ обратили внимание на эту запись и предположили, что аль-Кувейти, пожалуй, может быть курьером Усама бен Ладена. Слежка за ним привела оперативников к дому в пакистанском городе Абботтабаде, где аль-Кувейти жил вместе с братом.

Поиск Усама был одной из ключевых задач Национального разведывательного управления, которое ведает спутниками-шпионами. Мощная оптика, установленная на спутниках, годами следила за всеми районами, где мог появиться Усама. Новинка последних лет – беспилотные самолеты-разведчики часами висели в небе, и операторы изучали все, что казалось подозрительным. Несколько лет надеялись, что беспилотники, барражирующие над районами племен, отыщут знакомое лицо. Но ничего! Ни одной зацепки, способной дать ключ к поиску.

Теперь ясно, почему все усилия оказались безуспешными. Усама бен Ладен не выходил на улицу. Не разговаривал по телефону. И не заглядывал в Интернет. Кстати, это и бросилось в глаза сотрудникам ЦРУ. Единственный в округе дом, где странным образом не оказалось ни телефона, ни Интернета...

Несколько месяцев агенты ЦРУ вели наблюдение за предполагаемым убежищем бен Ладена. В Абботтабаде устроили конспиративную квартиру и с помощью осведомителей старались выяснить, что происходит внутри дома. С августа 2010 года дом взяли под наблюдение. На него нацелили спутник, с помощью суперчувствительных микрофонов пытались записывать разговоры, которые там велись.

Операция стоила так дорого, что в декабре 2010 года руководители ЦРУ попросили конгресс разрешить им изменить бюджет управления и использовать десятки миллионов долларов, выделенные на другие цели. Но, несмотря на все усилия разведчиков, не удалось ни сфотографировать таинственную мужскую фигуру, чья семья занимала первые два этажа, ни записать знакомый голос. Сомнения сохранялись до последнего момента...

Усама бен Ладен, позируя перед телекамерами, прихватывал с собой автомат. Но сам он ни в кого не стрелял, не рисковал своей жизнью. Убивать посылал других. Очень заботился о себе и соблюдал железную дисциплину, чтобы ничем себя не выдать. Когда-то он окружал себя телохранителями, пользовался спутниковыми телефонами. От всего отказался, лишь бы не вызывать подозрений! Обитатели дома даже не выбрасывали мусор. Они его сжигали, это тоже была мера предосторожности.

В Вашингтоне размышляли, что делать. Очевидное решение – уничтожить Усаму с воздуха с помощью беспилотной авиации. Но когда речь идет об ударах с воздуха, всегда возможны ошибки. При бомбежке предполагаемого дома бен Ладена можно было запросто попасть в соседнее здание пакистанского военного училища.

От идеи уничтожить Усаму бен Ладена с воздуха отказались. К тому же хотели убедиться в том, что это был точно он и что он действительно мертв...

В ЦРУ Усама фигурировал под псевдонимом Джеронимо. Так звали знаменитого в конце XIX века вождя апа-

чей, которого власти не могли поймать почти три десятилетия. Его, как и бен Ладена, было приказано «взять живым или мертвым»... Сенатский комитет по делам индейцев выразил протест: сравнение вождя апачей с преступником Усамой оскорбительно для коренных американцев.

Решение о военной операции на территории союзного – но тем не менее иностранного – государства мог принять только Верховный главнокомандующий. Первое совещание у президента Барана Обамы прошло 14 марта 2011 года. Последнее, когда Обама приказал действовать, – в пятницу, 29 апреля.

Руководство Пакистана не поставили в известность. Не знали, кто в правительстве, армейском командовании и многочисленных спецслужбах может быть связан с Усамой. Более того – готовились к худшему. Два ударных вертолета «Чинук» ждали приказа о вылете, чтобы с воздуха поддержать огнем группу специального назначения. Как объяснил тогдашний директор ЦРУ Леон Панетта, – на тот случай, если в дело вмешаются пакистанские воинские части и эвакуировать спецназовцев придется под огнем.

Но захватить Усаму живым и вывезти из Пакистана – это показалось слишком сложным. Задача ЦРУ состояла в том, чтобы найти объект. Остальное – дело военных.

В Пакистане было одиннадцать вечера, и Усама уже лег спать. Команда в Джелалабаде состояла из двадцати трех бойцов и переводчика, для них выделили два вертолета «Черный ястреб». Всех снабдили фотоснимками самого Усамы, членов его семьи и тех, кто мог оказаться в здании. А также взяли с собой собаку, одетую в бронезилет. Примерно в одиннадцать вечера вертолеты взлетели с аэродрома в Джелалабаде. Через пятнадцать минут пересекли границу с Пакистаном.

Система противовоздушной обороны Пакистана на границе с главным врагом – Индией – всегда находится в состоянии боевой готовности, а на афганском направле-

нии работает в обычном режиме. Вертолеты остались незамеченными. Вертушки МН-60 были покрыты специальной эмульсией, снижающей вероятность их обнаружения. Двигатели работали тише обычного. Они шли очень низко над землей. Они достигли цели за полтора часа.

В час дня 1 мая 2011 года, в воскресенье, в ситуативной комнате Белого дома собрался «военный кабинет» президента Барака Обамы. Был установлен канал связи с вице-адмиралом Уильямом Макрейвеном, который находился в Джелалабаде. А также линии связи с ЦРУ и оперативным центром в Пентагоне, где три десятка офицеров были готовы реагировать на любые неожиданности.

В комнату в Белом доме набилось много людей. Пришел руководитель Национального центра по борьбе с терроризмом Майкл Ляйтер, за ним вице-президент Джо Байден, министр обороны Роберт Гейтс, госсекретарь Хиллари Клинтон. В два часа появился президент Обама со словами:

– Я должен это видеть.

Ему доложили о ходе операции.

Пояснения давал бригадный генерал Маршалл Уэбб, заместитель руководителя специальных операций, в голубой форме летчика. На мониторах была заведена картинка, поступавшая с беспилотного самолета RQ-170, который на высоте двух миль кружил над пакистанским городом.

Вертолеты подлетели к городу с северо-запада. Один из вертолетов стал терять высоту. Видимо, из-за лишнего веса – результат его «невидимости» – и более высокой температуры, чем предполагалось. Пилот все-таки посадил машину. Бойцы выскочили из вертолета без ущерба для себя.

Адмирал Макрейвен сказал:

– Меняем план. Мои люди знают, что делать в этом случае.

Трое бойцов пробежали по полю и оказались в гараже, где Кувейти держал свой джип. Удивленный Кувейти вы-

сунулся из-за металлической двери и получил две пули. Ранена в правое плечо была и его жена. Стреляли из оружия с глушителями.

Четверо спецназовцев патрулировали внешний периметр. Остальные восемь взорвали мощную стальную дверь, за ней оказалась кирпичная стена, но им открыли дорогу бойцы с первого вертолета.

Бен Ладен стал жертвой собственных мер безопасности. Его нельзя было увидеть с улицы. Но и он ничего не мог разглядеть со своего третьего этажа. Минут пятнадцать в полной темноте он просто ждал, видимо, парализованный страхом. Ни света, ни луны, полная темнота. В карманах у него было несколько сот евро и два телефонных номера – на случай бегства. Но убежать он не мог. У него не было ни плана бегства, ни потайного хода. Он или надеялся, что его не найдут, или что его заранее предупредят.

Трое бойцов вошли в основной дом. Бойцы тренировались на территории США, где была построена вероятная модель дома Усамы. Но что внутри – они не могли знать. Путь на верхние два этажа перекрывала массивная металлическая дверь. Ее взорвали.

Ночью 2 мая 2011 года обитатели хорошо укрепленного дома Усамы бен Ладена были внезапно разбужены звуком взрыва. Его двадцатилетняя дочь Мариам побежала на третий этаж к отцу, чтобы спросить, что происходит.

– Иди вниз, – велел Усама, – и ложись.

Жене Амаль он сказал:

– Не включай свет.

Ненужное предупреждение. Кто-то – так и осталось неизвестным, кто именно, – вырубил электричество во всем квартале. Это дало американцам преимущество в эту безлунную ночь. А слова, сказанные жене, стали последними словами бен Ладена.

На втором этаже американцы увидели двадцатитрехлетнего сына Усамы. Один из спецназовцев окликнул его:

– Халид!

Тот высунулся и получил пулю.

Усама бен Ладен отпер еще одну стальную дверь, которая открывалась только изнутри, и выглянул в коридор. Тут его и увидели. Он бросился назад, но не запер за собой дверь. Бойцы ворвались вслед за ним. Амаль вскочила. Один из бойцов ее отбросил, опасаясь, что у нее может быть пояс шахида. Второй в нее выстрелил. И она упала на матрас, где они спали с мужем.

Бен Ладен не сопротивлялся. В него всадили две пули – в голову и грудь.

Он часто говорил, что падет в бою, что не сдастся живым. В его комнате нашли пистолет и любимый АК-47. Все его оружие оказалось незаряженным. Он не собирался сражаться. Тело закинули в пластиковый мешок. В вертолете мешок раскрыли и сфотографировали.

Когда операция завершилась, конспиративную квартиру в городе сразу очистили, аппаратуру сняли и вывезли, спутник переориентировали. Миссия завершена.

Усама бен Ладен гордо говорил, что умрет свободным. В реальности он умер в тюрьме, которую построил себе сам. Человек без родины, отрезанный даже от своих единомышленников, которых уверял, что массовые убийства – верный путь к власти.

ПОХИЩЕНИЕ АДОЛЬФА ЭЙХМАНА

Самая знаменитая акция израильской политической разведки Моссад – похищение нацистского военного преступника Адольфа Эйхмана, отвечавшего в нацистской Германии за «окончательное решение еврейского вопроса».

Когда рушился Третий рейх, сотрудники Главного управления имперской безопасности обзаводились фальшивыми удостоверениями личности, чтобы спастись от наказания.

«На Курфюрстенштрассе, где находилась служба безопасности (СД), – рассказывал потом Эйхман, – выписывали фальшивые документы тем сотрудникам Четвертого управления, кто хотел изменить фамилию и профессию, скажем, желал превратиться в страхового агента. Начальник гестапо Генрих Мюллер спросил меня – как быть с вами? Я сказал, что мне документы не нужны».

Может быть, Адольф Эйхман не доверял товарищам по работе. Может, думал, что его искать не будут, поэтому бежал в родную Австрию.

Когда нацисты были разгромлены, у него началась паника – как жить в мире, где тобой больше никто не командует.

– Я чувствовал себя совершенно неспособным жить самостоятельно, – признавался он, – и впал в глубокую депрессию.

После крушения Третьего рейха он все-таки попал в американский лагерь для интернированных, но назвался чужим именем и легко сбежал. Несколько лет работал на ферме, разводил кур. Но понял, что отсидеться не удастся. Когда Эйхману стало ясно, что его ищут, накопив денег, в 1950 году он поехал в Италию.

Бывшие сослуживцы помогли ему раздобыть паспорт на имя Рикардо Клемента. Аргентинский консул в Генуе с удовольствием помог еще одному бывшему нацисту, надеявшемуся спастись в Латинской Америке, получить въездную визу. 14 июля 1950 года Адольф Эйхман отплыл в Буэнос-Айрес.

Затем началась операция прикрытия. Некий Карл Лукас дал в австрийском суде показания, что на его глазах Адольф Эйхман был убит в битве за Прагу 30 апреля 1945 года. Эйхмана уже хотели исключить из списка разыскиваемых преступников и признать умершим. Но его делом занялся Симон Визенталь, который станет самым знаменитым охотником за нацистами. Визенталь устано-

вил, что жена свидетеля – родная сестра Вероники Либль, жены Эйхмана. Иначе говоря, мнимый свидетель спасал свояка. Показания Карла Лукаса не приняли в расчет. Эйхман остался в списке нацистских военных преступников. Но никто не знал, где он.

Внезапно жена Эйхмана исчезла вместе с детьми. Ее мать рассказывала, что дочь уехала в Латинскую Америку и там вновь вышла замуж.

После 8 мая 1945 года Эйхман всячески избегал встреч с людьми, за которыми столько лет охотился. Роли поменялись – теперь уже искали его. Искали пятнадцать лет и нашли в Аргентине, где он скромно жил под чужой фамилией. Все эти пятнадцать лет он жил в страхе. Он ждал, что за ним придут.

В апреле 1960 года в штаб-квартиру Моссада в Тель-Авиве поступила информация о том, что Адольф Эйхман, который называет себя Рикардо Клементом, живет на окраине Буэнос-Айреса. Его опознал один эмигрант из Германии. Первой в Аргентину отправилась группа наружного наблюдения. В марте 1960 года разведчики убедились, что идут по верному следу. Они сообщили, что «Рикардо Клемент» и его жена устроили торжественный ужин в день, когда Адольф Эйхман и его жена должны были бы отмечать двадцатипятилетие своей свадьбы!

Но латиноамериканские страны нацистских преступников не выдавали. Так как же посадить Эйхмана на скамью подсудимых?

В Моссаде составили план операции: захватить Эйхмана, доставить его на конспиративную квартиру и держать там до тех пор, пока не появится возможность вывезти нацистского преступника из страны. Но как это сделать? Между Аргентиной и Израилем в 1960 году не существовало прямого авиасообщения. А морской путь был слишком долгим. И тут появилась неожиданная возможность.

3 мая 1960 года оперативная группа Моссад из трех человек отправилась в Аргентину. Руководитель группы Питер Малкин выдавал себя за немца, двое остальных – за англичан. Малкин родился в Польше. Когда семья переехала в Палестину (до Второй мировой она управлялась британскими властями), подростком вступил в подпольные боевые отряды «Хаганы», еврейской самообороны, созданной для защиты от арабских радикалов. Специалист по взрывному делу. С 1959 года служил в Моссаде.

С большим трудом им удалось снять отдельный дом, где предполагалось спрятать Эйхмана, и взять напрокат два автомобиля. Захват был намечен на 11 мая. Все эти дни в Аргентине находился и директор Моссада Иссер Харел. Он разработал план операции в мельчайших деталях.

Харел родился в Витебске. В 1922 году в высшей степени религиозная семья переселилась в Латвию, а в 1931 году он приехал в Палестину, где работал в киббуце, а потом вступил в «Хагану». Иссер Харел был прирожденным лидером. Подчиненные его побаивались, за глаза называли либо Наполеоном, либо Иссером Грозным, помня, что он родом из России.

Поздно вечером 11 мая 1960 года, когда Эйхман шел с автобусной остановки домой, было уже темно, шел дождь. Питер Малкин сбил его с ног и затолкал в машину. Его спросили: «Ваше имя?» Он назвал подлинное: «Я Адольф Эйхман». За эти годы в воображении людей он превратился в настоящее чудовище. Агенты израильской разведки, которые схватили его в Аргентине, были поражены, увидев самого обычного, даже жалкого человечка. И это убийца шести миллионов?

До 20 мая его держали на конспиративной квартире. Харел придумал, как вывезти его из страны. В Буэнос-Айрес на празднование 150-летия Аргентины прилетела официальная израильская делегация – на спецсамолете. Экипаж состоял из людей, отобранных сотрудниками Моссада. Эйх-

мана провели на борт самолета под видом захмелевшего члена экипажа. Самолет немедленно взмыл в воздух.

23 мая 1960 года премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион сообщил в кнессете:

– Адольф Эйхман, один из самых чудовищных нацистских преступников, находится в израильской тюрьме.

Для всех это был сюрприз. Американцы полагали, что Эйхман давно покончил с собой, понимая, что ему лучше не попадать в руки правосудия. После начала холодной войны желание искать нацистских преступников исчезло. Руководители ЦРУ информировали Сенат США, что не имеют возможности заниматься их розыском.

Аргентина обратилась с жалобой в Совет Безопасности ООН. За нацистского преступника вступились арабские страны.

Египетский посол в Москве обратился за помощью к заместителю министра иностранных дел Якову Александровичу Малику, доказывал, что нужно выразить протест по поводу похищения Адольфа Эйхмана:

«Речь идет о похищении человека агентами одного государства на территории другого государства, что фактически означает агрессивный акт и грубое нарушение суверенитета. Важно, чтобы действия Израиля были осуждены и чтобы принятая по этому вопросу резолюция была ясной и не содержала каких-либо компромиссов... В этой связи важно, чтобы Советский Союз занял позицию осуждения этих действий. Это окажет благоприятное влияние на общественное мнение арабских стран».

Адольфа Эйхмана судили в Иерусалиме.

Процесс продолжался четыре месяца. Еще четыре месяца судьи совещались. Они знали, что приговор по этому делу должен быть безукоризненным и беспристрастным. Вердикта ожидали не только миллионы простых людей по всему миру, но и множество профессиональных юристов и ученых.

История юриспруденции знает подсудимых с более громкими именами и высокими званиями. Человек, которого судили в Иерусалиме, имел скромный чин и возглавлял сравнительно небольшой отдел в крупном ведомстве.

9 октября 1941 года начальник полиции безопасности и СД бригаденфюрер СС Бруно Штреккенбах подписал представление на имя рейхсфюрера СС, копия – в Главное управление кадров:

«Прошу присвоить штурмбаннфюреру Адольфу Эйхману с 9 октября 1941 года очередное звание оберштурмбаннфюрера. Я предлагаю это производство на основании особо успешных действий Эйхмана, который имеет особые заслуги в деле очищения Восточной провинции от евреев...»

Восточная провинция, Остмарк, упомянутая в документе, – это в нацистской географии территория присоединенной к рейху Австрии.

Полученное им звание оберштурмбаннфюрер СС в армейской иерархии приравнялось к подполковнику. Эйхман был уверен, что заслуживает более высокого звания. Жаловался следователю в Иерусалиме:

«Я считал, что меня обходят, – и сказал себе: сейчас ты оберштурмбаннфюрер, если пойдешь на фронт – там быстрее дадут штандартенфюрера (полковника). Но я так и просидел до мая 1945 года оберштурмбаннфюрером, потому что при моей должности начальника отдела – это кадровый потолок».

Он, возможно, остался бы безвестным функционером нацистского аппарата, если бы не итоги его деятельности. Имея всего несколько подчиненных, он привел в действие гигантский механизм, который за несколько лет уничтожил шесть миллионов человек.

Оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман служил в Четвертом управлении (гестапо) Главного управления имперской безопасности.

Для выживших Эйхман был воплощением зла, дьяволом во плоти. Его мало кто видел. Узники лагерей знали только своих непосредственных мучителей – надзирателей. Эйхман никого не избивал, не загонял в газовую камеру, вообще редко появлялся в лагерях. Но каждый еврей, оказавшийся сначала в гетто, а затем и в лагере уничтожения, знал, что нашел его и отправил туда Адольф Эйхман.

Прежде всего он скрупулезно выяснил, скольких придется уничтожить. Составил подробные карты расположения еврейского населения в Европе, затем подробные списки. Он настоял на том, чтобы все евреи носили желтую звезду, дабы легче было их опознать, сселял их в гетто – оттуда проще отправлять в лагерь.

Евреев расстреливали и вешали, но темпы этой работы не устраивали ни Эйхмана, ни его начальство. Расстрел как метод не понравился Эйхману: слишком медленно, слишком неаккуратно и слишком дорого. Германия должна экономить патроны для фронта. Он доложил свои впечатления непосредственному руководству – начальнику гестапо группенфюреру СС Генриху Мюллеру. Тот был, как обычно, немногословен, но с подчиненным согласился:

– Да, товарищ Эйхман, ты прав.

И тут у руководителей концлагеря Освенцим появилась идея устроить газовые камеры прямо в концлагерях. Эйхман понял, что найдено настоящее решение. В газовые камеры загоняли людей целыми партиями прямо из эшелонов, а трупы сжигали здесь же в лагерных крематориях.

– Вот это производительность! – гордо сказал Эйхману комендант Освенцима.

20 января 1942 года на дачном объекте службы безопасности у берлинского озера Ванзее начальник Главного управления имперской безопасности Рейнхард Гейдрих объяснил высшим чиновникам, что задача партии и государства – уничтожить всех евреев. Эйхман снабдил Гейдриха всеми цифрами для доклада.

– После конференции в Ванзее мы остались втроем – Гейдрих, Мюллер и я, – рассказывал на суде Эйхман. – Гейдрих объяснил мне, как составить протокол конференции. Потом меня пригласили выпить коньяку. Мы выпили две или три порции.

В августе 1944 года он доложил Мюллеру, что четыре миллиона евреев уже уничтожены и еще два миллиона находятся в руках немцев. Он без усталы колесил по Европе, выискивая неучтенных евреев, договариваясь с транспортным ведомством и местными властями о вывозе евреев в лагеря уничтожения.

На суде Эйхман не отрицал своего участия в «окончательном решении еврейского вопроса», но наотрез отказывался признавать себя убийцей:

– Я никогда никого не убивал. Я занимался только тем, что находил евреев и отправлял их в лагеря. Таков был приказ фюрера. Я должен был подчиняться. Выбора у меня не было. Если бы мне в то время сказали: «Твой отец изменник» и я должен его убить, то я бы сделал это. Ибо предполагалось одно: приказ начальника – это приказ. Пятки вместе, носки врозь и отвечать: «Так точно!»

Адольф Эйхман родился в Рейнской области. Когда мальчику было шесть лет, его отца, бухгалтера, перевели в австрийский город Линц, где вырос и Гитлер. Молодой Эйхман торговал керосином и надеялся заняться смазочными маслами. В апреле 1932 года он вступил в национал-социалистическую партию и в СС. Выразил желание быть зачисленным в службу безопасности (СД).

После создания Главного управления имперской безопасности в 1939 году Адольфа Эйхмана определили в гестапо. Четыре отделения (реферата) занимались церковными делами. Первое ведало «политическим католицизмом», второе «политическим протестантизмом», третье – другими церквями и масонами. Эйхман стал начальником четвертого реферата – «еврейские дела».

Уничтожение евреев стало для него не просто выполнением приказа, а делом всей жизни. Он был словно заворочен этой целью. Он не думал ни о чем другом.

– Уже в самом конце рейхсфюрер СС Гиммлер хотел, чтобы я остановился, – признался Эйхман. – Он решил, что нам всем пора спасать наши шкуры. Я продолжал действовать. Если человеку поручено дело, он обязан довести его до конца...

Сам Генрих Гиммлер едва не лишился чувств, когда в концлагере ему продемонстрировали процесс уничтожения узников. Эйхман в обморок не падал.

Иерусалимский суд вынес вердикт 10 декабря 1961 года: Адольф Эйхман виновен в преступлениях против человечности. Это был единственный человек, приговоренный к смерти в Государстве Израиль. 31 мая 1962 года его повесили.

Питер Малкин, который руководил группой по захвату Эйхмана, после ухода из Моссада получил право рассказать об этой операции. Малкин высоко оценил работу коллег из Федеральной службы безопасности России, которые в марте 2000 года захватили чеченского террориста Салмана Радуева:

– Главное, что операция была проведена без единого выстрела. Каким бы сложным ни было задание, разведчик не должен применять оружие. Его оружие – это голова.

Израильские спецслужбы уничтожили немалое число террористов, но правительство Израиля никогда не берет на себя ответственность за эти операции. Главы государств не признают участия и даже своей осведомленности в тайной деятельности спецслужб. Эта политика позволяет сохранять нормальные межгосударственные отношения, которые непременно бы ухудшились, если бы правительство признавало своим каждого пойманного шпиона и киллера.

Но иногда попытки устранить врага без суда оканчиваются трагически.

ОПЕРАЦИЯ «БОЖИЙ ГНЕВ»

Мы точно знаем, как развивались события в тот роковой день.

5 сентября 1972 года в половине пятого утра восемь палестинцев в спортивных костюмах с рюкзаками за спиной легко преодолели ограду Олимпийской деревни в Мюнхене. Им надо было всего лишь перелезть через металлическую сетку. Сверху даже не было колючей проволоки.

Руководитель палестинской группы знал, что именно в этом месте подгулявшие спортсмены ночью пробирались в Олимпийскую деревню и никого не останавливали. Руководитель боевиков прожил в Западной Германии пять лет. Когда началась подготовка к операции, он легко нашел себе временную работу в Олимпийской деревне, как и его помощник, устроившийся поваром. Днем, в обеденный перерыв, они грелись на солнышке и играли в шахматы прямо напротив дома № 31.

Боевиков сопровождал один из тех, кто задумал и подготовил эту операцию. Его псевдоним – Абу Дауд. Но Абу Дауд сам остался за оградой. Он не собирался рисковать жизнью. Его работа состояла в том, чтобы посылать на смерть других.

Восемь молодых палестинцев спешили как можно скорее добраться до трехэтажного дома № 31 на Коннолиштрассе, где организаторы XX летней Олимпиады разместили израильскую спортивную команду.

По дороге палестинцы переоделись. Они вытащили из рюкзаков оружие и, стараясь не шуметь, подошли к дому № 31, в котором израильская команда – двадцать один человек – занимала первые шесть квартир. Палестинцы были вооружены автоматами Калашникова и ручными гранатами (потом полиция подсчитает, что в их распоряжении было восемь автоматов, девятьсот патронов и двадцать четыре гранаты).

Террористы захватили девять заложников спящими. Двоих, которые сопротивлялись, убили. Они намеревались взять в заложники всю израильскую команду, но, получив неожиданный отпор со стороны безоружных людей, ошибочно решили, что теперь бессмысленно искать оставшихся – те уже наверняка в безопасности. Благодаря этому другие израильские спортсмены остались живы.

Летние Олимпийские игры в Мюнхене проводились с большим размахом. Мир должен был увидеть новую, преобразившуюся Германию, не имеющую ничего общего с мрачным тоталитарным прошлым.

Приезд израильской команды был еще одним свидетельством расчета с прошлым. В Мюнхен прибыла самая большая израильская команда за все время участия еврейского государства в Олимпийских играх; приехали и бывшие узники концлагерей. Израильские спортсмены гордились тем, что евреи смогли вернуться в Германию, на Олимпиаду, под собственным флагом.

Присутствие израильской команды означало, что нацисты, уничтожив шесть миллионов евреев, не убили дух еврейского народа. Но некоторым евреям было в Западной Германии не по себе. Они не могли забыть нацистскую эпоху. Тем более что концлагерь Дахау – совсем рядом с Мюнхеном.

Немцы подумали обо всем. И все предусмотрели. Кроме возможности теракта. Организаторы решили, что служба безопасности не должна быть заметной, ее главная забота – безбилетники и пьяные. Израильские специалисты в области безопасности приезжали в Мюнхен, у них были свои рекомендации, но хозяева твердо сказали гостям, что обо всем позаботятся сами.

Террористы вытащили мертвое тело одного из убитых израильских спортсменов, голое и окровавленное, и бросили его на тротуар прямо перед полицейским. Потребо-

вали освободить двести тридцать четыре палестинца, отбывавших наказание в израильских тюрьмах (все это были осужденные террористы), и шестнадцать заключенных европейцев, среди них немцы, ультралевые террористы.

Террористы предупредили: если до девяти утра следующего дня их требования не будут выполнены, они начнут убивать заложников одного за другим.

Премьер-министр Израиля Голда Меир попросила правительство ФРГ принять израильский спецназ и разрешить профессионалам провести операцию по освобождению заложников. Баварские власти высказались против приезда израильтян: нельзя позволять иностранцам стрелять на нашей земле! Соображения престижа заставили немцев отказаться от помощи израильтян.

Руководители полиции понимали, что они не могут просто наблюдать за происходящим, они обязаны хоть что-то предпринять.

Возникла идея – полицейские могут проникнуть в дом скрытно, через вентиляционные шахты, находившиеся на крыше. Проверили: диаметр шахт достаточен для того, чтобы человек пролез внутрь. Но подготовленных оперативников среди мюнхенских полицейских не оказалось! Наиболее умелыми сочли тринадцать человек из специальной разыскной группы мюнхенской полиции. Они занимались борьбой с организованной преступностью и хотя бы немного владели рукопашным боем.

Операция по освобождению заложников получила оптимистическое название «Солнечное сияние». Полицейские несколько часов изучали планы здания и готовились нырнуть в вентиляционные шахты. Но и от этой идеи пришлось отказаться. Повсюду находились не только тысячи наблюдателей, живо обсуждавших происходящее, но и телевизионные камеры, которые с самого утра показывали все происходящее вокруг заложников. В 6:10 полицейские, находившиеся на крыше, собрали вещи и исчезли.

Полицейским ничего не объяснили, им просто передали по радио приказ покинуть крышу. Они были счастливы.

– Слава богу, что мне не довелось услышать кодовые слова «Солнечное сияние»! – признался один из них. – Это была бы самоубийственная миссия. Мы абсолютно не были готовы к тому, чтобы бороться с террористами.

В тот день немецкие полицейские не горели желанием проявить героизм и мужество.

Палестинские боевики потребовали предоставить им самолет, чтобы вместе с заложниками лететь на нем в одну из арабских стран.

Тут немцы вспомнили, что в двадцати пяти километрах от города находится военный аэродром Фюрстенфельдбрук. Аэродром казался идеальным местом для проведения спасательной операции.

В начале одиннадцатого вечера автобус подвез террористов и заложников к вертолетам. Заложников на глазах тысяч людей запихнули в вертолеты. В 22:21 вертолеты растаяли в черном небе. Руководители Олимпийского комитета были довольны – главное, что террористов убрали из деревни. Теперь ничто не мешает продолжению Игр. Спортсменов предупредили, чтобы они готовились к завтрашним соревнованиям.

А в Фюрстенфельдбруке на взлетной полосе стоял белоголубой боинг «Люфтганзы». Террористам сказали, что он готов лететь в Каир. Внутри устроили ловушку. Возле машины стояли переодетые в летную форму полицейские. Они изображали членов экипажа и стюардов.

Полицейские должны были убить или схватить руководителей боевиков. После этого снайперы прикончили бы остальных палестинцев, которые в критический момент, лишившись руководства, несомненно, должны были растеряться. Но из этой идеи тоже ничего не вышло. За пятнадцать минут до появления вертолетов переодетые полицейские наотрез отказались участвовать в операции, которую они счи-

тали самоубийственной. Они не верили, что сумеют схватить и обезоружить двоих террористов. Не оставалось времени ни придумать новый план, ни искать более смелых полицейских, которые бы рискнули остаться в самолете.

Оставались только снайперы. Успех операции и жизнь заложников полностью зависели от точности пяти снайперов, которые не имели специальной подготовки и соответствующего опыта. Их выбрали только потому, что они увлекались стрельбой и в выходные – вместо пивной – ходили в тир. И по сей день немцы не в состоянии внятно объяснить, почему они не могли собрать побольше снайперов, чтобы на каждого террориста приходилось два-три стрелка. Эта операция была обречена с самого начала.

Снайперы даже не подозревали, что террористов значительно больше, чем им сказали. У снайперов не было приборов ночного видения, инфракрасных прицелов, необходимых при ведении прицельной стрельбы ночью.

Наверное, в той ситуации надо было позволить террористам улететь вместе с заложниками. Как ни страшно было бы израильтянам оказаться в Египте, все-таки оставался шанс на благополучный исход.

Но начальник полиции приказал снайперам стрелять.

Боевики поняли, что их обманули, что переговоры с ними велись только для отвлечения внимания, и открыли беспорядочный огонь из «калашниковых». Они палили во все стороны – в здание аэродрома, в самолет и в убежавших вертолетчиков.

В это время умелые спецназовцы могли и должны были атаковать палестинцев и покончить с ними. Но полицейский спецотряд, который доставили на вертолетах через час после начала стрельбы, зачем-то посадили на другом краю аэродрома, в двух километрах от места действия. Отряд так и не был введен в действие.

Никогда не узнать, что израильские спортсмены, связанные и беспомощные, пережили в те минуты, когда

внезапно началась беспорядочная стрельба... Внутри вертолета, стоявшего в восточной части взлетного поля, террорист открыл огонь по четверем заложникам. Трое были убиты мгновенно. Террорист стрелял практически в упор. Но, как выяснилось при вскрытии, штангист Давид Бергер был только ранен двумя пулями в ногу. Террорист выпрыгнул из кабины, вырвал чеку из гранаты и бросил ее в вертолет. И был тут же убит выстрелом снайпера.

Но – слишком поздно. Граната внутри вертолета взорвалась, вспыхнул топливный бак. Раненый Давид Бергер сгорел заживо. Если бы полицейские действовали быстрее, его можно было бы спасти... Когда взорвался первый вертолет, еще один боевик вылез из-под другого вертолета, вскочил внутрь кабины и начал из автомата поливать свинцом остальных четверых заложников. Они были связаны и не могли сопротивляться. Полицейские слышали их предсмертные крики.

В ходе перестрелки на аэродроме пятерых террористов немцы застрелили, троих взяли живыми. Заложники погибли все.

Лидер ливийской революции полковник Муаммар Каддафи потребовал от правительства Федеративной Республики Германия отдать ему трупы убитых террористов. Канцлер Вилли Брандт согласился. Пятерым убитым террористам Каддафи устроил торжественные похороны в Триполи как «героям палестинского народа». В их честь был произведен орудийный салют. Муаммар Каддафи вручил пять миллионов долларов Ясиру Арафату. Каддафи знал, кто именно убил израильских спортсменов, хотя формально ответственность взяла на себя боевая группа под названием «Черный сентябрь».

Через полтора месяца, 29 октября 1972 года, двое палестинских боевиков захватили «Боинг-727», принадлежавший «Люфтганзе». Террористы потребовали освободить своих соратников, арестованных за участие в похи-

щении и убийстве израильских спортсменов. В противном случае они угрожали взорвать самолет. Западные немцы были готовы на все, лишь бы их самих не трогали. Власти Федеративной Республики капитулировали.

Весь арабский мир считал освобождение убийц победой, которую отмечали массовыми митингами и шествиями. Для Израиля освобождение террористов стало ударом. Убийство спортсменов было ничем не прикрытым преступлением против мирных людей. Евреи опять чувствовали себя одинокими: их убивали, и никто не пришел им на помощь. Это означало, что они должны и обязаны защищать себя сами.

– Похоже, в мире за решеткой уже не осталось ни одного террориста, – с нескрываемой горечью говорила премьер-министр Израиля Голда Меир. – Всех отпустили. Все капитулировали перед ними. Все, кроме нас. У нас нет иного выбора, кроме как наносить удары по террористическим организациям повсюду, где мы сможем их обнаружить. Это наш долг перед нами самими и перед миром. И мы исполним свой долг.

Руководитель военной разведки генерал Аарон Ярив предложил Голде Меир уничтожить руководителей «Черного сентября». Пусть террористы почувствуют себя в роли людей, за которыми охотятся, пусть они станут жертвами, поменяются местами с теми, кого они привыкли убивать.

И до Мюнхена израильский спецназ уничтожил террористов. Но речь шла только о боевиках, на руках которых кровь. После Мюнхена Голда Меир приказала Моссаду и военной разведке найти всех палестинцев, участвовавших в убийстве израильских спортсменов:

– Я хочу, чтобы все организаторы и исполнители ответили за свое преступление. Отправьте наших мальчиков.

Имела ли премьер-министр право отдавать такие приказы? Фактически с момента создания Израиля в стране существует режим чрезвычайного положения, потому что

соседние арабские страны напали на еврейское государство в день его провозглашения. На протяжении десятилетий арабский мир находился в состоянии войны с Израилем, соседи не признавали еврейское государство и пытались его уничтожить.

«Если враги еврейского народа говорят о своем намерении нас уничтожить – не пренебрегайте их словами, отнеситесь серьезно, верьте им! – считал один из премьер-министров Израиля Менахем Бегин. – Они действительно планируют уничтожение, и их нужно остановить. Не говорите, будто это несерьезно. Никогда не спрашивайте, что скажут в мире. Мир никогда не пожалеет побитых евреев, но примет евреев сражающихся».

Операция возмездия, проведенная израильтянами после трагедии в Мюнхене, не знает себе равных в антитеррористической борьбе. Это была чистой воды месть. Никого не собирались похищать и сажать на скамью подсудимых. Израильские руководители считали, что суд уже состоялся и сомнений в виновности нет. Вопрос только в том, как исполнить приговор.

Операция называлась «Божий гнев» и должна была повергнуть в страх не только палестинских боевиков, но и тех, кто придумал эту операцию, кто руководил террористами, сидя за письменным столом, тех, кто посылал других убивать, а сам ничем не рисковал. Составили список палестинских боевых командиров, виновных в мюнхенской бойне.

Никто не видел этого списка. Рассказывают, что там было от двенадцати до шестнадцати имен. Судить об этом можно только по числу трупов уничтоженных террористов. Впрочем, еще не известно, кого именно из внесенных в черный список убили израильтяне, а кого сами палестинцы, которые в междоусобной борьбе за власть неумолимо уничтожали друг друга.

Непосредственная подготовка была возложена на Моссад. Политическая разведка считается самой сильной

и профессиональной в Израиле. Боевая группа состояла всего лишь из пятнадцати человек. Все это были опытные люди. Каждый говорил на нескольких языках. Среди них были специалисты по изготовлению фальшивых документов, взрывчатки, хорошие стрелки.

Двое приводили приговор в исполнение, двое их прикрывали. Еще двое занимались организационной работой – бронировали номера в гостиницах, находили конспиративные квартиры, арендовали машины. Двое отвечали за бесперебойную связь. И человек шесть – восемь следили за объектом и обеспечивали благополучную эвакуацию после операции.

Рим, октябрь 1972 года

Первым, всего через одиннадцать дней после мюнхенской трагедии, за убийство израильских спортсменов ответил Ваиль Адель Зуайтер. Он был представителем ООП в Риме и заодно работал переводчиком в ливийском посольстве. Считается, что именно Зуайтер доставил террористам в Мюнхен оружие. Он участвовал в подготовке основных европейских операций «Черного сентября».

Члены израильской оперативной группы поодиночке добрались до Италии. В Рим им доставили пять полуавтоматических пистолетов «Беретта» двадцать второго калибра. Это оружие сотрудники Моссада считали надежным и удобным для такого рода акций.

16 октября 1972 года два автомобиля сели на хвост Зуайтеру. В одном находились руководитель группы по имени Авнер и его помощник, в другой – еще один оперативник, а за рулем сидела женщина из вспомогательной группы.

Вечером Зуайтер навестил старую знакомую – Жанет фон Браун, австриячку, давно обосновавшуюся в Риме. Когда он направился домой, его уже не выпускали из виду. Двое оперативников давно ожидали его в подъезде.

Зуайтер купил вино и какие-то продукты и остановился на несколько минут в таверне напротив своего дома, чтобы позвонить. Группа, которая вела слежку, знала, что квартирный телефон у Зуайтера отключен за неуплату. Повесив трубку, Зуайтер примерно в половине одиннадцатого вечера пересек улицу и вошел в подъезд, нагруженный бутылками вина. Там было темновато, и Авнер щелкнул выключателем: он хотел больше света, чтобы не обознаться.

Второй оперативник все равно на всякий случай спросил палестинца:

– Вы – Ваиль Адель Зуайтер?

Тот кивнул, после чего двое оперативников всадили в него по полной обойме. На звук выстрелов никто не появился.

Оперативники спокойно вышли из подъезда и сели в ожидавшую их машину – «Фиат-125», взятый напрокат мнимым туристом с фальшивым канадским паспортом. В кабине сидели двое. Они изображали любовников и делали вид, что целовались. Пятый участник должен был осмотреть место действия и убедиться, что не осталось никаких улик, способных навести полицию на след.

Оперативники доехали до условленного места, где их ожидал микроавтобус с водителем. Он доставил группу на конспиративную квартиру.

Париж, декабрь 1972 года

В декабре 1972 года израильтянам называли адрес Махмуда аль-Хамшари, руководившего боевыми операциями палестинцев с территории Франции. Хамшари с женой, француженкой Мари-Клод, и дочкой Аминой обосновался в элегантной квартире в Париже. Он не скрывал своих отношений с Организацией освобождения Палестины. Но только посвященные знали, что он ведает оружием и взрывчаткой и подбирает объекты для терактов. После смерти Зуайтера палестинцы взяли под охрану не только самого Хамшари, но и его дом.

Израильтяне пришли к выводу, что Хамшари несложно застрелить прямо на улице. Но задача состояла в том, чтобы провести операцию устрашения. За ним следили круглосуточно целую неделю, чтобы установить его привычки и образ жизни.

Каждое утро его жена отводила девочку в школу. Это было сочтено самым подходящим временем для операции. Один из оперативников, представившись итальянским журналистом, позвонил Махмуду Хамшари и попросил об интервью. Тот согласился. «Журналист» предупредил, что через несколько дней перезвонит, чтобы окончательно договориться о времени и месте встречи. Смысл этой игры состоял в том, чтобы Хамшари не только брал телефонную трубку, но и называл себя.

Встреча состоялась в близлежащем кафе. Пока мнимый журналист и Хамшари пили кофе и обсуждали ситуацию на Ближнем Востоке, сотрудники оперативной группы подобрали ключи к замку его квартиры.

7 декабря «журналист» вновь выманил Хамшари из дома. Тем временем его квартиру тайно посетили два специалиста-подрывника. Они вмонтировали миниатюрное, но очень мощное взрывное устройство в столик под телефоном.

На следующий день, в пятницу, 8 декабря, рано утром, трое сотрудников боевой группы подъехали к дому. Они дождались, когда его жена с дочкой покинули квартиру (чтобы не пострадали невинные люди).

В 8:45 Махмуду Хамшари позвонили. Он снял трубку.

– Это Махмуд Хамшари? – уточнил по-арабски руководитель группы.

– Да, это я, – с готовностью ответил тот, ожидая звонка итальянского журналиста.

Оператор с помощью дистанционного управления привел в действие детонатор. Хамшари был смертельно ранен. Он скончался в больнице через несколько недель.

Никосия, январь 1973 года

Хусейн Абд аль-Шир (он же Хусейн Башир, он же Абд аль-Хир) был представителем арафатовской организации ФАТХ на Кипре, который в силу своего удачного географического положения (с острова было рукой подать до Ливана, Египта и Израиля) служил удобной базой для терактов в Европе. Считается, что аль-Шир снабдил отправлявшихся в Мюнхен террористов документами и билетами.

В январе 1973 года он прилетел в Никосию из Дамаска. Он всегда останавливался в одной и той же гостинице – «Олимпик» на улице президента Макариоса. Это постоянное стоило ему жизни. В середине января на остров прибыли израильтяне и остановились в той же гостинице.

Когда аль-Шир уехал утром по делам, они побывали в его номере и вмонтировали в кровать небольшое количество взрывчатки. Ему достаточно было лечь в постель, чтобы прозвучал взрыв. Но руководитель боевой группы подумал о том, что аль-Шир может привести к себе гостей, кто-то присядет на кровать и погибнет. Чтобы избежать ненужных жертв, установили еще один взрыватель, требующий радиосигнала.

Вечером 24 января аль-Шир вернулся в гостиницу в сопровождении человека, который был осведомителем Моссада. Выйдя из номера, он сообщил руководителю операции, что аль-Шир остался один. Через некоторое время свет в номере погас, это означало, что аль-Шир лег спать. Наблюдавший за окном оперативник подал сигнал оператору... Взрыв был настолько мощным, что выбил окна и дверь номера. Аль-Шир оторвало голову.

Бейрут, апрель 1973 года

Все это были исполнители. Те же, кто руководил террористами, обосновались в Бейруте. Окруженные множеством телохранителей, они ощущали себя в безопасности. Они были уверены, что до них израильтяне не доберутся.

В ливанской столице находились трое руководителей «Черного сентября», непосредственно занимавшиеся терактом в Мюнхене, – Мохаммад Юсуф аль-Наджар (он же Абу Юсеф), Кемаль Адван и Камаль Насер.

На сей раз акцию возмездия подготовила военная разведка, а не Моссад, потому что требовалась настоящая боевая операция. Исполнение было поручено спецназу. Задание командир спецназа подполковник Эхуд Барак (будущий премьер-министр) получил в феврале 1973 года.

Все трое были в Бейруте соседями – они обосновались рядом с крупнейшим торговым центром. Адван и Насер жили в одном доме, на втором и третьем этажах. Абу Юсеф занял квартиру на шестом этаже дома напротив. Охраняли их не только палестинские боевики, но и ливанские полицейские.

Использование вертолетов в Бейруте исключалось – палестинцы успели бы подготовиться к атаке. Решено было скрытно проникнуть в город. Нескольким спецназовцам предстояло действовать в женской одежде, других снабдили куртками на несколько размеров больше, чем нужно, чтобы скрыть под одеждой оружие. Военная разведка раздобыла поэтажные планы обоих зданий, и спецназовцы приступили к тренировкам: каждую ночь на учебной базе они отрабатывали проникновение в хорошо охраняемое здание, тактику прицельной стрельбы из движущихся машин. На каждую цель выделялась группа из четырех человек.

6 апреля 1973 года передовая группа израильтян появилась в Бейруте. Они прилетели из Лондона, Рима и Парижа под видом туристов с фальшивыми паспортами, сняли номера в двух разных гостиницах и взяли напрокат шесть машин («Рено», три белых «Бьюика», седан «Плимут» и автобус).

Операция предстояла ночная, нужно было приучить служащих отеля к тому, что эти постояльцы ночью путе-

шествуют по Бейруту. Один из них, выдававший себя за англичанина, постоянно рассказывал, что его хобби – это ночной лов. Он каждую ночь покидал отель и возвращался утром довольный и со свежей рыбой.

Передовая группа обкатывала маршруты движения к цели и отхода.

9 апреля операция началась. Проводить спецназовцев приехали начальник Генерального штаба израильской армии генерал-лейтенант Давид Элазар и начальник военной разведки генерал-майор Элияху Заир.

– Мы должны уничтожить этих мерзавцев, – коротко напутствовал генерал Элазар спецназовцев.

Скоростные катера отошли от причала военно-морских сил. Им понадобилось семь часов, чтобы дойти до Бейрута. На берег шестнадцать спецназовцев высадились с резиновых лодок; их встретила передовая группа, избравшая поклонников ночной рыбалки. Уже наступило 10 апреля. На берегу их ждали три машины. В первую сели Эхуд Барак и его помощник Йонатан Нетаньяху, которому предстояло летом 1976 года стать героем спасательной операции в аэропорту Энтеббе, где он погибнет. Подполковник Йонатан Нетаньяху – старший брат премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху.

Все спецназовцы были в гражданской одежде, их отвезли в центр города. Технологически это была сложнейшая операция, требовавшая точной координации действий большого числа людей.

Подполковнику Эхиду Бараку пришлось переодеться женщиной и напаялить парик, чтобы обмануть бдительность палестинских охранников и ливанских полицейских. Он даже воспользовался косметикой, а под бюстгалтером у него были гранаты. Он, правда, вынужден был отказаться от юбки, но в то время уже многие женщины носили брюки. На улице Барак для маскировки обнял одного из подчиненных за талию, и они благополучно миновали по-

лицейский патруль. Достигнув условленной точки, спецназовцы разделились на три группы.

Самой трудной целью был Абу Юсеф, которого тщательно охраняли. С него и начали. Первая группа, перескакивая через несколько ступенек, буквально взлетела на шестой этаж. На ходу израильтяне достали оружие и гранаты. Командир группы держал в одной руке автомат «Узи», в другой «Беретту». Они заложили взрывчатку под дверь.

Спецназовцы точно знали планировку квартиры и хорошо представляли себе, где может быть хозяин. Он появился на пороге своей спальни и тут же юркнул назад. Из разных дверей возникли трое телохранителей. Но у палестинцев не было ни одного шанса...

Через дорогу две остальные группы действовали так же стремительно. Камаль Насер спрятался под столом. Он успел выстрелить в одного из спецназовцев и ранить его в ногу, прежде чем был убит. Кемаль Адван в последний момент схватился за «калашников», но выстрелить не успел.

Израильтяне искали и Абу Айяда. Он был целью номер один. Но ему повезло. В момент операции он совсем в другом месте разговаривал с тремя террористами, которые выжили после Мюнхена.

Звуки взрывов и выстрелов привлекли ливанскую полицию. Примчались три полицейских «Лендровера», но они были встречены таким шквалом огня, что предпочли не принимать боя. Один из израильтян позвонил в городское полицейское управление, на безупречном арабском языке представился служащим муниципалитета и предупредил, что невозддержанные палестинцы опять устроили перестрелку:

– Они выясняют отношения между собой, так что будьте осторожны, а то попадете под перекрестный огонь.

Дополнительные силы ливанской полиции приехали не скоро, когда израильтяне уже были в безопасности.

Еще одним помощником Эхуда Барака в этой операции был Амнон Липкин-Шахак, тоже десантник по военной специальности. Со временем он, как и Барак, станет генералом, возглавит военную разведку, потом Генеральный штаб. Группа Липкина-Шахана взорвала шестиэтажное здание, битком набитое боевиками Демократического фронта освобождения Палестины. Это еще одна террористическая организация, которой руководил Найеф Хаватма...

После этого всех спецназовцев отправили назад к берегу.

Отход боевых групп прикрывали израильские вертолеты. Но задача состояла в том, чтобы избежать столкновений с ливанской армией. Сотрудники Моссада позвонили руководителям полиции и, выдавая себя за руководителей ливанской армии, объяснили, что ведут преследование неизвестных преступников. То же самое они сказали и пограничной страже... В результате ливанские власти были дезориентированы, и никто не помешал израильтянам беспрепятственно покинуть страну.

На максимальной скорости они промчались мимо ливанских бронетранспортеров, военные не обратили никакого внимания на кавалькаду машин, устремившихся к морю. Через несколько минут весь отряд был уже на борту ракетного катера израильского военно-морского флота.

Палестинские вожди были напуганы. Они не думали, что с ними рассчитаются их же методами. Руководителей боевых отрядов окружили большим количеством телохранителей и обязали минимум раз в месяц менять квартиру.

Больше всех боялся за свою жизнь Ясир Арафат. С того дня он больше никогда не ночевал два раза в одном месте.

Париж, июнь 1973 года

Тем временем в Париже обнаружили одного из самых известных террористов тех лет Мохаммада Будиа. Он снаб-

жал оружием и взрывчаткой чуть ли не всех европейских террористов – итальянские «Красные бригады», западногерманские «Фракцию Красной армии» и «Движение 2 июня», турецкую «Народную освободительную армию».

Будиа отправил в Израиль трех молодых девушек с заданием взорвать несколько отелей в самых посещаемых туристами районах Израиля. Он снабдил девушек одеждой, пропитанной различными химическими веществами. Соединенные вместе, они становились такими же опасными, как напалм. Но израильская контрразведка обратила внимание на странно ведущих себя девушек. Они были арестованы и на допросах описали человека, который их послал.

Мохаммад Будиа был крайне осторожен, менял внешность и имена. Нигде подолгу не жил. В Париже он обзавелся целым гаремом, так что снимать квартиры необходимости не было. Он ночевал у своих подруг, соединяя приятное с полезным. За его сексуальные подвиги израильтяне окрестили его «синей бородой».

Но это его не спасло.

Поздно вечером 27 июня 1973 года израильтяне засекли голубой «Рено» Будиа возле дома одной из его пассий. Известно было, что он всегда проверяет машину, прежде чем в нее сесть. Так что агенты Моссада вскрыли «Рено» и подложили взрывное устройство под водительское сиденье.

Утром Будиа покинул свою подругу и спустился вниз. Он вышел на улицу и тщательно осмотрел свой голубой «Рено», заглянул в багажник и под капот, проверил выхлопную трубу и днище. Ничего подозрительного он не обнаружил, поэтому сел за руль... и взлетел на воздух.

Хотели, чтобы палестинцам всякий раз было ясно, что их человек погиб не случайно, что это месть. Поэтому в отступление от обычных правил приказ гласил: никакой маскировки под несчастный случай – напротив, действовать демонстративно. Но требовали от подчиненных твердо

удостовериться, что перед ними именно тот, кого они ищут. Предупреждение не помогло...

Лиллехаммер, июль 1973 года

Только с Али Хасаном Саламехом у Моссада вышла промашка. Саламех стал одним из самых близких к Арафату людей. Тот настолько доверял Саламеху, что поручил ему командовать своей личной охраной – «Отрядом-17». О нем говорили как о возможном наследнике Арафата, именовали «красным принцем».

Саламех не был похож на обычных палестинских боевиков, выросших в лагерях для беженцев. Он был сыном процветающего бизнесмена, который посвятил жизнь борьбе против палестинских евреев. Али с юности знал, что пойдет по отцовским стопам. Он учился в Египте, затем в Западной Германии, получил диплом инженера.

Пример Саламеха доказывал, что террор – дело рук не обездоленных и обиженных, а весьма процветающих людей. По настоянию матери он женился, что не мешало ему наслаждаться жизнью. Он любил общество красивых женщин, дорогие спортивные машины и костюмы от модных дизайнеров. Он купил виллу в Женеве и несколько домов на юге Франции.

Он приказывал своим боевикам убивать не израильских солдат, а безоружных граждан. По его приказу в Вашингтоне палестинец прямо на улице подошел к помощнику израильского военного атташе и пять раз выстрелил в него.

Израильтяне гонялись за ним по всей Европе. Но он постоянно исчезал за железным занавесом – прятался в социалистических странах. Первая группа, которой поручили операцию возмездия, уже устала и нуждалась в отдыхе. Майк Харари набрал новую. Имена этих людей стали известны, потому что осуществленная ими операция закончилась смертью невинного человека и колоссальным провалом.

14 июля Майк Харари получил информацию о том, что Саламех находится в Норвегии и ждет курьера. Боевая группа получила указание немедленно лететь в Скандинавию. Перед вылетом всем четырнадцати агентам еще раз напомнили о том, как важно найти и обезвредить Саламеха, одного из самых опасных террористов. Промашки не должно быть.

Курьер по имени Кемаль сначала находился в Осло, а потом отправился в небольшой курортный городок Лиллехаммер с населением всего двадцать тысяч человек. Странный маршрут для курьера, который, по словам информаторов, вез что-то важное для руководителя террористической организации. Единственное возможное объяснение – именно там находится Саламех.

Сотрудники оперативной группы Моссада взяли напрокат машины и отправились в Лиллехаммер. Акция была поручена новичкам, потому что основная команда была отправлена на отдых. Роковая ошибка...

Сотрудники боевой группы обнаружили курьера в большом отеле рядом с железнодорожной станцией. Вечером Кемаль сидел в гостиной на первом этаже и смотрел телевизор. А в Лиллехаммере израильтяне умудрились потерять курьера. Мобилизовав все силы, обнаружили его в центре города в кафе «Королина», где Кемаль беседовал с каким-то арабом.

Израильтяне не верили своим глазам – значит, встреча с Саламехом и в самом деле состоялась! У них была фотография «красного принца». Но это был очень плохой снимок. Они не могли твердо решить, действительно ли в кафе сидел Али Хасан Саламех. Но руководитель группы в этом не сомневался. Его не смутило даже то, что араб, выйдя из кафе, сел на велосипед, а не в дорогую спортивную машину, что было бы естественно для плейбоя и гедониста Саламеха.

Израильтяне так долго за ним гонялись, что уверились в его необыкновенных способностях уходить от преследования. Велосипед, решили они, – всего лишь попытка

сбить преследователей с толку. Он отправился в бассейн. Израильтяне зафиксировали, как он беседовал с кем-то по-французски. Израильтяне знали, что Саламех говорит по-французски. Всё сошлось – это он!

Несколько членов боевой группы все же выразили сомнения. Но переубедить Майка Харари они не смогли. Он уверился в том, что человек на велосипеде и есть их цель. 21 июля в два часа дня ударная группа из трех человек прибыла в Лиллехаммер на темно-зеленом «Мерседесе».

Только потом стало ясно, что произошла чудовищная ошибка. Ахмед Бучик, официант, приехавший из Марокко в Норвегию на заработки, был поразительно похож на Саламеха. 21 июля, в субботу, оперативники из Мосссада, сменяясь, весь день следили за ним. Утром Ахмед Бучик позавтракал в маленьком кафе в центре города, побывал в бассейне, вечером отправился со своей женой Торелль в кинотеатр, где демонстрировали старый военный фильм.

Тем временем в город приехала группа ликвидации. В половине одиннадцатого вечера человек, которого считали Саламехом, сел со своей дамой в автобус и поехал домой. Когда они шли от остановки, перед ними остановилась белого цвета «Мазда». Двое оперативников остались в машине, двое выскочили с оружием в руках. Это были все те же «Беретты» двадцать второго калибра с глушителем. Они всадили в несчастного официанта четырнадцать пуль и вернулись в свою машину.

В маленьком городке выстрелы прозвучали особенно громко. Соседи немедленно вызвали полицию, которая приехала в считанные минуты. Это было первое убийство в городе за сорок лет. Началось расследование.

Норвежские полицейские предположили, что убийство – результат разборок между торговцами наркотиками. Но выяснилось, что убитый не был замечен ни в чем предосудительном. Зато бдительные соседи отметили появле-

ние в городе как раз накануне убийства людей восточной наружности на машинах с неместными номерами.

Благополучно покинули Норвегию Майк Харари и те двое, кто стрелял в мнимого Саламеха, – потому что они уехали сразу. А группу поддержки полиция задержала в аэропорту. В руках норвежской полиции оказалось шесть подозреваемых. Все они были агентами Моссада. Всех шестерых судили. Все они удивительным образом оказались слабыми профессионалами. И это не вязалось с репутацией Моссада как чуть ли не лучшей разведки мира.

На процессе стало ясно, что важная операция была поручена неопытным людям, поскольку основная группа смертельно устала и нуждалась в отдыхе. А израильским спецслужбам отчаянно не хватает людей. Ведь это маленькая страна с небольшим населением.

Расследование норвежской трагедии закончилось отставкой нескольких руководителей Моссада. Премьер-министр Голда Меир приказала прекратить операцию отмщения за Мюнхен. Трагедия в Норвегии подарила Саламеху еще пять лет жизни. Саламех продолжал убивать. В январе 1979 года его машину взорвали в Бейруте.

После каждой акции сотрудники Моссада навещали семьи убитых в Мюнхене израильских спортсменов и советовали внимательно посмотреть вечерние новости или прочитать завтрашние газеты. Они говорили вполголоса:

– Еще один за вашего сына...

Хотели показать родным погибших, что их горе не забыто и что убийцы наказаны.

Бывший руководитель военной разведки генерал Аарон Ярив, выйдя в отставку, рассказал, что израильские спецслужбы уничтожили от десяти до пятнадцати руководителей «Черного сентября».

– Никто не знает, сколько израильтян остались в живых, благодаря тому, что мы сумели предотвратить новые трагедии и чудовищные преступления, запланирован-

ные террористами, – говорила премьер-министр Израиля Голда Меир.

Семьи убитых спортсменов повторяли, что жаждут не мести, а справедливости. Они желали бы видеть убийц на скамье подсудимых. Но правосудие оказалось невозможным. Даже если участник мюнхенской бойни оказывался в руках полиции в какой-нибудь стране, его не сажали на скамью подсудимых, а поскорее отправляли назад, на Ближний Восток, где ему ничто не угрожало.

Наказали не всех. В июле 1981 года в Варшаве неизвестный всадил в главного руководителя теракта в Мюнхене Абу Дауда пять пуль. Палестинцу повезло – он выжил. Так и осталось неясным, кто стрелял в Абу Дауда: израильтяне или палестинцы? Поляки его не поймали. Как иностранцу удалось скрыться от госбезопасности в социалистической стране? Это могло произойти только в том случае, если стрелял тоже палестинец, такой же гость социалистической Польши.

Абу Дауд скрылся. В 2002 году он подтвердил американским журналистам, что нападение на спортсменов в Мюнхене благословил сам Ясир Арафат. А деньги для операции нашел Махмуд Аббас. После смерти Арафата он руководит палестинской автономией.

ПРИКАЗ: ОТРАВИТЬ!

19 сентября 1997 года шестеро агентов израильской политической разведки Моссад с поддельными канадскими паспортами прибыли в столицу Иордании и разместились в амманской пятизвездочной гостинице «Интерконтиненталь», что было странным выбором, потому что в этой гостинице полным-полно иностранных журналистов и сотрудников иорданских спецслужб.

Израильские оперативники исполняли особую миссию.

За полтора месяца до этого, 30 июля 1997 года, два молодых человека в костюмах и галстуках с тяжелыми сум-

ками появились в торговом центре в Иерусалиме. В сумках была взрывчатка... Шестнадцать человек погибли, две сотни ранены.

Террористы-камикадзе сделали все, чтобы скрыть свои личности. Даже срезали этикетки с одежды, чтобы нельзя было определить, где они ее купили. Перед взрывом они прижали сумки ближе к телу, чтобы ничего не осталось. Тем не менее установили: оба принадлежали к военному крылу террористической организации ХАМАС.

Премьер-министр Биньямин Нетаньяху позвонил директору Моссада генералу Дани Ятому и потребовал список ответных целей. Составили список представителей ХАМАС в Европе, которые добывали для террористов деньги и оружие. Нетаньяху список отверг:

– Мне нужны их вожди, а не торговцы.

Моссад доложил, что можно убить председателя политбюро палестинской террористической организации ХАМАС Халеда Машаля. Участники совещания вспоминали:

– Биньямин Нетаньяху не хотел ни бомбы, ни выстрелов, что-то очень тихое, чтобы нас не обвинили.

Предложили использовать яд, который трудно потом обнаружить. Решили распылить этот яд прямо на улице. Два оперативника подойдут к главе ХАМАС сзади. Один шумно откроет баночку с содовой так, чтобы вода выплеснулась фонтаном, а другой в этот момент опрыскивает Машаля ядом... Когда тот обернется, чтобы понять, кто его облил, то увидит всего лишь двух неуклюжих туристов с баночкой содовой. Самим боевикам предстояло после этого принять противоядие, чтобы избежать отравления.

Они некоторое время практиковались на улицах Тель-Авива, обливая прохожих кока-колой. В середине сентября передовая группа отправилась в Иорданию. Обычные документы прикрытия только что использовались, поэтому им дали новые комплекты документов – канадские.

Это была та же группа, которая ликвидировала руководителя «Исламского джихада»* Фатхи Шкаки, рассчиталась с начальником разведки ООП Атефом Бсейсо за его участие в теракте на мюнхенской Олимпиаде в 1972-м и устранила канадского инженера Джералда Булла, создававшего суперпушку для Саддама Хусейна. В Амман отправили и врача с противоядием – на всякий случай.

Большая часть группы остановилась в отеле «Интерконтиненталь». Взяли напрокат машину «Хёндай» и мобильные телефоны. План был таков: утром ждать Машала у его дома и следовать за ним. Один оперативник находится там, куда глава ХАМАС каждый день приезжает на службу. Он подаст сигнал: подъезжает. И вот тогда начинают двигаться ему навстречу два оперативника.

Нетаньяху требовал ускорить операцию.

Утром 25 сентября 1997 года решили действовать.

Боевики Моссада недостаточно долго следили за Машалем и не знали, что иногда он берет с собой детей.

В 10:35 утра машина подъехала. Председатель политбюро террористической организации ХАМАС Халед Машаль вышел из машины. Руководитель операции дал сигнал действовать. Боевики с ядом двинулись ему навстречу. Средств оперативной связи у них не было. Остановить их было невозможно. Вдруг девочка выскочила из машины и побежала за отцом с криком:

– Папа! Папа!

Водитель побежал за ней.

Боевики, которые все еще не видели девочку, уже приблизились к Машалю. Один из них поднял миниатюрную серебристую канистру с ядом, которая была прикреплена к его руке. Другой начал открывать баночку с кока-колой. Его увидел водитель. Ему показалось, что этот человек собирается ударить Машала ножом, и он закричал:

– Халед! Халед!

Машаль повернулся, и струя яда попала в него по касательной. В принципе это не имело значения. Но Машаль увидел, что его облили какой-то жидкостью, и почувствовал что-то вроде электрошока. Он закричал от страха и побежал. Водитель, подхватив девочку, побежал за ним.

Оперативники спешили покинуть место операции. Но неприятности только начинались. В этот момент появился боевик ХАМАС по имени Мохаммад Абу Сайяф. Он не понимал, что произошло. Но увидел, что Машаль бежит в одну сторону, а два каких-то человека – в другую. Он бросился за ними. Когда оперативники Моссада сели в машину, он записал номер. Водитель это заметил. Но не видел, что Абу Сайяф следует за ними.

Они попали в пробку и приняли неправильное решение: велели водителю их высадить. Они говорили потом, что хотели выбраться из машины, раз ее номер засечен. На самом деле им было разумнее уехать подальше и скрыться, если бы они уехали, то потом у них было бы время избавиться от машины.

Когда они вылезли из машины, появился Абу, который прошел подготовку в афганских лагерях и владел искусством ближнего боя. Он бросился на одного из оперативников и порвал на нем рубашку. Второй дважды ударил Абу, тот залился кровью. И это привлекло внимание публики: два иностранца бьют местного. Оперативникам надо было сразу бежать, но они потратили несколько драгоценных минут, пока не уложили Абу.

Появившийся полицейский вырвал обоих из рук разгневанной толпы. Абу ничего не мог объяснить, но полицейский забрал всех в участок. Они не сопротивлялись, считая, что у них надежные документы. Через два часа приехал канадский консул в Аммане. Он зашел в камеру, спросил арестованных, где они родились, задал несколько вопросов о Канаде. Выйдя из камеры, раздраженно бросил иорданским полицейским:

– Я не знаю, кто они. Но не канадцы.

Иорданские следователи умеют вести допрос, задержанные быстро признались, что служат в израильской разведке Моссад. Правительство Канады в знак протеста против использования оперативниками Моссада поддельных канадских паспортов отозвало посла из Израиля. Он вернулся только после того, как министр иностранных дел Израиля принес Канаде официальные извинения и пообещал, что это не повторится.

Женщина-оперативник побежала к старшему группы.

– Я плавал в бассейне отеля, – вспоминал Бен-Давид, – когда она появилась, хотя мы не должны были встречаться. По ее лицу я понял: случилось что-то плохое. Я связался с Израилем и получил приказ забрать всех членов группы оттуда, где они скрывались, и доставить их в израильское посольство.

Когда оповестили Нетаньяху, он позвонил королю Хусейну и попросил немедленно принять директора Моссада генерала Ятома. Нетаньяху не назвал тему. Король решил, что речь идет о предложении ХАМАС заключить перемирие.

Выслушав Ятома, разгневанный Хусейн вышел из комнаты. Ситуацию испортил присутствовавший при разговоре начальник иорданской разведки генерал Самих аль-Батихи, который подлил масла в огонь. Без него могли бы все урегулировать.

Моссад попросил местного резидента ЦРУ Стэна Московица вмешаться и помочь выволить израильских агентов из Иордании. Но директор ЦРУ Джордж Тенет велел ему не вмешиваться.

Четверо мнимых канадцев, обеспечивавших операцию и разместившихся в той же гостинице, исчезли, бросив свои вещи. Иорданские спецслужбы быстро установили, что они укрылись в израильском посольстве в Аммане.

Халед Машала тем временем доставили в больницу. Он все еще был жив. Но его состояние ухудшалось бук-

важно на глазах. Он начал задыхаться. В больнице Машаль подключили к аппарату искусственного дыхания. Иорданские врачи, сделав необходимые анализы, установили, что он отравлен. Они делали все, чтобы облегчить состояние отравленного, но спасти его не могли.

Королю Иордании Хусейну доложили, что врачи не знают вещества, которым был отравлен Машаль, поэтому не в состоянии подобрать противоядие, а без него руководитель ХАМАС не проживет и двух дней.

Разгневанный король позвонил премьер-министру Израиля Биньямину Нетаньяху и потребовал, во-первых, сообщить, какой яд был использован, и, во-вторых, прислать компетентных врачей или противоядие. Хусейн пригрозил, что, если Халед Машаль умрет, пойманных израильтян будут судить, приговорят к смертной казни и повесят.

Мирный договор между Иорданией и Израилем был подписан всего за три года до этого, 26 октября 1994 года. Конечно, настоящего мира не было. Всего за полгода до описываемых событий на границе иорданский солдат внезапно открыл огонь по автобусу с израильскими детьми. Это была школьная экскурсия. Детей привезли, чтобы они своими глазами увидели: израильско-иорданская граница стала границей мира. Иорданец застрелил семь школьников и ранил пять. Тогда король Хусейн прилетел в Израиль и преклонил колени перед родственниками жертв. Вот поэтому в Израиле дорожили отношениями с королем Хусейном.

Премьер-министр Нетаньяху приказал немедленно передать противоядие иорданцам. Но израильтянам не поверили. Король Иордании позвонил президенту Соединенных Штатов Биллу Клинтону и поделился своими сомнениями: он не знает, можно ли ввести больному пришедший из Израиля шприц с лекарством, а вдруг это попытка добить лидера ХАМАС?

Американцы прислали надежного врача, который потребовал от израильтян дополнительной информации

относительно яда и противоядия, прежде чем успокоить короля. Нетаньяху распорядился сообщить еще и химическую формулу препарата.

Бен-Давид, все еще находившийся в Аммане, решил уничтожить противоядие, которым его снабдили, потому что никому из агентов оно не понадобилось, а при аресте было бы опасной уликой. И тут он получил приказ, которому просто не поверил. Ему велели вместе с капитаном из иорданской разведки отправиться в больницу, где лежит Машаль, и отдать противоядие врачам, чтобы они спасли жизнь Машалю, которого уже подключили к аппарату искусственного дыхания.

Они отправились в больницу втроем: иорданский капитан, который смотрел на них с ненавистью, руководитель группы и женщина-врач. Она намеревалась сама дать противоядие. Но иорданцы не позволили ей приблизиться к умирающему лидеру ХАМАС. Иорданский врач взял препарат и сам ввел его Машалю. Он очень быстро поправился.

Иначе говоря, Биньямин Нетаньяху спас человека, которого перед этим приказал убить. Руководитель ХАМАС воспринимался в Израиле как террорист номер один.

ХАМАС – аббревиатура арабского названия организации «Харакат аль-мукавама аль-исламия» («Исламское движение сопротивления»). Оно было создано 14 декабря 1987 года и обещает очистить Палестину от евреев. ХАМАС считает себя частью всемирного исламского движения «Братья-мусульмане»*. Оно ставит перед собой задачу захватить власть в каждой отдельной арабской стране, чтобы в конечном итоге образовать единое исламское государство.

Среди героев ХАМАС – убитый в Чечне иорданец Абдель Рахман аль-Хаттаб, который сражался вместе с Шамилем Басаевым против федеральных войск и был убит. Хаттаба, считавшегося одним из самых жестоких полевых командиров в Чечне, палестинцы считают и своим героем. Ему посвящены такие слова:

«О великий воин-герой, чьи глаза полны слез мечты! Аллах забрал твою жизнь в эпоху, когда все в мире извратилось, а люди потеряли разум. Ты отказался от брэнного мира и его услад во имя веры».

ХАМАС значительно радикальнее Организации освобождения Палестины. Она отрицает право еврейского государства на существование.

После каждого кровопролития, устроенного ХАМАС, израильские министры задавали себе вопрос: как остановить террор? Один из них горько сказал на заседании кабинета:

– Невозможно видеть по телевизору восьмилетнюю девочку, которая в ужасе рассказывает о том, как она увидела свою подружку без головы, а потом поняла, что голова лежит рядом, отдельно от тела.

Премьер-министр Биньямин Нетаньяху всегда требовал самых жестких мер против террористов. Его старший брат, подполковник Йонатан Нетаньяху, командовал группой спецназа, которая освободила пассажиров самолета авиакомпании «Эйр Франс», захваченного террористами.

Израильские лидеры старшего поколения думали о том, как побыстрее установить мир с соседями. Они жили с ощущением хрупкости Израиля. У Нетаньяху такого чувства нет. Он считает, что руководит государством, которое может дать отпор и никого не должно бояться. Он приказал Моссаду нанести по террористам ответный удар. Руководство ХАМАС укрылось в Иордании, туда и отправили оперативную группу.

Человек, достигший поста премьер-министра, не может быть настолько наивен, чтобы полагать, будто специальные службы способны работать в белых перчатках. И все же много раз в своей жизни премьер-министр изумленно вскидывал брови: да как же все это могло получиться?! А теперь он должен был сам заниматься ликвидацией ущерба.

Нетаньяху распорядился вызвать в Иерусалим израильского посла при Европейском союзе Эфраима Халеви.

Прежде он работал в Моссаде и отвечал за поддержание тайных отношений с Иорданией. Он приложил немало усилий к подписанию мирного соглашения между двумя странами в 1994 году. Когда Халеви был заместителем директора Моссада, то установил почти что дружеские отношения с королем Хусейном.

А ситуация все ухудшалась. Стало известно, что король намерен приостановить действие договора с Израилем и потребовал передать ему укрывшихся в посольстве четверых агентов Моссада, чтобы они предстали перед судом. Если они не сдадутся, он прикажет силам безопасности взять посольство штурмом...

И тогда Эфраим Халеви, который хорошо знал короля, сказал, что есть только один способ спасти положение и выручить из беды своих людей – выпустить из израильской тюрьмы духовного вождя ХАМАС шейха Ахмеда Ясина, главного вдохновителя террористов. Это поможет королю Иордании предстать перед своими подданными королем, который заботится о палестинцах.

Израильские спецслужбы были категорически против. Но Нетаньяху понял, что если председатель политбюро ХАМАС умрет, ситуация будет в десять раз хуже. Если для спасения людей и отношений между двумя государствами нужно отпустить шейха Ясина, значит, он обязан это сделать. Эфраим Халеви отправился в Амман.

Выслушав своего гостя, король сказал, что освобождение Ясина – это, пожалуй, действительно хорошая идея. Когда атмосфера смягчилась, Халеви обратился к Хусейну:

– Ваше величество, могу ли я попросить вас проявить королевское милосердие? Разрешите тем четверым израильтянам, которые сидят в посольстве, уехать.

– Забирайте их, – великодушно сказал король.

– И, если можно, – продолжал Халеви, – дайте знать тем двоим, что сидят в вашей тюрьме: мы делаем все, чтобы вернуть их домой.

Король вновь согласно кивнул.

Эфраим Халеви немедленно позвонил домой, чтобы прислали военный вертолет. Через полчаса неудачливые сотрудники Моссада, которые укрылись в израильском посольстве в Аммане, были в воздухе. От Аммана до Иерусалима всего двадцать минут лета.

На следующий день шейх Ясин был освобожден и через Амман прибыл в сектор Газа, где ему была устроена торжественная встреча. Король Хусейн предстал перед своими подданными и палестинцам на оккупированных территориях человеком, способным совершить невозможное. В этой ситуации никто не посмел попрекнуть его тем, что он отпустил израильтян.

Директор Моссада Дани Ятом, который провел такую неудачную операцию, ушел в отставку. Его сменил Эфраим Халеви, столь успешно уладивший это дело.

ОПЕРАЦИЯ ВОЗМЕЗДИЯ

Самая громкая операция Моссада последнего времени была осуществлена в Дубае. Это одно из княжеств, входящих в состав Объединенных Арабских Эмиратов, государства в Персидском заливе.

Человек, на которого охотились, прилетел в Дубай с паспортом на чужое имя ранним утром 19 января 2010 года. Он часто бывал здесь и как очень важная персона был избавлен от всех хлопот. Получив багаж, он снял номер 230 на втором этаже гостиницы «Аль Бустан Ротана» и повесил на дверь табличку «Просьба не беспокоить».

Когда на следующий день в полдень служащие гостиницы все-таки вошли в номер, он был мертв. Патологоанатом, не колеблясь, записал в заключении о причине смерти: «Кровоизлияние в мозг».

Настоящее имя этого человека – Махмуд аль-Мабхух. Он был широко известен в узких кругах ближневосточных тер-

рористов. Один из руководителей палестинской боевой организации ХАМАС, он занимался нелегальной закупкой оружия, поддерживал контакты с Ираном и отвечал за поставки в сектор Газа ракет, которыми обстреливаются израильские города. Люди его профессии умирают не от инсульта.

Годом ранее Махмуд аль-Мабхух с гордостью поведал телеканалу «Аль-Джазира» об участии в убийстве двух израильтян в 1989 году. Во время съемок его лицо скрыли, но в Моссаде легко установили, кому принадлежит голос. Он в деталях описал, как боевики ХАМАС переоделись в одежду набожных евреев и заманили израильтян в ловушку...

Вместе с напарником по имени Мухаммад Насер, боевая кличка Абу Сахиб, они остановились на перекрестке и предложили одному израильтянину подвезти его. Он сел сзади.

– Мы договорились с Абу Сахибом, что я подам знак, когда на дороге будет пусто, – рассказывал Мабхух. – Через три километра я подаю знак. Абу Сахиб всадил в него две пули из своей «Беретты» – в лицо и в грудь. Я слышал, как тот тяжело вздохнул, и все – конец.

Не в силах сдержать своего восторга, убийцы топтали тело своей жертвы и фотографировали друг друга. В ходе интервью Мабхуха спросили, не сожалеет ли он об убийстве? Махмуд ответил, что сожалеет только об одном: он вел машину, и удовольствие убивать досталось Абу Сахибу.

Надо думать, Мабхух понимал, что убийство не останется без ответа. Чтобы отомстить, Моссаду потребовалось двадцать лет.

Ближний Восток – это проклятое место, где все говорят о мире, но не дорожат им. Для арабских государств уничтожение Израиля важнее создания палестинского государства. Если бы было иначе, палестинцы давно бы жили в своей стране.

История Моссада окружена множеством легенд и мифов. Израильской разведке приписывают победы, которые она никогда не одерживала, и упрекают за пораже-

ния, которых она не знала. Моссад часто ставят в один ряд с ЦРУ или КГБ, сравнивают со знаменитой британской разведкой. Но Израиль – небольшое государство, и возможности разведки крайне ограничены. Считается, что штат Моссада составляет полторы-две тысячи человек. Моссад делится на семь отделов: планирования операций и координации; сбора информации; политических действий; кадров, финансов и безопасности; подготовки личного состава; исследовательско-аналитического; технических операций и создания технических средств для оперативной работы.

Заграничные резидентуры Моссада всегда были малочисленными, их задача состояла в том, чтобы раскрывать планы соседей, намеренных уничтожить еврейское государство, собирать информацию о ближневосточной политике различных стран, о закупках арабами оружия.

Проблема Моссада состояла в том, что ему приходилось заниматься не только чисто разведывательными делами. Прежде всего требовалось обеспечивать безопасность евреев, которые жили в арабском мире. После первой арабо-израильской войны в 1948 году почти миллиону евреев пришлось покинуть свои дома в арабских странах, где к ним относились как к врагам. Запуганные люди, они ждали худшего. Уникальные операции по их спасению с вражеской территории стали со временем сюжетами художественных фильмов....

В январе в международный аэропорт Дубай ежедневно прибывают многие тысячи людей – отдохнуть от зимы. Здесь летняя погода, первоклассные отели и множество магазинов. Но двадцать семь человек, которые в тот день прилетели сюда из разных европейских городов, не собирались отдыхать. Это была оперативная группа Моссада, которая искала Махмуда аль-Мабхуха.

Имеет ли правительство право отдавать такие приказы? На протяжении десятилетий (за малым исключе-

нием) арабский мир находится в состоянии войны с Израилем. Режим чрезвычайного положения, существующий с момента создания еврейского государства, продлевается каждый год решением кнессета. Он не отменяет основных политических прав и свобод, Израиль – единственное демократическое государство на Ближнем Востоке. Но правительство наделено всей полнотой прав в сфере безопасности, поэтому премьер-министр страны может отдать приказ армии и спецслужбам уничтожить террористов.

Махмуд аль-Мабхух обосновался в Ливане. Занимался нелегальной поставкой оружия для палестинских боевиков. Деньги на покупку оружия собирал в богатых странах Персидского залива. Потом перебрался в Дамаск, столицу Сирии, где установил связи с иранским Корпусом стражей Исламской революции. Через него приходили деньги и оружие. С его помощью боевики в секторе Газа получили ракеты большего радиуса действия, которыми они обстреливают израильские города.

Первая стадия операции в Дубае прошла успешно. Промахи оперативников станут очевидными позднее. Оперативники Моссада расплачивались наличными или депозитными карточками одной и той же небольшой американской компании. Карточки этой компании – не самое популярное в Дубае платежное средство, что поможет потом полиции сузить круг подозреваемых.

Они совершили и другую ошибку. Для связи друг с другом оперативники использовали австрийский телефонный терминал, то есть они разговаривали через Австрию. Это делалось для обеспечения безопасности. Но потом следователям бросится в глаза, что в распечатках телефонных переговоров подозреваемых значится один и тот же австрийский номер.

Два агента Моссада ожидали появления своего клиента в гостинице с теннисными ракетками в руках. Позднее станет ясно, что и это была ошибка – настоящий теннисист держит ракетку в чехле.

Камеры наблюдения зафиксировали, как Махмуд аль-Мабхух регистрировался у стойки. Он постоянно проверялся. Видимо, предполагал, что за ним могут следить. Но не обратил внимания на двух теннисистов, которые вместе с ним вошли в лифт. Они проследовали за ним по коридору, взглянули на номер, в котором он остановился, и тут же сняли комнату напротив.

Махмуд аль-Мабхух сразу уехал в город. Как он провел последние четыре часа своей жизни? По израильским данным, встречался с банкиром, который помогал совершать нелегальные сделки по покупке оружия, и с представителями иранских стражей революции – они обещали отправить крупную партию ракет в сектор Газа.

С половины седьмого вечера оперативники ждали появления Махмуда аль-Мабхуха в отеле. Специалист по электронике убедился в том, что сможет в любой момент открыть дверь в его номер. В половине девятого Махмуд аль-Мабхух вернулся в гостиницу с покупками. Он не обратил внимания ни на человека с усами в форме служащего отеля, ни на женщину в темном парике, которые караулили его в холле. Группу наблюдения сменили. Все были в париках.

На лифте Махмуд аль-Мабхух поднялся на второй этаж и вошел в свой номер. Судя по всему, оперативники ворвались вслед за ним.

В выводах следствия говорится, что ему сразу сделали укол – ввели сукцинилхолин. Это нервно-мышечный релаксант, используется при анестезии. Затем задушили подушкой. На самом деле осталось неизвестным, как именно он был убит. Этот препарат легко обнаруживается при патолого-анатомическом исследовании, да и след от укола невозможно скрыть. Удушение тоже оставляет следы, известные специалистам... Трудно себе представить, чтобы оперативники Моссада действовали столь топорно.

Они покинули отель группами по двое. На такси добрались до аэропорта и улетели в разные города. Миссия завершена...

Только через неделю руководство организации ХАМАС в Дамаске забеспокоилось: куда же исчез главный поставщик оружия? Один из подручных Махмуда аль-Мабхуха побывал в морге и обнаружил там тело своего шефа. После этого палестинцы обратились за помощью в полицию Дубая: один из наших прилетел к вам с фальшивым паспортом, к сожалению, мы вас не предупредили...

Говорят, что начальник дубайской полиции генерал-лейтенант Тамим был в гневе и кричал палестинцам: «Забирайте свои деньги, свое оружие и свои фальшивые паспорта и катитесь прочь из моей страны!» Но ему не понравилось, что кто-то позволяет себе убивать в его городе.

Израильяне недооценили полицию Дубая. Ее начальник генерал-лейтенант Тамим в девятнадцать лет окончил полицейскую академию в Аммане, лучшее полицейское учебное заведение в арабском мире. Через десять лет он возглавил полицию страны. Его задача – заботиться о том, чтобы преступность не помешала процветанию маленького государства. Он снабдил своих подчиненных лучшим оборудованием, новейшей техникой, установил повсюду камеры наблюдения.

В полиции составили колоссальный список всех, кто приезжал в Дубай одновременно с Махмудом. Сравнили с именами тех, кто останавливался в одной с ним гостинице; их лица стали искать на записях тысячи с лишним видеокамер наблюдения. И смогли идентифицировать каждого из постояльцев отеля! Потом выявили тех иностранцев, кто пользовался той самой редкой платежной системой и звонил по одному и тому же номеру в Австрию.

Всякий раз, когда израильская разведка уничтожает кого-то из террористов, поднимается волна возмущения: разве можно выносить – и исполнять – смертный приговор

без суда? Не является ли в таком случае акция возмездия нарушением закона?

Отвечают обычно так: эти преступники укрываются на территории арабских государств, которые не только не сажают их на скамью подсудимых, но и укрывают от правосудия, помогают им, а то и возвеличивают как героев.

Палестинский террорист Махмуд аль-Мабхух, которого израильские власти разыскивали за двойное убийство, когда-то бежал в Египет. Египетское правительство собиралось посадить его на скамью подсудимых или выдать Израилю. Но не стало злить исламских радикалов и просто выслало из страны.

В семидесятые и восьмидесятые годы чуть ли не весь мир осуждал Израиль за применение силы в борьбе против террористов, за боевые операции спецслужб на территории других государств. Времена изменились, теперь не только Израиль, но и многие другие государства оказались жертвами большого террора. И в нашей стране после очередного теракта тоже звучат голоса с призывом использовать опыт Израиля в борьбе с террором.

Официальные представители Израиля отрицают причастность Моссада к смерти Махмуда аль-Мабхуха. В частных разговорах израильтяне считают операцию в Дубае успешной. Цель достигнута: безжалостный убийца понес заслуженное наказание. Руководители ХАМАС лишней раз убедились в том, что их могут достать где угодно, что им отомстят за все преступления.

Оперативники благополучно вернулись домой... Единственное пожелание, которое они услышали: следует быть осторожнее. В следующий раз.

* Организации, запрещенные в Российской Федерации.

ОТ АВТОРА	...5
Часть первая. ВРАГИ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ ВНЕ ЗАКОНА	
Загадка судьбы генерала Кутепова	...8
Седьмой пункт	...23
«Шуму наделали, а мост не взорвали»	...35
Коробка конфет для Евгена Коновальца	...38
Под солнцем Испании	...44
«Я возвращаю себе свободу!»	...51
Похищение генерала Миллера	...59
Ледоруб Рамона Меркадера	...73
Легендарный Кузнецов	...89
Человек, который привел Гитлера к власти	...93
Ликвидация гауляйтера Вильгельма Кубе	...100
Рауль Валленберг. «Кремировать без вскрытия»	...119
Смерть бродячего самурая	...126
Часть вторая. С ПРИМЕНЕНИЕМ СПЕЦТЕХНИКИ	
Не организовать ли свадьбу?	...145
Пачка сигарет разит насмерть	...151
Выстрел из газового пистолета	...159
Найти Степана Бандеру	...167
Группа «А»	...176
Штурм дворца Хафизуллы Амина	...181
Скажи, кто твой агент	...197
Часть третья. ОДНА ИСТОРИЯ ЗАГАДОЧНЕЕ ДРУГОЙ	
Бомба в джипе	...203
Чашка чая с полонием	...209
«Новичок» в анекдотах и в жизни	...216
Часть четвертая. КАК ЭТО ДЕЛАЮТ ДРУГИЕ	
Франции это дорого обошлось	...227
«Все следы ведут в Иран»	...228
Властелин дронов	...238
Правосудие с доставкой на дом	...246
Похищение Адольфа Эйхмана	...257
Операция «Божий гнев»	...266
Приказ: отравить!	...287
Операция возмездия	...296

Леснид МЛЕМИ
СПЕЦОПЕРАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.
Похищения и ликвидации.
КГБ, ЦРУ, Моссад...

Редантор и корректор
Татьяна Плахина

Обложна
Роман Хапилин

Верстка
Екатерина Сотникова

АО «Издательский дом «Аргументы недели»
125167, г. Москва, Авиационный пер., д. 4а
Тел.: +7(495) 980-45-60
www.knigi-an.ru

Подписано в печать 20.05.2019

Формат 84x108/32.
Объем усл. печ. л. 15,96
Тираж 1000 экз.
Заказ № 4451

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

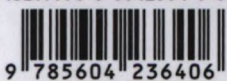
**Леонид МЛЕЧИН –
писатель-историк
и телеведущий.**

Все книги этого автора отличаются тщательным исследовательским подходом как к героям его произведений, так и ко времени, в котором им довелось жить и работать. Это позволяет читателю полностью погрузиться в ту эпоху, которую описывает Л. Млечин.

Громкие истории последнего времени заставили заговорить о том, что специальные службы вновь приводят в исполнение смертные приговоры, вынесенные врагам государства. Боевые операции за границей представляют особую сложность. И за редким исключением их не удастся сохранить в тайне.

Спецслужбы всегда обещают устроить заковыристое дельце без шума и пыли, но, как правило, возникают громкие межгосударственные скандалы. Впрочем, некоторые истории и по прошествии времени все еще остаются загадкой...

ISBN 978-5-6042364-0-6

9 785604 236406

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ

www.argumenti.ru • выходит по четвергам

